

Владимир Поселягин

ИСТРЕБИТЕЛИ

Я — истребитель

Мы — истребители

Путь истребителя

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Владимир Поселягин

**Истребители: Я – истребитель. Мы
– истребители. Путь истребителя**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Истребители: Я – истребитель. Мы – истребители. Путь
истребителя / В. Г. Поселягин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-123395-2

Школьник-выпускник провалился в болото и вынырнул 20 июня 1941 года. Сын летчика, сам летчик, он решил оставить заметный след в этой войне. Но главное для него, для начала – выжить в первые дни войны. А скоро новейшие истребители Ла-5, которыми управляют летчики, прошедшие обучение по новейшим методикам пилотирования в Центре боевой подготовки летного состава ВВС, пойдут в бой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-123395-2

© Поселягин В. Г., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Я – истребитель	6
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Владимир Поселягин
Истребители: Я – истребитель. Мы
– истребители. Путь истребителя

© Владимир Поселягин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Я – истребитель

*Отдельная благодарность за помощь читателям форумов ЛитОстровок и Самиздат.
Особенная благодарность моим родителям – Поселягину Геннадию Леонидовичу и Поселягине Алевтине Анатольевне – за помощь в написании книги.*

Также большое спасибо Сергею Уксузу за корректуру и вычитку.

Проснулся я от ласкового прикосновения, скинул одеяло, зевая, потянулся – рука, разбудившая меня, медленно поползла по животу вниз. Не глядя, сграбастал пискнувшее тело с приятными округлостями. Девушка, тяжело дыша, навалилась на меня и стремительно оседлала.

Через полчаса, восстановив дыхание, я направился в ванную. Залез в душевую кабину и стал намыливаться, пока ко мне не скользнула гибкая фигурка.

– Сева, не опоздай. Выпускной бывает раз в жизни, – сказала она еще через полчаса и, забрав у меня полотенце, стала вытираться. Глядя на свою классную руководительницу, я думал: «А она у меня действительно классная!» Что-то, а про Соню Викторовну можно сказать одним словом – шикарная. Честно говоря, когда ее, только что пришедшую в школу после пединститута, поставили руководить нашим классом вместо уходящей на пенсию Марии Семеновны, я понял, что попал. И, глядя на ее формы, гадал, есть у нее кто или нет. Как выяснилось – нет. Но чтобы ее соблазнить, у меня ушло почти полгода.

Хотя что это я, совсем забыл представиться. Немного расскажу о себе: батя назвал меня Александром. Хотел, чтобы я был Сан Санычем, однако семейный совет, состоящий из бабушек и дедушек, решил назвать меня Вячеславом. И с тех пор я Севка-Сашка Суворов. Родители до сих пор спорят на эту тему. Родился я в 1994 году, и ровно через три дня мне исполняется семнадцать. Месяц назад я закончил школу (сегодня будет выпускной), но куда поступать дальше – пока еще не решил. Наверное, по совету брата отца, отслужу срочную. В нашей семье от армии не бегали, служили все. Причем армия началась для меня в двенадцать лет: отец удружил, взяв мое воспитание в свои руки. Но как бы то ни было, физическая нагрузка пошла на пользу, рос я довольно сильным.

Расскажу еще о своем отце. Он у меня подполковник авиации в отставке, бросил армию из-за усиливающегося раздолбайства и воровства. Сманил его к себе старый друг бати, одноклассник дядя Жора Раневский, входящий в сотню самых богатых людей России. Его связывала с отцом страсть к самолетам. И хотя батя вертолетчик, он тоже увлекся ретро-аппаратами. И не просто ретро, а времен Второй мировой войны. Поэтому у дяди Жоры есть личный музей авиации во Франции, в котором уже два десятка экспонатов – самолетов различных моделей и модификаций.

И чего только там нет! И И-16 (в двух экземплярах), и один ЛаГГ-3, два «Яковлева» – первый и третий, У-2 (По-2), который русфанер. «Аэрокобра» в одном экземпляре тоже присутствовала. Из немецкой техники – Мессершмитт-109 и Фокке-Вульф-190.

Насколько я знаю (батя говорил), сейчас идут переговоры о покупке частей МиГ-1 у черных археологов – основных поставщиков запчастей, хотя немало ЗИПов дядя закупал на армейских складах, незная как узнавая, что и где есть. Отец организовал свой отряд поисковиков (в который вхожу и я) еще пять лет назад, но большую часть экспонатов все равно приходится покупать. Сейчас наш отряд на Брянщине, возле одного из многочисленных болот. Батя по телефону сообщил, что они обнаружили остатки самолета, на ощупь опознанного водолазом как ЛаГГ. После выпускного вечера я собираюсь ехать сразу к ним.

Так вот, насчет самолетов – все они летали. И так как почти все из них я помогал собирать и ремонтировать, то знал каждый до винтика. Когда мне было лет пять, мама подарила набор

самолетиков, ну те, которые клеить надо. К десяти батя заметил мой интерес к авиации и стал потихонечку учить меня летать, в основном в качестве пассажира того же У-2. В то время все самолеты (аж три штуки) еще находились в России. В общем, первый раз в одиночку я поднялся в небо в тринадцать лет в воздухе Франции. А после...

Был еще один момент. При всей любви дяди Жоры к ретро-самолетам, высоты он панически боялся. Поэтому летал его сын Степка, мой корефан и одноклассник. Сколько мы с ним налетали, сколько воздушных боев провели!.. Самый любимый наш бой – это мы со Степкой на «ишачках» против бати с его «мессером». Сколько мы учебных боев провели – вспомнить страшно, но при всем опыте бати в последнее время стали его побеждать, то есть результат боя по очкам был в нашу пользу. Все это – закономерный итог наших посиделок вечером за мемуарами летчиков-ветеранов. Карты воздушных боев, тактику и стратегию мы зачитывали до дыр. Один налет на И-16 был больше пятидесяти часов, а общий – больше трехсот. И хотя «ишачки» постоянно требовали ремонта и запчастей, дядя Жора не скупился. Нет, конечно, мы не так часто летали на ретроистребителях, как хотелось бы, больше отрабатывали тактику на спортивных «Яках», но и на ретро налетали немало. Был случай, когда в воздухе у меня заглох мотор на Як-3, так я планировал с высоты и сел прямо на аэродроме, спокойно переговариваясь с отцом по рации и слушая вопли дяди Жоры, чтобы я прыгал. Он серьезно считал, что я угроблюсь. Но все прошло нормально, и самолет через месяц участвовал в параде ко Дню Победы. После полета нас по первому каналу показали, а у меня, когда я после представления из самолета вылезал, еще и интервью взяли. Сам не понимаю, как дядя Жора смог договориться с нашими чиновниками, думаю, нажал на все рычаги, которые мог нажать. Главное для него был пиар, и он его получил.

Большая часть, где использовались самолеты, – это, конечно, кино. К дяде Жоре постоянно обращались с просьбами в участии в съемках того или иного фильма. Где они получали отказ, а где и согласие. Может, видели фильм «Небо в огне»? Так я там участвовал в съемках, на «Яке». Или «Брестская крепость»? Где «ишачок» сбивают два «мессера»? Вот на «ишачке» я и был. Многие считают, что это компьютерная графика, но это было не так.

– Все, мне пора, – прервала воспоминания Соня, чмокнув меня в губы, и, вертя попкой, вышла из квартиры. Закрыв дверь, я подошел к окну и наблюдал за ней, пока она шла к остановке. Нравилась она мне, зараза. Ну и что, если разница в возрасте у нас шесть лет? Главное, мне с ней хорошо, и мы оба понимали, что наша связь временная. Просто любовники. Отец бы, конечно, не одобрил, но где он и где я?

Ладно, пора собираться. Одежда для выпускного, приготовленная Соней, висела на плечиках. Сняв с дверцы шкафа вешалку, я быстро оделся и направился в школу.

«Не забыть бы, что вечером у меня окно на авиасимуляторе. А то эти курсанты совсем времени не оставляют!» – подумал я, подходя к остановке.

* * *

Поезд, скрипя тормозами, скинул скорость. Через окно я посмотрел на приближающийся вокзал, потом, отпустив занавеску, стал быстро укладывать вещи. Когда поезд остановился, я сел у стола, ожидая встречающих. Наконец дверь купе отодвинулась, и я обнял стоящую в коридоре маму. Потом поздоровался с двумя ребятами и показал им на баулы. Прихватив чемодан и рюкзак, мы с мамой направились следом, на ходу вываливая друг на друга последние новости. Подойдя к забрызганному грязью «уазу», я отдал чемодан Михаилу, поисковику с десятилетним стажем. Устроившись на заднем сиденье, мы проговорили всю дорогу до базы. За время разговора выяснилось, что двигатель ЛаГГа удалось поднять, и сейчас Тимофеич разбирал его на детали. Тимофеич – наш техник, именно он учил меня ремонтировать и собирать из металлолома самолеты.

Порадовало новое известие. Рядом с болотом, в озере, на глубине восемнадцать метров в слое ила удалось обнаружить полусгнивший Ил-2. Водолаз был у нас профи, увлекающимся, как и мы, ретро-самолетами, так что легко на ощупь определял тип найденной машины, а уж с аппаратурой... Сейчас дядя Жора договаривается насчет подводных работ. Машинка с телеуправлением, стоящая кучу бабок, которая и нашла Ил, сейчас работала в соседнем водоеме.

Поездка по бездорожью продлилась почти три часа, и когда мы наконец прибыли в маленькую деревеньку, я обрадовался. Закончив с распаковкой вещей, мы со вторым поисковиком, Артемом, переоделись и направились к лагерю.

– ...и выходит он, прикиньте, весь в муке. Я как его увидел, сразу за живот схватился. Я бы к ней побоялся подходить, а Севке все нипочем.

В отличие от остальных, рассказ про мои похождения у меня улыбки не вызвал. Не получилось с симпатичной вдовушкой помириться – получится с другой. Хорошо, что все хорошо кончается. Поиск закончился, и через два дня мы отправляемся на пару месяцев во Францию. Наконец-то снова летаю. Короче, здравствуй небо!

Отойдя от парней, сидящих у костра, я посмотрел на небосвод, подошел к своему рюкзаку с мокрым песком, весом двадцать килограммов, и надел его. Привычно попрыгав, побежал к деревне, находящейся от лагеря в семи километрах. Две недели, прошедшие с момента моего приезда, пролетели незаметно, хотя мы успели сделать многое. Подняли бронекорпус Ил-2, вместе с двигателем. Правда, тут нас ждало разочарование: мотор был разбит, и похоже, что он горел. Вот с ЛаГТом повезло, его мотор был почти цел.

Привычно перепрыгивая через корневища, я бежал по узенькой тропинке, стараясь не сбить дыхание. Добежав до болота, забрался на проложенную гать и по мосткам медленно потрусил к видневшемуся берегу со стоящими меж деревьев домами. Эти мостки проложены довольно давно, и местные используют их для походов в ближайшее село с магазином. Место расположения деревеньки таково, что длинный язык болота перерезал жителям деревни кратчайшую дорогу к цивилизации. Болотный язык был шириной всего метров триста, местами проложили гать, а где топь, просто проложили эти мостки на плотках. И сейчас, идя неспешным шагом по поскрипывающим доскам, я надеялся, что ни одна из них не треснет. Заметив на берегу маленьких детишек, махающих мне рукой, ускорил шаг. Детишкам я сегодня обещал вместе с ними запустить змея.

Вдруг часть мостика резко ушла в сторону, и я, с испуганным матерным криком, вверх ногами, спиной вошел в торфяную кашу. Проблема была в том, что я свалился в топь на выдохе и кислорода в легких было катастрофически мало. Едва не теряя сознание от ужаса своего положения, я стал быстро отстегивать ремни рюкзака, утягивающего меня вниз. Шевеля плечами, скинул лямки и, разбросав руки, старался дотянуться до мостков. Попытка открыть глаза ни к чему не привела, кроме того, что набившаяся в нижнее веко торфяная масса стала жечь правый глаз. Тут мне под руки что-то попало. Ухватившись за корявое нечто, похожее на корень, я из последних сил рванул вверх. Держась рукой за кочку, я приподнимал голову над болотной жижей, дергаясь всем телом – меня судорожно рвало. Я все-таки успел наглотаться грязи. Немного отдохнув, стал промывать глаза водой, набранной на поверхности болота. Тут я понял, что не слышу криков и воплей детворы. Странно, они же видели, что я навернулся с мостков! Почему же никто не идет на помощь?

Промыв один глаз, я осмотрелся, смахивая набегающие слезы. Сквозь оставшуюся муть я никаких мостков не обнаружил, так же как и деревни. Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралось болото. От неожиданности я чуть не отпустил кочку. Быстро ухватив ее руками, завыл:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Ответа на все мои крики я так и не дождался.

Вдали послышался знакомый рокот авиационных двигателей. Быстро закончив промывать второй глаз, я всмотрелся в небо. Надо мной прошла тройка «ишачков», заставившая меня уронить челюсть от удивления. Какого хрена?! Сказать, что я был шокирован, значит, ничего не сказать. Проводив истребители взглядом, я стал думать, что произошло. Версия о попадании пришла в голову четвертой. Первые три были на грани фантастики. Неделью назад один из поисковиков рассказал в лицах книгу одного автора о похождениях парня в сорок первом, Лисов, кажется, его фамилия. Так, может, я тоже так же перенесся? Черт, пока не выберусь из болота, ничего не смогу выяснить.

Хорошо промытые глаза позволили мне осмотреться. И сразу же я обнаружил, что за спиной, метрах в двухстах, находится лес. Взбравшись на кочку, которая стала медленно тонуть, я оттолкнулся ногами и на животе скользнул к следующей, находящейся в трех метрах от меня. Потревоженная моими прыжками болотная гадюка метнулась в сторону под моим испуганным взглядом. Никогда не любил змей – склизкие, холодные, брр.

Путь по болоту занял у меня почти шесть часов – часто приходилось возвращаться назад, если дальше была открытая топь. Когда я выполз на берег, то вполне серьезно несколько раз поцеловал мох, растущий на земле, и, повернувшись к болоту лицом, высказал все, что о нем думаю. И добавил:

– Больше никогда я по доброй воле в болото не залезу.

После чего, упав спиной на землю, счастливо рассмеялся. Я выбрался и живой, что может быть лучше? Отдохнув с часок, под бурчание голодного желудка встал и осмотрелся. Где я находился, не знаю, но выяснить следовало осторожно, пока не определю свое местоположение.

Осмотр ничего не дал, кроме того, что лес был довольно густой и возвышался над болотом метра на три. После того как я закончил крутить головой, настало время посмотреть, чем я располагаю. Одет я в армейский комбез, который после купаний в болоте стал расцветкой ни чем не отличаться от самого болота. На ногах – новенькие китайские кроссовки, купленные на один сезон и надетые, чтобы пофорсить перед деревенскими. Однако хваленая китайская обувь российских болот не пережила, и сейчас, глядя на почти полностью оборванную подошву, я грустно размышлял, как ее починить. Пошарив по карманам, обнаружил смартфон с сочащейся из него водой и носовой платок. Больше ничего в комбесте, используемом мной для пробежек, не было.

– Нет, просто класс – всякие хмыри попадают в другие миры чуть ли не с танками, а у меня использованный носовой платок и неработающий телефон! Зашибись, б...я! – крик души, выданный мной вслух, немного успокоил.

Подумав, я снял комбез и содрал все ярлыки, что были. И вместе со смартфоном зашвырнул их в болото. Выжав насквозь мокрую одежду, я натянул ее на себя и, выбрав направление движения, тихонько поплелся, загребая листву оторванной подошвой. Постоянно попадавшиеся неглубокие овраги со стоящей в них водой изрядно замедляли путь. Поглядев на солнце, примерно определил время на данный момент – где-то около двух-трех часов дня.

Еще через час моих блужданий по этому лесу небольшая тропинка привела к поляне со скошенной травой, что обрадовало меня до щенячьего восторга. Обувка пришла в окончательную негодность, и я шел практически босиком. Осторожно выйдя на поляну, я подошел к стогу свежескошенного сена, после чего, сняв уже подсохшую одежду, разлегся в нем, прикрыв глаза. Усталость мигом наинула на меня дремоту, и я провалился в глубокий сон.

Разбудили меня грубо: схватив словно клещами за ногу, скинули с сена на землю и придавили чем-то острым живот. Открыв глаза, я разглядел в свете заходящего солнца стоящего надо мной хмурого мужика с длинной седой бородой, рядом стоял второй, помоложе, с вилами в руках. От вида, что мне упирается в живот, мне сразу поплохело. Это была винтовка, в которой я не сразу опознал изделие Бердана.

– Вы что, охренели?! Убери железку! – от звука моего голоса вооруженный мужик явно обрадовался.

– А, москаль проклятый, вот я тебя сейчас... – И стал поднимать винтовку, собираясь ударить меня.

– Сам ты москаль, урод!

Москалями поляки называли всех русских, и то, что я действительно москвич, было простым совпадением.

Мужик опустил оружие и задумался. Глядя на его складку на лбу, сообразил, что думать ему, похоже, непривычно. Видимо, придя к какому-то решению, он, отступив, повелительно дернул ствол и велел мне встать. Подождав, пока я оденусь, меня все так же под прицелом сопровождали к стоящей рядом телеге. Запряженный в нее конь меланхолично жевал траву и лишь дернул ухом, когда я прошел мимо.

– Стой, москаль! – рыкнул конвоир, после чего что-то сказал второму мужику. То, что это польский, я понял по шипящим звукам. Взяв веревку, лежащую в телеге, один связал мне руки спереди, пока второй караулил. Получив тычок прикладом, отчего я сделал два быстрых шага вперед, мы с бородачом направились по тропинке. Обернувшись, я успел до того, как меня грубо окрикнули, увидеть, что оставшийся мужик нагружает телегу сеном.

Путь занял почти час, пока мы не вышли на более укатанную дорогу. Заметив в просвете леса какие-то строения, я невольно ускорил шаг – вдруг покормят не только свинцом, но и нормальным обедом.

– Но-но, потише, москаль! – окрикнул сзади поляк. Открывшаяся картина невольно заставила меня остановиться. Не успев полюбоваться на прекрасный хутор, я получил мощный удар прикладом между лопатками, заставивший меня пробежаться немного вперед и продолжить движение. Шевеля лопатками и стараясь унять боль после удара, я прошел мимо плетеного забора и посмотрел, как на грядках работают три женщины разного возраста. Заметив меня, они засыпали вопросами на польском языке моего конвоира, после чего я шел под их любопытными взглядами. Теперь я точно утвердился во мнении, что нахожусь в Польше, судя по истребителям, скорее всего довоенной. Зная, как поляки «любят» русских, я заранее готовился к худшему.

Подойдя к явно жилому дому – их на хуторе было три, – конвоир усадил меня на пенек для колки дров и застучал в окно, что-то крича. Сидя на пеньке, я осматривался: дома стоят треугольником, несколько хозяйственных и скотных сараев, все добротно и аккуратно, сразу видно, что здесь хозяин следит за порядком. Скрип открывавшейся двери привлек мое внимание. На крыльце стоял командир Красной Армии. Я точно в сорок первом – у него были петлицы и лейтенантские кубари. Спокойно выйдя во двор, он что-то спросил у моего конвоира на польском. В это время из дома вышел, судя по рясе, священнослужитель и, подойдя к разговаривающим, тоже что-то спросил, мельком глянув на меня. Судя по тому, как оба болтуна вытянулись, он был старше их. Минуты три я слушал их непонятный мне разговор и замечал бросаемые на меня взгляды. Видимо, о чем-то договорившись, они подошли ко мне:

– Что ты здесь вынюхивал, русский? – спросил священник.

– Ничего. Меня не там выбросили. Должны были в районе Бреста, а я оказался незнамо где!

– Выбросили? Парашютист?

– Да! Радист! Сбросили прямо в болото. Все утонуло. Рация, запасы, оружие, даже сапоги пришлось скинуть, когда меня на дно тянуло.

– Ты не русский?

– Да русский я. Во Франции жил с родителями, отец офицер штаба, служил под командованием Деникина. Когда меня пригласили работать на одну страну, я согласился.

Сказал я с намеком, что работаю на немецкие спецслужбы. Похоже, священник это понял, поэтому спросил на немецком, но выяснив, что я его не понимаю, уже на английском:

– Кто вас встречает?

На это я отвечать не собирался, что и сказал на плохом английском:

– Не имею права говорить!

Священник поднял брови и сказал:

– Ваш английский оставляет желать лучшего!

– Никогда им не интересовался! Я во Франции жил.

Немедленно последовал вопрос уже на французском языке, причем плохом, я с трудом его понимал:

– Как же ты оказался почти в ста километрах от Бреста, если тебя выбросили именно там?

– Где меня сбросили, там я и оказался, в этих болотах полно всяких гадов, а я ненавижу змей.

– Вы действительно хорошо говорите на французском языке, значит, штурман ошибся.

Вас сбрасывали ночью?

– Да, в три часа!

– Что-то мы не слышали ночью гудения моторов!

– Не знаю, меня сбросили с пяти тысяч метров, и я долго планировал, был сильный ветер.

– Вполне может быть! Нам надо проверить, какое у вас кодовое имя?

Неся всякую чушь, я в то же время напряженно обдумывал свое положение, выискивая возможность свалить от них. Подумав, назвал священнику первое пришедшее мне в голову слово.

– Как-как? Квазимодо?

– Да!.. Извините, конечно, а не пора ли меня покормить? А то уже со вчерашнего дня ничего не ел, как покормили на аэродроме, так и хожу голодный!

– Да-да, конечно. Янек... – И что-то сказал парню, одетому в нашу форму. После чего тот на чистейшем русском пригласил меня в дом. Священник за нами не последовал, а остался во дворе с тем мужиком, что меня привел.

– Давай проходи и садись, – сказал поляк и показал рукой на стол с едой, около которого хлопотала молодая полька. Я уже представлял себе, как небрежно присаживаюсь за заставленный всякими вкусностями стол и аккуратно кушаю. Но тело внесло свои коррективы, очнувшись, когда вылизывал тарелку от супа. Рыгнув, поставил ее на место и, схватив кровяную колбасу, прикусывая хлебом, взглядом шарил по столу в поисках еще каких-нибудь вкусняшек. Рядом стояли хозяева и с ошарашенным видом наблюдали за мной. Священнику я сказал правду – действительно не ел со вчерашнего дня. Жуя, спросил у поляка, почему он в форме Советов, на что последовал незамедлительный ответ: «Привыкаю», – больше мне от него ничего добиться не удалось. После плотного обеда меня отвели в комнату, где стояла кровать. Раздевшись, я взобрался на нее и напоследок заметил, что мой комбез поляк отдал хозяйке.

Проснулся я от сильного давления мочевого пузыря. Встав, осторожно вышел в главную комнату – рядом с дверью сидел на стуле Янек и тихонечко посапывал. Судя по расстегнутой кобуре, он караулил меня. Все так же осторожно двигаясь, я подошел к двери и, выйдя во двор, намочил угол дома. Подышав свежим воздухом, я было двинулся обратно, как заметил огонек в одном из домов. Подобравшись, стал вслушиваться в разговор, происходящий в хате. Понимал я с пятого на десятое, но то, что они поняли, что я врал, разобрался. Поэтому, тихо добежав до дома, где спал, и, пробравшись в спальню, быстро оделся и выскользнул в комнату с Янеком.

Медленно я стал тянуть рукоятку нагана из жесткой кобуры, который, похоже, там застрял, когда услышал шум приближающихся шагов. Бросив заниматься оружием, я скользнул к открытому окну и, заметив, что трое людей, плохо различимых в ночи, зашли за угол

дома, выбрался наружу. Я был так же бос, как и раньше, различие состояло только в отстиранном комке.

Лай собак, долетевший со стороны хутора, заставил прибавить ходу. Охая и ахая, я на исколотых ногах бежал все быстрее и быстрее, и наконец, оставив тропинку, ломанулся через бурелом. Перебираясь через поваленные деревья, я затылком ощущал направленные в меня дула винтовок. Скатившись на пятой точке в глубокий овраг, я с размаху влетел в воду, затянутую ряской, загребая руками, быстро переправился на другую сторону и, постоянно оскальзываясь на влажной траве, с трудом поднялся наверх. Скользя по склону, я с трудом взобрался наверх оврага. Лай собак становился все громче и громче, подстегивая меня.

Трупный запах я почувствовал сразу и, по мере того как продвигался глубже в лес, он становился все сильнее и сильнее. Вдруг, когда запах стал резать глаза, я под треск сломанных веток ухнул куда-то вниз. От тошнотворной вони меня вырвало. Вытерев рот рукавом, я посмотрел, на что упал. Увиденное заставило броситься к краю ямы.

Вдруг рядом кто-то заговорил...

Крепко сжав зубы, я сидел и смотрел на лежащего рядом мертвого милиционера в доведенной форме. Судя по треугольникам, он был сержантом. Многочисленные ранения и обезображенное разложением лицо просто сводили с ума. Закрыв глаза, я дышал через раз, слушая продолжавших разговаривать преследователей. Сглатывая тягучую слюну, понял – еще немного, и потеряю сознание. Попытавшись встать, я вдруг начал падать прямо на труп, после чего наступила темнота.

Очнулся я от резкого трупного запаха, бившего прямо в нос, и, открыв глаза, засипел от ужаса. Прямо у меня перед глазами был тронутый разложением выпученный глаз сержанта. Второй, похоже, был выжжен, так как в глазнице были видны остатки пепла. Судорожно вдохнув, отчего закашлялся от резкого запаха, перебирая руками, скатился с тела мертвеца в сторону и, ухватив комок земли, стал судорожно оттирать руки. По моему лицу стекали слезы. Утершись рукавом, я откинул в сторону остатки земли, встал, ухватился за корень, подпрыгнув и подтянувшись, лег животом на край ямы, после чего закинул правую ногу, вылез и откатился в сторону, пытаясь отдышаться и бездумно глядя на небо, просвечивающее сквозь листву.

«Сволочи, какие же они сволочи!» – думал я о тех, кто это сделал с сержантом.

Вонь продолжала преследовать меня, даже когда я удалился от ямы, – вся одежда пропиталась запахом тлена. Сорвав с себя комбинезон, я осторожно двинулся в ту сторону, где искупался в воде, когда бежал от преследователей. Найдя овражек, я спустился в него и, положив одежду на берег, нырнул в воду. Глубина была около метра. Подняв со дна тину, ухватил с берега комок глины и стал натираться ею.

Кожа начала гореть от усиленного мытья, но я продолжал тереть, не теряя надежду избавиться от вони.

Наконец, добившись, как мне казалось, какого-то результата, я принялся за одежду. Увы, несмотря на все мои старания, запах остался. Со злостью отшвырнув комбинезон в сторону, я выбрался на берег, присев, обхватил руками колени и уткнулся в них лицом.

Из странного оцепенения меня вывел едва слышный звук: похоже, неподалеку кто-то разговаривал.

Зло усмехнувшись, я вылез из оврага и опять прислушался.

Определившись точнее, я тихой тенью скользнул в ту сторону. Мне уже было все равно, что будет дальше, главное – скинуть на кого-нибудь тот заряд жгучей ненависти, копившейся во мне с той минуты, как я свалился в яму с изуверски убитым милиционером.

Прижавшись к стволу дерева на уровне земли, я осторожно выглянул одним глазом и посмотрелся к двум вооруженным мужикам, разговаривающим о чем-то на польском. Одним из

них был хорошо мне знакомый бородатый мужик, тот, который называл меня москалем, когда нашел в стоге сена.

Стояли они очень удобно для нападения. Дерево за которым я прятался, росло на краю неглубокой ложбины, на дне которой и трепались будущие покойники. Оглядевшись, я увидел метрах в семи очень привлекательное бревнышко со следами топора, а заметив остатки веревки на концах, понял, как принесли сюда сержанта.

Головы поляков были как раз вровень с краем ложбины, но кусты малины прикрывали меня от их взглядов. Осторожно перебирая руками, стараясь не хрустеть сухими ветками, валявшимися на земле, а просто убирая их в сторону, я дополз до бревнышка и также осторожно подтащил его к себе, замирая от любого шороха.

Вернувшись обратно, я заметил что оба поляка настороженно прислушиваются, значит, мой поход за оружием был не так тих, как хотелось бы. Поэтому я сделал то, что должен был. С диким криком, которому позавидовал бы Тарзан, вскочил, оттолкнулся от края оврага и в прыжке с замахом опустил лесину на голову ближайшего поляка.

Кричал я не только для того, чтобы завести себя, но и чтобы ошеломить противников, что у меня прекрасно получилось. Жертва даже не сдвинулась с места, только успела с испугом втянуть голову в плечи.

С хрустом череп раскололся на несколько частей брызнув своим содержимым. К сожалению, лесина тоже не выдержала. Не обращая внимание на падающее тело первого, я, перехватив поудобнее укоротившееся бревнышко, принялся наносить удары по второму, пытавшемуся содрать с плеча ремень винтовки. Второй мужик, похоже, понял, что это бесполезно, и стал закрываться руками, пытаясь защититься. С хрустом повисла одна рука, другим ударом я выбил ему челюсть...

Со стоном упав, поляк уже не пытался защищаться, но это не остановило меня, я продолжал бить, выплескивая все эмоции в каждый удар, и не прекратил, пока на месте второго не осталось кровавое месиво. Отшвырнув в сторону мокрую от крови лесину, я сел на тело первого и вытер забрызганный кровью лоб. В голове мыслей не было, похоже, я сжег все эмоции в этой просто безумной атаке.

Через несколько секунд я пришел в себя и, оглядевшись, даже не попытался отплеваться, просто было уже не чем.

«Ну чего расселся? Надо действовать, вдруг тут еще есть враги!» – Эта мысль заставила отвесить самому себе несколько хлестких пощечин.

Пошатываясь, я встал и поморщился: мышцы закололо раскаленными иглами.

Осмотрев себя, я понял, что придется снова мыться. Однако оставлять захваченное оружие и хабар я даже не подумал, поэтому, вытерев руки о штанины второго мужика, я стал раздевать первого, решив забрать его одежду, как и винтовку.

Что добыча требует чистки и мытья, даже не обсуждалось. Мало того что ворот был весь в крови, так еще и мышцы кишечника расслабились, но для меня эта одежда все рано была во сто крат лучше комбинезона, брошенного у бочажка, пропахшего трупным запахом.

Раздев мужика и прихватив его вещмешок, я сунул в него ножны с ножом, снятые с пояса второго мужика, и, повесив на одно плечо обе винтовки, направился обратно – отмываться.

Развесив одежду сушиться, я стал осматривать все то, что мне досталось. В рюкзаке нашлись еда и боеприпасы к старой берданке первого мужика. Пересчитав патроны – их оказалось ровно двадцать один, плюс еще один в самой винтовке, – отложил их в сторону. Вторая винтовка оказалась старой мосинкой 1897 года, о чем указывало клеймо на ней. Пересчитав патроны, как в самой винтовке, так и в патронташе, я насчитал сорок семь. В вещмешке было полкаравая хлеба, шмат сала, чеснок и лук, в небольшом кульке соль и еще почему-то чистые портянки. Есть не хотелось, так что я убрал продукты обратно и, найдя в стороне сухое место,

принялся возиться с оружием. Эти винтовки я знал, не раз откапывали их при поисках, так что, быстро разобрав, по очереди осмотрел их.

«М-да, у мосинки крайняя степень изношенности, но стрелять еще можно. Хм, у нее уже практически нет нарезов, стерлись, да и засвинцовались тоже, так что теперь она фактически гладкоствольная!» – думал я собирая винтовки.

Снарядив их, вернулся к одежде и, надев ее еще полусырую, намотал портянки и натянул сапоги того, чьи мне больше подошли по размеру. Закинув на плечи вещмешок и берданку, взяв мосинку на изготовку, я направился обратно к тому хутору, от которого меня гнали. То, что убийство сержанта – их работа, я был уже уверен.

Уходить просто так и оставить этих тварей безнаказанными не хотелось, следовало хотя бы подстрелить кого-нибудь из старших на хуторе, месть должна быть адекватной. Может, кто-нибудь считает меня сумасшедшим – возвращаться туда, откуда чудом сумел сбежать, но за этот день я как-то перегорел в эмоциях и не задумывался, убьют меня или нет. Месть превыше всего. Не только за сержанта, но и за себя.

Осторожно шагая рядом с тропинкой, я сначала услышал лай собак, а спустя пару минут оказался на опушке, с которой открывался вид на хутор.

Сто метров, одеяющие лес от ограды, пришлось проползти по-пластунски, то и дело утыкаясь лицом в траву. Время, ушедшее на это, показалось мне вечностью, но наконец я уперся в длинные кривые жердины ограды. Быстро оглядевшись по сторонам, рывком перемахнул через околицу и проскользнул в открытые ворота конюшни. Пройдя мимо пустых стойл, я по лестнице взобрался, подобрался к большим створкам, через которые на сеновал закидывали сено, чуть приоткрыл одну из них и осмотрел территорию хутора.

Перед тем как предпринимать хоть какие-нибудь действия, я припомнил рассказы поисковиков – двое из них служили в ВДВ и принимали участие в боевых действиях. Так вот они говорили: «Прежде чем залезть куда-нибудь, продумай не менее трех видов отхода, а не то зажмут и...» Именно этим золотым правилом я и воспользовался – прикинул пути отхода.

Паренек, появившийся из леса как раз с той стороны, с которой пришел я, заставил меня насторожиться.

Заметив, как из домов на крики пацанчика стали появляться люди, приготовил берданку – все-таки она была в лучшем состоянии, чем мосинка.

Вот из дома вышел священник и подошел к пацану, несколько секунд послушав его вопли, отвесил хлесткую затрепину, после чего что-то спокойно сказал.

«Похоже, нашли тех, которых я завалил...» – понял я мимику пацана.

«Пора!» – я прицелился в священника.

Приклад больно ударил в плечо. Я стрелял из мосинки и знал, как она лягается, а вот изделие Бердана держал в руках только в виде откопанного антиквариата, который если не разваливался, то был близок к этому. При поисках они нам, бывало, попадались, так что как выглядит винтовка, знал да и об устройстве тоже читал с интересом в инете.

Я прекрасно знал, что в патронах использовался дымный порох, так каково же было мое удивление, когда из ствола вылетел легкий дымок.

«Переснарядили!» – понял я, наблюдая, как ксендз, получив десятимиллиметровую пулю в грудь, отлетает назад вверх тормашками.

– В кость попал, что ли? – вслух пробормотал я.

Отложив винтовку в сторону, быстро подхватил мосинку и, прицелившись, нажал на спуск.

От первого выстрела население на миг опешило, но как только тело ксендза перестало крутиться на земле от попадания пули и замерло, сразу же все бросились врассыпную. Поэтому второй выстрел попал в спину бородатого мужика, показавшегося мне самым опасным. Пуля толкнула его на бревенчатую стену дома, по которой он сполз, оставляя темную полосу.

Третьим я снял еще одного – хорошо выбритого парня, закрытого от меня телом одной из женщин, но меня это не остановило, так что упали они оба. Добив парня выстрелом из мосинки, не трогая раненую женщину, я стал искать следующие цели, но их не было, все успели скрыться. Я немедленно воспользовался этим для перезарядки, слушая, как ревет белугой подстреленная.

«Валить надо, как бы ответки не прилетело!» – подумал я и тут же услышал шорох где-то рядом. Быстро откатившись в сторону, я увидел, как в щель меж досок, где только что находилось мое тело, резко вылезли острия трезубых вил.

«Кто-то внизу», – сообразил я. Вскочив на ноги, отбежал в сторону и прислушался. Внизу было тихо, тот, кто использовал вилы, явно просек, что я ищу его по звуку, и замер. Попытка разглядеть что-нибудь сквозь щели тоже ничего не дала.

«Блин, время!» – подумал я и стал, тихо скрипя досками, приближаться к люку вниз.

Похоже, неизвестный противник понял мои намеренья, и через одну из щелей в сторону выхода мелькнуло что-то светлое.

– Ба-бах, – дернулась от выстрела мосинка. Тихий вскрик показал, что я попал. Подскочив к люку и осторожно обойдя его, я посмотрел на то место, где должен был находиться неизвестный. На земляном полу лежала та самая молодая полька, что кормила меня обедом, рядом с ней валялись вилы.

– Прости, – сказал я одними губами и выстрелил ей в грудь.

Затем, сбегав за берданкой, быстро спустился вниз и, обойдя тело польки, стараясь не смотреть в ее застывшие глаза, подошел к боковой двери, выходящей на огороды. Осмотревшись, выскользнул наружу и, упав на землю, осторожно пополз к следующему сараю, от которого было довольно близко до леса. Мстить нужно с холодной головой, и я прекрасно понимал, что пока они растеряны, шансы уйти у меня есть.

Приподнявшись, я присмотрелся, что творится на хуторе, а заметив шевеление, отложил берданку и приготовил мосинку. Из-за свинарника показалась голова Янека и опасно повернулась в сторону сарая, где я до этого прятался.

Обернувшись, он что-то сказал тем, кто еще был за свинарником. После чего, не боясь испачкать форму, упал на землю и, держа в руках наган, пополз в сторону деревянного туалета, от которого можно было сделать рывок в сарай. Держа его стволом винтовки, я продолжил отслеживать угол свинарника, ожидая остальных. Вот показалась чья-то косматая голова и повторила все действия Янека. Потом появился еще один. Поняв, что их всего трое, я прицелился в последнего ползущего и нажал на спусковой крючок. Быстро передернув затвор, свалил второго, косматого, вскочившего на ноги. Янек же успел укрыться за туалетом и теперь что-то кричал в сторону домов.

Сожалея, что я его не понимаю, стал наугад расстреливать туалет на уровне ног. И почти сразу вскрик показал, что я не зря потратил три патрона. Перебежав на другое место, прицелился в Янека, лежащего на земле и зажимающего живот. Последним патроном в винтовке я снова выстрелил в него, на этот раз в грудь.

«Все, валить надо!» – подумал я и, придерживая берданку, рванул к лесу. Однако поляки быстро остановили мой порыв. Услышав свист пролетевшей рядом пули, я упал между кустами картофеля и отполз по-пластунски обратно, сожалея, что картофель не так сильно вырос чтобы можно было незаметно свалить. Вернувшись к забору, я нашел неплохое место для наблюдения и стал перезаряжаться, визуально и на слух стараясь определить, откуда в меня стреляли.

– Блин, да где ты?! – тихо пробормотал я, имея слабое представление, сколько осталось боеспособных мужчин на хуторе.

«Так, когда прибежал пацан, вышли почти все. Янека я не видел. Мужчин было семеро. Убил ксендза, минус один. Потом мужика и того парня с бабой, минус еще два. Еще трое вместе

с Янеком, значит, осталось двое. Вот блин, когда же вы кончитесь?!» – подумал я сердито, завершив подсчеты.

Как я ни всматривался, но никаких телодвижений не было – видимо, шесть трупов научили хуторян не показываться мне на глаза.

«Патовая ситуация. Ни я их, ни они меня не видят. Что же делать?» – Мой взгляд скользнул по стогам сена, потом перескочил на деревянные сараи и дома.

Похлопав себя по карманам, я понял, что за спичками придется ползти к Янеку, так как помнил, что он курил. Подобравшись к сараюшке, которая скрывала меня от прятавшихся в домах, я напружинился и рывком перебежал за туалет. Ударившая с запозданием пуля взрылила землю, не задев меня.

«Уф, еще немного – и все!» – мелькнула мысль.

Схватив Янека за начищенные сапоги, я затащил его за будку, прихватив заодно и наган. Судя по всему, стрелок решил повторить мою идею, и туалет затрясся от попаданий пуль. Однако я уже шустро лазил по карманам несостоявшегося то ли шпиона, то ли диверсанта. Спичек не было, зато обнаружилась блестящая серебряная, явно дорогая зажигалка.

«Спасибо, паря!» – сказал я и после недолгих колебаний стал снимать с трупа ремень с кобурой. Запасные патроны уже были у меня в кармане. Перевернув дернувшееся от попадания пули тело Янека на живот, я освободил ремень и, перекинув его через плечо, застегнул на груди, решив опоясаться как положено попозже.

«Теперь осталось только выбраться отсюда», – подумал я.

Идея поджечь туалет и, пользуясь дымом, скрыться первой пришла мне в голову.

В это время по будке палили уже из двух стволов, от чего она покрылась россыпью отверстий, оцетинившихся щепками. Разломав пару прогнивших в труху досок внизу туалета, я поднес к ним зажигалку. И только когда она довольно сильно накалилась, сперва медленный огонек, а потом уже и хорошо начавшийся заниматься огнем сортир стал выбрасывать в небо легкие прозрачнее клубы дыма.

«Эх, жаль покрышек нет», – подумал я и, заметив, что стрельба стихла, видимо, из-за перезарядки, одним рывком перебрался за другое укрытие, пользуясь им, добежал до ближайших стогов; затем, надергав пуки соломы, поджег стога, а пуки использовал для поджигания сараев – до домов мне было пока не добраться.

Закончив временно с диверсией, я принялся, двигаясь по дуге, осматривать окна, надеясь, что там промелькнет хоть что-то.

Повезло мне на третьем доме. Из открытого окна торчал ствол винтовки – неведомый стрелок пытался меня выцелить. Прицелившись немного выше ствола, я плавно потянул спусковой крючок. Винтовка в окне дернулась, задралась стволом вверх и медленно сползла внутрь дома.

«Готов один!» – подумал я. И стал перебираться поближе к домам. Их соломенные крыши особенно влекли меня, а то, что там не только мужчины, но и женщины, не останавливало.

«Не хрен плодить подобных нелюдей», – именно так думал я, перед глазами стояло изуродованное лицо сержанта.

Как я ни крутился, а возможности подобраться к домам так и не нашел. Был один промежуток, но он также просматривался и простреливался из крайнего дома. А между тем время уходило, нужно было смываться отсюда быстрее собственного визга, и я прекрасно понимал это.

Мое внимание привлекла палка, я видел такую в одном фильме. Там детишки с помощью ее толкали перед собой колесо. И правда, обруч обнаружился рядом. Намотав на деревяшку одну из портянок, я поджег ее и, дождавшись, пока она разгорится, ухватил получившийся факел за конец и стал размахивать им давая усиление броску.

Взрыв в верх, факел, оставляя дымный след, перелетел через сарай, за которым я прятался, и упал на крышу ближайшего дома.

Приготовив винтовку, я опять осторожно двигался по дуге, отслеживая все три дома. Вот вспыхнувшая соломенная крыша на одном из домов вызвала крики во всех трех. Причем сначала голоса были только мужские, а чуть попозже к ним присоединились и женские.

Видимо, женщины и дети прятались в подполе, и мужчины кричали им, чтобы они выбегали из домов. Именно так я предположил, увидев, как из дверей выскакивают женщины и дети и разбегаются в разные стороны. Заметив среди них мужскую рубаху, я вскинул винтовку и выстрелил. Парень примерно моих лет, обливаясь кровью, упал на землю. Две женщины, что бежали в мою сторону, от испуга прыснули кто куда.

«Ну все, пора, а то действительно прихватят за яйца!» – подумал я, удирая.

Бежал я зигзагами и до леса добрался вполне благополучно – никто по мне не стрелял. Похоже, я повыбивал стрелков.

Не останавливаясь, я пробежал километра три – насколько хватило дыхалки после такого морального перенапряжения. В конце концов свалившись под каким-то деревом, запаленно дыша, перевернулся на спину, отчего берданка преобильно врезалась в нее, и стал рассматривать безоблачное небо.

Пролежал я так где-то часа два. О преследовании даже не думал. Все как-то отошло на второй план, в голове снова и снова прокручивалось произошедшее на хуторе. И чем больше я вспоминал, тем больше понимал, что это не я там был, а игрок GAD29 – именно под таким ником меня знали в сетевых играх. Весь бой на хуторе прошел как бы под призмой игрока, и я краем сознания думал, что если меня убьют, то перезагрузюсь и продолжу игру, сейчас же пришло понимание того, что я только что сделал, почему мне и поплохело.

Немного придя в себя, я встал на ноги и, поправив кобуру с наганом, съехавшую куда-то за спину, посмотрел в просвет деревьев – где-то там находился хутор – и сказал вполголоса:

– Я ни о чем не жалею!

После чего, поправив лямки вещмешка, трусцой побежал в сторону заходящего солнца. Куда – я сам не знал, главное, подальше.

Где бегом, где просто быстрым шагом я двигался по лесу, стараясь незаметно форсировать небольшие ручьи и речки, попадавшиеся поляны обходил стороной.

Поле встретилось, когда уже начало темнеть. То, что я не ел со вчерашнего вечера, никак не давало о себе знать – сказывалось нервное перенапряжение.

Понимая, что в таком состоянии могу окончательно потерять осторожность и спалиться, что было бы не очень хорошо, я решил найти любую подходящую норку и привести себя в порядок.

Посмотрев на далекие огоньки довольно большого поселения, начавшие появляться в сгущающейся темноте, я повернулся и направился обратно в глубину леса.

Отойдя от опушки километра на полтора, я случайно наткнулся на достаточно глубокий овраг, по дну которого протекал небольшой ручей.

«Надеюсь, это не отвод какой-нибудь канализации!» – подумал я, пробуя воду на вкус. Вода была как вода, поэтому, найдя неподалеку вполне подходящее место для ночлега, я стал готовиться ко сну.

Поговорка «утро вечера мудренее» сработала и здесь. Проснулся я к обеду, когда солнце почти стояло в зените, полным сил и жутко голодным. Достав из вещмешка харчи, я стал готовить большой бутерброд, жалея, что нет чая. В трофейном мешке термоса или фляги не было.

Вчерашние воспоминания как-то поистерлись, по крайней мере – острые грани. Так что я не стал снова прогонять перед глазами вчерашние события, а особенно сержанта, и занялся собой. После завтрака попил из ручья и, вернувшись к нарубленному лапнику, который был

моей постелью и одеялом, достал из вещмешка ветошь – пора было заняться чисткой оружия. Оружейной смазки не было, пришлось работать на сухую, что мне очень не нравилось.

Первым я занялся наганом. Достав поблескивающий черным воронением револьвер, ласково провел пальцами по стволу и стал разряжать его. В принципе, из нагана не стреляли, но я все равно его почистил, после чего убрал в кобуру, ремень с которой застегнул на пояс.

После чистки оружия посмотрел на небо, стараясь определить время, и понял, что уже вечер – время пролетело незаметно.

«Опять на лапнике ночевать!» – со вздохом подумал я.

Устроившись поудобнее на постели и заложив руки за затылок, я смотрел на пока еще светлое небо и размышлял о своем попадалове.

«Странное все это. Ладно попал, да я даже не знаю куда! Выяснил только, что неподалеку от Брестской крепости, но какой сейчас год? Какое время? Ну побегу я сейчас с криком: “Я из будущего, я все знаю, ведите меня к Сталину!” – И что? Поведут? Сильно сомневаюсь. Так что делать? Блин, да ЧТО ДЕЛАТЬ?!»

Решив последовать своей любимой теперь поговорке «утро вечера мудренее», я закрыл глаза и спокойно заснул. Быстро, даже как-то не ожидал от себя.

Разбудил меня назойливый писк, который перерос в гул авиационный. Открыв глаза, я протер их и посмотрел на еще ночное небо. По мере того как гул приближался, мое недоумение рассеивалось. Я теперь точно знал, какое сегодня число. Вскочив на ноги, я побежал на опушку – через кроны деревьев было плохо видно.

Сбивая росу с травы и громко топая слегка великоватыми для меня сапогами, я выбежал на пшеничное поле, запрокинул голову и жадно уставился на небо, где шли три дюжины немецких бомбардировщиков.

«Лаптежники!» – сразу же определил я тип самолетов.

Чуть сбоку и выше скользили тоненькие черточки «мессеров», охранявших бомбовозы.

«Да что я мог сделать?! Не успел бы!» – мысленно простонал я, вспоминая, что вчера поленился идти дальше.

– Оп-па, а это еще что?

Навстречу немцам шли советские истребители, в которых не без труда удалось опознать «ишачки» – слишком высоко они шли для невооруженного взгляда.

Командир полка, что вел три эскадрильи истребителей на врага, вторгшегося на землю их страны, повел ястребки в лоб.

– Куда, мудак?! Одну эскадрилью на набор высоты – пусть они вас от «мессеров» прикрывают, а на бомберы с флангов... – рычал я от бессилия.

Начавшийся воздушный бой шел практически у меня над головой. Я не думал, что могу угодить под случайную очередь, я целиком погрузился в мельтешение таких далеких точек на небе.

Восьмерка «мессеров», что прикрывала бомбовозы, разбилась на пары и непрерывно атаковала, не пуская наших ястребков к лаптежникам. В том, как они действовали, была отчетливо видна слетанность пар на высоте, как и боевой опыт.

Вот, дымя, понесся вниз первый сбитый советский краснозвездный истребитель, второй... но наши летчики тоже были не так просты. Вдруг клюнул носом один из «мессеров» и, чадя начавшим гореть мотором, тоже полетел вниз. Не знаю, кто командовал «ишачками», но его лобовая атака сработала, одна из эскадрилий, разбившись на тройки, ворвалась в строй лаптежников, полосуюя их длинными пулеметными очередями. Но и бомбардировщики оказались вовсе не беспомощными, их ответ был достаточно жесток – за четыре сбитых своих немцы свалили два наших ястребка. Один камнем ухнул вниз, другой же, густо дымя, стал уходить в сторону аэродрома. Воздушный бой смещался все дальше в сторону, я заметил, что врагам на помощь шла еще одна четверка «мессеров», однако их почему-то встретил одиночный «иша-

чок», остальные мелькали среди лаптежников, откуда вываливались то дымные, то огненные комки, падающие на землю.

Дальше я перестал следить, просто уже не видел. Однако бой одиночного «ишачка» продолжался. Парень на ястребке уже минуту держался против четверки новейших на данный момент истребителей.

Так как сражение шло неподалеку, то я внимательно наблюдал именно за ними, азартно комментируя маневры воздушного бойца или, проще говоря, избиение одиночного советского истребителя.

– ...Да куда ты на вертикаль полез?!... да куда??? Ну все, сбили!.. Бл...!!! – одним словом высказал я все, что думаю об этом бое. Однако после некоторого размышления понял, что пилот ястребка свою задачу выполнил, он сдерживал немцев сколько мог, давая своим товарищам работать с бомберами.

Разглядев, что из «ишачка» вывалился темный комок, который кроме как летчиком никак быть не мог, я с надеждой смотрел на него. Как немецкие летчики изгаляются над нашими сбитыми, которые беспомощно спускаются на парашютах, я знал. Поэтому с толикой страха наблюдал и за летчиком, и за гитлеровцами.

То, что советский летчик еще не знает о неприятной черте немецких асов, я понял сразу, как только он открыл парашют достаточно высоко.

Глядя, как пара «мессеров» заходит на белый парашют, я схватился за голову и, присев на корточки, стал смотреть в землю – на безжалостный расстрел смотреть не хотелось категорически.

Послышался треск пулеметной очереди, я закрыл глаза, не желая видеть, что осталось от летчика.

«Смотри, будь злее. БУДЬ ЗЛЕЕ, ЧЕМ ОНИ!!!» – шептал мне внутренний голос.

Подняв голову, я увидел, что пара немцев дерется с тройкой «ишачков», а парашютист продолжает опускаться. Причем, судя по всему, приземлится неподалеку от меня. Посмотрев с благодарностью на советские ястребки, которые спасли своего товарища, я побежал туда, где, по моему представлению, должен был приземлиться летчик.

Судя по всему, парашютист должен был опуститься на другой стороне поля. Ветер его сносил именно туда.

Прикинув примерное расстояние до кромки леса, где он должен был приземлиться, я побежал прямо через поле, сбивая сапогами верхушки пшеницы. Бежать было трудно, высокие ростки пшеницы цеплялись за ноги, из-за чего я пару раз чуть было не упал. Немного срезав путь, я выбежал на узкую полевую дорогу и рванул уже по ней к видневшемуся парашюту, зацепившемуся за верхушку дерева.

Судя по дерганьям веток и шевелениям купола, приземление прошло успешно, раз летчик пытается дернуть парашют.

Однако, подбежав ближе, я увидел лежащие на обочине узелки с едой, две лежащие косы и рядом точильный камень. А через сильный шум крови в ушах слышал крики. Кричали на русском – в основном мат – и на польском. Предчувствуя недоброе, я на бегу достал наган и, держа его в руке, вломился в заросли кустарника, приметив с дороги примерное направление.

В просвете деревьев были видны двое поляков в безрукавках на белых рубашках, которые вилами тыкали пилота, пуская ему кровь, нанося небольшие ранки. Висящая плетью рука не давала тому воспользоваться пистолетом.

– Ах вы суки!!! – заорал я на бегу.

Оба немедленно обернулись, при этом кто-то, то ли в испуге, то ли от неожиданности, резко взмахнул вилами. Остановившись, я несколько секунд смотрел на длинные зубья, вошедшие в грудь летчика, после чего перевел взгляд на поляков, от чего один из них испуганно икнул.

Ухмылки уже пропали с их лиц, и они со страхом смотрели на наган в моей опущенной руке.

– Уроды! – сказал я устало.

С чавканьем вилы вышли из тела летчика. Парень, выдернув их, отчего труп закачался на парашютных стропах, замахнулся, явно собираясь метнуть их в меня.

Вскинув наган, я с десяти метров всадил в него четыре пули, после чего, направив ствол револьвера на второго, явно собиравшегося сделать ноги, выпустил по нему остатки барабана. Затем, присев на так удобно подвернувшийся пенек, бросил наган на землю и закрыл лицо ладонями.

«Твари, какие же они твари! Сволочи, их же под корень уничтожить надо!» – думал я в бессильно злобе.

Мои терзания нарушил шелест травы и стон. Недоуменно подняв голову, я с надеждой посмотрел на летчика, но стонал не он, а тот, второй.

– Ах ты сука! Живой, значит! – крикнул я злобно, вскочив, подбежал к вилам, подхватил их и пришил недобитка к земле. Навалившись всем телом на черенок, я с ненавистью смотрел на немолодого поляка, который закатил глаза, захрипел, после чего забился и замер.

– Тварь! Собаке собачья смерть! – я плюнул на тело.

Потом встряхнулся, отвесил себе две хлесткие пощечины, чтобы прийти в себя и, подбрав наган, достал из кармашка патроны и перезарядил его. Вернувшись к телу летчика, несколько секунд смотрел в землю, не решаясь взглянуть на него – меня мучила совесть за то, что не успел. Наконец, накачав себя, поднял голову и посмотрел на парня.

«Старший лейтенант», – сразу же отметил я, разглядев кубари в расстегнутом вороте летного комбинезона.

У летчика было располагающее к себе приятное лицо с большими скулами и полными губами. Светловолосый, он ни чем не отличался от тех же поляков, что его убили.

Осмотрев тело, я прикинул, как снять его, после чего влез на дерево и, дотянувшись, перерезал стропы ножом. Спустившись, я осмотрел лейтенанта. Удар был нанесен прямо в сердце, так что парень умер сразу, не мучаясь. Достав из кармана документы, прочитал их: «Старший лейтенант Соломин Эдуард Игоревич, тысяча девятьсот семнадцатого года рождения. Сто шестнадцатый ИАП. Эх, лейтенант-лейтенант, от немцев ушел, выжил, а тут... эх!» – вздохнул я в такт мыслям, положил удостоверение рядом с планшетом, снятой кобурой с ТТ и случайно обнаруженным третьим магазином; потом подхватил труп под мышки и, двигаясь задом, поволок к дороге.

Вдруг кто-нибудь найдет его и похоронит. Уж если не наши будут тут проезжать, так, может, немцы озаботятся.

Положив тело так, чтобы с дороги было видно, я сбежал за вещами и, достав из планшета блокнот, выдернул листок и написал все данные о нем, а также кто его убил, и сунул в один из карманов. После чего, перекинув через плечо ремень с планшетом, подошел к узелкам с едой и, не глядя, что в них, подхватил и медленно направился обратно в свой лагерь.

Вернувшись, я лег на лапник и, не обращая ни на что внимания, пустым взором смотрел на так успокаивающее меня небо. Никогда себе не представлял войну такой. В моих фантазиях я летал, разя врагов направо и налево, никак не думая, что война такая грязная и подлая.

– Нужно жить дальше, – вслух подумал я. – Винить себя буду всегда, это так, что ни говори, но жизнь не окончена, и еще нужно выжить в приграничных боях и выйти к своим.

Придя к этому решению, я привел себя в порядок старым способом, от которого у меня еще полчаса звенело в ухе.

Развязав узелки, посмотрел, что мне досталось.

«О, фляга! С чем она? М-м-м, о-о-о, молочко. Вкусное. Так, сало, картошка, яйца, лук, хлеб... О, табак. А это еще что?» – спросил я мысленно сам себя, с интересом вертя непонятное. На вкус оказалось что-то вроде сладкой пахлавы.

Быстро позавтракав, я убрал все, что осталось из еды, в свой вещмешок, отчего он раздулся – продуктов было действительно много, похоже, поляки уходили на весь день – следом отправились два чистых полотна. Собравшись, повесил на плечи оба винтаря, поправил кепку и направился в сторону, с которой прилетели советские самолеты. Я намеревался прибиться к какой-нибудь авиационной части, вдруг примут?

На поле или другое открытое место я не выходил – ученый, ну его на фиг. Поэтому шел по лесу, а где его не было – кустарником или еще как.

Что было странно: за пару часов ходьбы мне не попало ни одного советского солдата, зато постоянно слышалась оружейно-пулеметная стрельба. Не успел я подумать об этом, как в просвете между деревьями заметил какую-то темную массу. Сняв с плеча мосинку, взял ее на изготовку и медленно, стараясь не шуметь, направился в ту сторону.

На краю дороги, уткнувшись капотом в дерево, стояла такая знакомая по фильмам полуторка. Внимательно осмотревшись и убедившись, что все тихо и вроде никого рядом нет, я осторожно, хоронясь, вышел к машине и, поглядывая в разные стороны, подошел к распахнутой дверце и заглянул внутрь.

Кабина была пуста, но потеки крови и пулевые пробоины – как в лобовом стекле, так и в дверце – наводили на нехорошие мысли. Осмотрев почти пустой кузов, где, кроме перевязанных бечевкой пачек газет, ничего не было, я внимательно огляделся.

Те, кто расстрелял машину и убил водителя с пассажиром, не могли уволочь их далеко. Поэтому, пробежавшись по кустам, я быстро обнаружил трупы. Зачем их вообще спрятали, если машина осталась на виду? Странно.

Присыпанные прошлогодней листвой в глубине леса, на расстоянии десятка метров лежали красноармеец, по-видимому водитель, и капитан со звездами на рукавах.

«Старший политрук и красноармеец. Хм, документов нет, как и оружия. Немцы? Поляки? Непонятно!» – думал я, стоя над телами.

Канонада не стихала, как и рев авиационных двигателей над головой, – война шла в полном ее понимании.

Вздыхнув, я снова присыпал тела листвой и, поправив берданку, которая постоянно сползала, вернулся к машине, выдернул пару газет и отправился дальше – нужно искать наших, прибиться к какой-нибудь части.

Еще через час я услышал надрывный плач. Остановившись, настороженно прислушался, пытаюсь определить, послышалось мне или нет. Шелестевшая от ветра трава и шум пролетающей на километровой высоте группы очередных немецких бомбардировщиков никак не давали понять, где плачут. Сделав десять шагов вперед, я понял что звук приближается. Дальше шел уже осторожней. Сперва послышался запах гари, а потом уже показалась опушка. Звук шел оттуда.

Стволом винтовки я чуть опустил ветку куста и всмотрелся в просвет. Лес заканчивался на краю неглубокой, широкой – метров в сто – ложбины, по которой между кустами вилась полевая дорога. Так вот, на этой дороге стояла точно такая же полуторка, что я видел ранее, и изрядно дымила мотором. Рядом с ней стоял на коленях парень в форме и надрывался в плаче.

«Вот дает! Его метров за сто слышно!» – невольно покачал я головой. Затем, прикинув примерный маршрут до машины, немного сдал назад и пошел в обход. Идти напрямую у меня не было никакого желания. Подойдя поближе, осмотрелся: из кабины свешивалась чья-то рука, с которой капала кровь.

Еще раз оглядевшись, я вышел из кустов и подошел к парню.

– Чего надрываешься?

Испуганно вскинув голову, он схватил валяющуюся под ногами винтовку и навел ее на меня. Смотреть на широкое дуло было неприятно, но я не испугался: вояка не закрыл затвор и было прекрасно видно, что оружие без патронов.

Как только боец перестал стенать, стал слышен хрип из кабины.

– Там что, раненый? – не понял я.

– Р-раненый, – судорожно вздохнув, кивнул парень.

– А ну смирно!!! Ты в каком виде, боец? А ну приведи себя в порядок! – рявкнул я.

Паренька нужно было привести в чувство. Для таких людей главное, чтобы рядом был уверенный в себе человек, и они горы свернут, только прикажи. Так что я знал, как себя вести с подобным типом людей. Приходилось встречаться.

Сделав несколько быстрых шагов, я заглянул в кабину, пока парень застегивал верхние пуговицы гимнастерки, приводя лицо в порядок с помощью уже мокрой пилотки. Видимо, сильно его травмировал первый день войны, раз он подчинился непонятно кому в гражданской одежде.

В кабине лежал водитель и хрипел пробитыми легкими. Рядом сполз на пол убитый лейтенант-артиллерист. У обоих намек на перевязку даже не было.

– Твою ж мать! – зло сказал я, поняв, что водителю остались минуты. Вздохи раненого становились все короче и короче. Попытаться помочь даже не стоило думать, человек умирал.

– Патроны есть? – не оборачиваясь спросил я.

– Нет, товарищ...

– Сержант, – буркнул я, ища в кармане патроны от мосинки. Найдя, отсчитал ровно десять штук и, отдав их парню, сказал, пока он неловко заряжал винтовку:

– Вон бугор, займи позицию, что не так – сразу сообщай.

Как только топот сапог стих, я повернулся к раненому. Вдруг он открыл глаза и посмотрел на меня совершенно осмысленным взглядом, ничего кроме океана боли я там не увидел.

– Все хорошо, сейчас врачи придут и вылечат, потерпи, папаша, – успокаивал я сорокалетнего на вид ефрейтора.

Водителю оставались минуты, и я посчитал, что рядом с ним кто-то должен быть.

– Ха-ррма-ннн... – прохрипел он.

– Что? Карман? – переспросил я.

Водитель подтверждающе опустил ресницы.

Пачкая пальцы кровью, я расстегнул клапан кармана и достал портсигар. Ефрейтор смотрел, как я открываю его. Внутри вместо папирос было несколько писем.

– А, написать родным?

Водитель опять опустил ресницы.

– Хорошо, я напишу, что вы погибли геройской смертью, – сказал я, убирая портсигар в планшет. Нужно было поддержать умирающего.

Но похоже, в последние действия ефрейтор вложил остаток сил, поскольку, стоило мне поднять глаза, как, захрипев, он дернулся и замер с открытыми глазами. Пачкая его загорелую шею кровью, я пощупал пульс – его не было.

– Блин, а! Что же это такое?! – взвыл я.

Опять рядом со мной умирал человек...

Постояв несколько секунд, я занялся осмотром машины. Бойцы, кроме парня, были артиллеристами, соответственно ничего, кроме снарядов, в кузове не обнаружилось. Только одинокая каска лежала на одном из ящиков.

А вот в кабине в специальном зажиме находился карабин. Сняв с ефрейтора ремень, я осмотрел подсумки и переложил патроны себе, их оказалось двадцать штук. Обыскав погибших, забрал у обоих документы, заодно став обладателем еще одного нагана и великолепного

бинокля, затем направился к бойцу, не придумавшему ничего лучше, чем взобраться наверх бугра и активно крутить головой, а что его видно с любой стороны, явно не сообразил.

Отойдя метров пятьдесят от грузовика, заметил активные махания парня. Поняв, что он имеет в виду, я жестами показал, чтобы он спрятался. Почти сразу сквозь постоянный шум близких и дальних перестрелок донесся шум моторов – похоже, сюда ехали немецкие мотоциклисты.

Свистнув, чтобы привлечь внимание бойца, я взмахом руки подозвал его, а когда он быстро спустился, скомандовал:

– Валим отсюда, пока нас не обнаружили!

Шум двигателей стих около полуторки – видимо, немцы осматривали ее.

– Стой тут, вещи сторожи, – приказал я тяжело дышащему бойцу, а сам, подхватив бинокль, вскарабкался на вершину, старательно прикрываясь ветками.

Я не ошибся, у грузовика стояли два мотоцикла и пять немцев, осматривающих полуторку.

«Пятеро. Хм, шанс? Вряд ли, никакой уверенности у меня нет. Это точно. Но просто так уходить не стоит, пальнуть и валить! – решил я, продолжая разглядывать гитлеровцев. – Эх, сюда бы калаш! – мелькнула мысль. – Троих бы снял, так удачно кучкой стоят. Пулеметчик вроде не страшен – вон как развалился и ногу взгромоздил на борт коляски. К стрельбе не готов и стрелять-то ему неудобно – пулемет вдоль дороги смотрит, ему и не повернуть в нашу сторону. Тот, что за рулем переднего мотоцикла, закурил, сюда не смотрит, автомат не видно, может, в коляске лежит? У одного из троих за спиной винтовка, у других не видать. Один точно пулеметчик первого мотоцикла. Будем считать, что у третьего автомат. А что это они так расслаблены, даже по сторонам не смотрят? Такой грех оставлять безнаказанным нельзя. Сколько выстрелов успею сделать? Один точно, второй наверняка, третий сомнительно! А парень стрелять умеет?»

Оторвавшись от бинокля, я с сомнением посмотрел на бойца, который стоял внизу и испуганно крутил головой.

«Вряд ли, этот олух с пустым патронником в меня целился. А может, расстрелял магазин, затвор-то был открыт? Хм, с ненадежным напарником как-то нет уверенности в правильном исходе боя... Стоп! Это же разведка или дозор! У немецких жандармов вроде бляхи здоровенные были, а тут не видать. А всего-то метров шестьдесят. Надо бы вдарить. Уж больно вольготно себя ведут. А вдруг это дозор, и сейчас сюда сотня таких же подвалит? А если разик стрельнуть, и ходу? Если стрельну, отвалить успеем? Лес – вот он, за спиной, можно сказать, ногами уже в нем. Враг внизу, мы прижались, нас и не видно будет. А чуток отползти – так окажемся в мертвой зоне. Кто для нас самый главный и кто самый опасный? Или, может, мотоцикл подбить?»

Подозвав парня взмахом руки, я спросил:

– Боец, как тебя зовут?

– Виктор, товарищ сержант.

– Витек, ты как стреляешь?

Парень замялся:

– Ну... попадаю иногда в мишень.

– Ясно. Сделаем так. Заряди свой винт. Займешь позицию правее метров на двадцать и лежишь не высываясь. Как я выстрелю, немцы попрячутся и станут нас высматривать, ты не целясь стреляешь в их сторону. Главное, чтобы тебя не заметили. Пусть только услышат. Выстрелил и сразу ползи в лес. Быстро. Не поднимая головы – немцы сразу начнут поливать по тебе огнем. Могут попытаться и к нам рвануть. А я еще раз стрельну – и за тобой. Что понял?

– Отползти дальше на двадцать метров, выстрелить после вас и уползти в лес, – монотонно повторил он, явно запоминая.

– Главное – выше голов стреляй, не надо целиться. Понял?

– Понял, выше голов, – как болванчик, кивнул он.

С сомнением посмотрев на бойца этого малахольного, я сказал:

– Давай, дуй ползком.

Пока Витя занимал отвлекающую позицию, я проверил берданку и мосинку, приложился по выбранным мишеням.

Пулеметчик все так же прохлаждался, развалившись в коляске. Троица пошарила в кузове и снова скучилась возле кабины.

«Что там Витек?» – Я взял берданку. Ага, дополз, выставил ствол.

– Ну, с богом! – Самый высокий из троицы попал в прицел, я потянул спуск.

Раздался выстрел, немцы попадали, я взял мосинку. Бахнуло справа, и тут же затарахтел пулемет.

– Мать! Мать! Мать его... Ах ты гад! – Пули хлестанули по кустам и деревьям, я от неожиданности боднул мордой землю.

«Расслаблявшийся» пулеметчик в одно мгновение вывалился из коляски и содрал с нее пулемет. Разворачивать мотоцикл ему не потребовалось. Один из троицы плюхнулся пузом на заднее сиденье мотоцикла и тоже тянулся к пулемету.

Водила уже стронул машину с места. Сейчас отъедут чуть в сторону и зайдут сбоку.

Мне сразу стало очень неудобно.

– Ну его на... как говорится, не будем жадничать.

И откуда резвость взялась? Не успел задуматься, уже пролетел десяток метров, низенько-низенько, как крокодил из анекдота.

– Витек, бежим, ходу, им до склона секунд пятнадцать надо! Ноги, ноги!

Уже на ходу начал соображать, какой у меня в руках ствол.

Оказалось – оба. В каждой руке. Второй выстрел сделать не удалось, поразил ли первую мишень – неизвестно. Гансы сейчас влезут наверх и прочешут лесок. Карабин висит на плече.

Блестящая реализация плана!..

Твою мать...

– Ну, давай знакомиться. Вячеслав Суворов, – протянул я руку, когда мы, запаленно дыша, остановились у кромки воды переходящего в болото озера.

– Красноармеец Васечкин.

– Ну что ж, будем знакомы. Есть хочешь?

– Нет, как-то не до того... – начал было он. Видимо, стресс отбил у парня аппетит, но я перебил:

– ...того-того. Ты пойми, ты – боец Красной Армии. Если не поешь, потеряешь силы, так какой из тебя воин? С немцами нам пока не потягаться, они нас банально большим количеством задавят, так что в следующий раз встретимся. Давай отойдем подальше и пообедаем, я, кстати, тоже есть хочу.

– А раненый? – вдруг вспомнил Виктор.

– Умер он. Можно не возвращаться, я все забрал, и документы, и оружие. Кстати, твоя каска?

– Да, моя.

– На забирай, я ее, блин, полкилометра на себе волок. И вот еще, берданку тоже. Неча тебе налегке ходить.

Не успели мы пройти метров двести, обходя болото, как послышался шум боя где-то рядом. Причем были там в основном пушки да пулеметы. Я еще не различал на звук, так что мы встали и, определившись, направились немного в другую сторону.

– А почему мы туда не пошли? – тревожно прислушиваясь, спросил Виктор. Бой, так внезапно начавшийся, также быстро стих.

– Стреляют, – лаконично ответил я. Глубокий овраг с болотистым дном показался мне тем, что надо, для бивуака. Кто нас будет искать в болоте?

С сомнением посмотрев на мой выбор, Виктор все же двинулся следом.

С аппетитом жуя бутерброд, парень с интересом крутил в руках берданку, разглядывая ее.

– Откуда они у вас, товарищ сержант? – спросил он, кивая на оба винтаря.

– Так, я тебя немного поправлю: Сержант – это не звание, а моя кличка среди сверстников, так что я никакой не сержант.

– Но так командуете!!! – не понял он.

– У меня отец – полковник авиации, что ты хочешь?.. Ладно, давай я расскажу тебе свою историю, а ты свою, как здесь оказался.

Быстро и довольно сжато я объяснил, что приехал к своей подруге, отец которой служил в приграничном районе, но попал в руки поляков и...

– Вот гады! Прямо вилами?!

– Да, почти насквозь.

Выругавшись, Виктор продолжил слушать, пока я не закончил нашей с ним встречей.

– И куда мы теперь?

– К своим, конечно, – ответил я, пожимая плечами.

– Стреляют вокруг, – напомнил боец.

– Пройдем... Ты лучше объясни мне, как ты тут оказался, да еще вместе с артиллеристами?

Оказалось, Виктор был из комендантского взвода города Лида. Он только сменился с поста, где охранял склады, как по приказу взводного на сопровождение колонны с боезапасом были выделены люди. Так Виктор еще с десятком комендачей и попал в сопровождение автоколонны. Это и объясняло, почему у него было так мало патронов. Оказалось, на караул выдают только пять штук, а для сопровождения он дополнительный получить не успел, его перехватили на пути в казарму. Короче, обычное раздолбайство. Дальше было просто. Виктор ехал в кузове третьей машины, сидя на снарядных ящиках, как вдруг зачихал и заглох мотор. Водитель только починил полуторку и рванул догонять остальных, как по ним был дан залп из кустов.

– ...я еще думаю, что это машина так странно дергается. Сам стреляю-стреляю, и пули в ответ по бортам барабанят. Вот доехали мы до... – рассказывал он, морщась от воспоминаний.

Когда Виктор спрыгнул с кузова, ошалело мотая головой, подошел к дверце и открыл ее, то увидел кровавое зрелище. Что делать, он не знал, его пока не учили этому, так как призвали всего два месяца назад, потому-то он упал и завыл. Стресс у пацана был тот еще. Да и я не знаю, как бы повел себя в подобной ситуации – разница в возрасте у нас с ним была всего в год. Этот крик души я и услышал, особенно его окончание.

– Понятно. Надо же, это сколько раненый водитель вел машину, пока вы в кусты не въехали? Километр? М-да, силен. Ладно, нечего расслаиваться. Собираемся и топаем дальше, – сказал я, убирая продукты в изрядно похудевший вещмешок. Достав остатки патронов к мосинке и выщелкнув еще из винтовки, отдал их Виктору со словами:

– Держи. Моя вся изношена, так что мы притопим ее в бочажке, а вот берданку пока оставим, может, еще пригодится.

Убрав кобуру с наганом лейтенанта в вещмешок, к нагану Янека, я поправил на боку кобуру с ТТ легчика и сказал, оттянув затвор карабина и проверяя, заряжен ли он:

– Ну что? Пошли!

Шли медленно, осторожно, постоянно хоронясь от всякого шума. Судя по всему, мы стали удаляться от места основного прорыва немецких дивизий, так как то и дело долетавшие звуки стрельбы уже не были такими интенсивными.

– Гарью пахнет, – тихо сказал Виктор, принюхиваясь.

Я быстро отучил его шуметь на весь лес, так что общались мы в основном только шепотом.

– Да? – тоже принюхиваясь, задумчиво спросил я.

Поправив каску на голове, Виктор добавил:

– Горелой резиной пахнет. И еще чем-то.

– Давай осторожно посмотрим, может, что пригодится?

Через двести метров мы вышли на большую поляну, где, по-видимому, размещался один из приграничных аэродромов.

– Немцы! – почти сразу же заметил Виктор грузовик и суетящихся возле него гитлеровцев.

– Угу, вижу. Их, похоже, тот поврежденный МиГ заинтересовал, – сказал я, разглядев в бинокль, что солдаты осматривают и фотографируют севшую на пузо подбитую машину.

Аэродрома фактически не было, многочисленные воронки, усеявшие взлетную полосу и стоянки с остовами самолетов, ясно давали понять, что по этому полку авиа-удар был нанесен одним из первых. Судя по более чем пяти десяткам сгоревших остовов машин, это был полк, вооруженный новейшими на тот момент истребителями МиГ-1. Достав карту из планшета, я посмотрел, где нахожусь. Эта поляна располагалась в двадцати километрах от границы.

– Вить, видишь постройки вон с той стороны? – спросил я, убирая карту.

– Да, вижу.

– Нужно нам подобраться к ним. Хочу переодеться, а там, судя по всему, и жилые постройки, и вроде склад. Обойдем по лесу и там как раз выйдем, немцы нас не увидят.

– Хорошо, – кивнул Виктор.

Через разбитые окна, что выходили на лес, мы попали в пустое здание штаба. Похоже, немцы бегло осмотрели его, продвигаясь дальше. Шелестя бумагами, раскиданными по полу, я оглядел помещения, но ничего интересного, кроме пилотки с голубым кантом, не нашел.

Виктор, который замер у окна и тихонечко посматривал за немцами, обернувшись, сказал:

– Они уезжают.

И действительно, попрыгав в грузовик, «гансы» уехали.

– Давай осмотримся тут, – предложил я, надеясь, что хоть один из самолетов можно найти целым. Однако поиски так и не увенчались успехом, кроме Р-5, который кто-то загнал в кусты, я ничего не нашел. Но и разведчик тоже не был работоспособным, это было хорошо видно по простреленному двигателю.

Зайдя в последнее строение, я обнаружил, что там находится склад с вещевым имуществом.

– Оба-на! То, что доктор прописал! – воскликнул я, увидев это великолепие.

Я немедленно избавился от трофейной польской одежды, вызвав удивленный возглас Виктора, стоявшего у входа и наблюдавшего за аэродромом:

– Ты что, спортсмен? – спросил он у меня.

– За входом смотри. Я же тебе говорил, у меня батя – полковник авиации, я с двенадцати лет летаю, а у истребителей знаешь какие нагрузки? Так что приходится держать себя в форме, – пояснил я, надевая свежее белое нательное белье. Подойдя к стопке летных синих комбинезонов, подобрал себе по размеру, надев, затянул ремни портупеи и сдвинул кобуру

назад, на поясницу. Поменяв пилотку на более новую, стал искать среди хромовых сапог свой размер.

– Там кто-то есть! – воскликнул Виктор от входа, когда я вбивал одну ногу, замотанную новыми портянками, в сапог.

– Иду! – ответил я и, подхватив новенький вещмешок взамен старого польского, быстро переложил в него вещи и подбежал к воротам.

– Прямо как с картинки! – невольно восхитился Виктор, отрываясь от наблюдения.

– Угу, иди прибрахлись, а я посмотрю, что ты тут увидел. Кстати, где ты заметил движение?

– Вон там, где сгоревший бензовоз стоит. Вроде человек был.

– Понял, ну все, иди, а то как бы нам отсюда бежать не пришлось.

Виктор немедленно скрылся в глубине склада, а я, достав бинокль, присмотрелся к кромке леса, где стояли остовы нескольких машин непонятного назначения.

Виктор не ошибся – там действительно оказалось несколько человек. Судя по всему – такие же окруженцы, как и мы.

– Вить!

– А?

– Там вроде наши, – просветил я его.

– К ним пойдем? – спросил он, гремя чем-то.

– Не, погодим немного, что-то они тоже медлят.

Через пару минут группа людей, в которых я уже точно опознал бойцов Красной Армии, вышли на открытое пространство и напрямую направились к бревенчатому зданию штаба.

– Вот идиоты, не могли, как мы, по лесу? – пробормотал я, продолжая отслеживать их перемещение с помощью бинокля, хотя и так было хорошо видно. Четырнадцать человек. Совершенно без оружия. Пустые ремни – и все, ни ножей, ни подсумков! Не нравилось мне это.

Вдруг приближающиеся бойцы остановились и дружно закрутили головами. До меня тоже долетело стрекотание двигателей, причем явно мотоциклетных.

Один из красноармейцев повелительно махнул рукой, показывая на здание штаба, и вся группа стремглав понеслась к нему.

«Не успеют!» – понял я, увидев, как на аэродром выехали два мотоциклиста-одиночки.

До штаба оставалось метров двести, когда мотоциклисты, поняв, что перед ними безоружные, дали газу и, быстро догнав беглецов, принялись хохоча гоняться за ними, стараясь сбить с ног.

– Что тут? – спросил меня подбежавший сзади Виктор.

– Немцы наших гоняют, – ответил я. Приклад карабина плотно уперся мне в плечо. Приложившись щекой к ложу, я прицелился. Рядом щелкнул затвором Виктор.

– Твой левый, мой – тот, что с автоматом.

– Понял, – довольно лаконично ответил парень.

– Огонь! – скомандовал я, нажимая на спусковой крючок.

Наши выстрелы почти слились в один. Мотоциклист, в которого я стрелял, упал, и к нему сразу же метнулись четверо бойцов, разоружая. У ефрейтора был прекрасно пристрелянный карабин, да и мои руки росли из нужного места. А вот второй немец, прижавшись к бензобаку, стал давить на газ, пытаясь скрыться.

– Бл...!!! Витья!!! – заорал я, передергивая затвор. Наши выстрелы снова прозвучали в унисон.

На этот раз мне не повезло, но, к моему удивлению, попал Виктор. Проехав еще метров сорок, мотоцикл завалился набок и, крутнувшись на месте, замер. Дозаряжая карабин, я вышел из ворот склада, сказав парню:

– Молодец. Чего с первого раза прощелкал?

– Поправку неправильно взял, – виновато вздохнул он.

Как и к первому, ко второму мотоциклу тоже рванулись бойцы.

Тот, что командовал среди них, – я запомнил его по плотной фигуре, – что-то приказав своим, направился к нам в сопровождении еще одного красноармейца.

Несмотря на то что с момента бега прошло уже минуты две, и подходивший сержант, и его боец продолжали тяжело дышать. Их гимнастерки избороздили мокрые пятна пота.

– Спасибо, парни, если бы не вы, то даже не знаю, что было бы, – усталым голосом сказал сержант с пехотными эмблемами в петлицах, жадно пройдясь глазами по нашему оружию.

– Да о чем вы, свои же люди, – ответил я, пожимая плечами, недовольно разглядывая сержанта. Его действия мне не понравились, и я просто горел от негодования. Как же так? Опытный командир, а допустил такую ошибку, вывел людей на открытое пространство.

– Командир отделения шестнадцатого стрелкового полка сержант Иванов, – кинув руку к пилотке, представился он.

– Красноармеец Вихров, пулеметчик, – после сержанта представился парень лет двадцати пяти.

– Красноармеец Васечкин, комендантский взвод города Лиды.

– Где мы, а где Лида, – удивился сержант.

– Я был в боевом охранении колонны с боеприпасами, – слегка робея, пояснил Вася.

– Понятно. А вы? – повернулся ко мне сержант.

– Вячеслав Суворов, будущий летчик-истребитель, – в свою очередь представился я.

– Так вы не боец Красной Армии?

– Нет, мне еще семнадцать. В этом году я должен был поступить в авиационное училище, но оказался тут. Теперь даже не знаю.

– Если ты не являешься бойцом Красной Армии, то откуда у тебя оружие и форма? – спросил сержант.

– У меня встречный вопрос: ГДЕ ВАШЕ оружие?

– Долгая история, – вздохнул сержант и спросил: – Так как? У меня кроме ракетницы ничего нет. Вон, только что с немцев сейчас снимем, и все.

– Да понял я. Давайте отойдем, поговорить надо, – предложил я.

Мы с сержантом отошли в сторону, чтобы бойцы нас не слышали, и я высказал все, что о нем думаю, особенно о его командирских умениях. Надо сказать, что хоть Иванов и был ошеломлен и недоволен, но ошибку свою признал, о чем и сказал мне:

– Сам понимаю, что ошибся, когда вывел людей, да поздно было. Опыта-то у меня мало-вато, не воевал я. Так как на счет оружия?

– Опыт придет со временем, – вздохнул я, после чего добавил: – ТТ не отдам. Остальное – пожалуйста. У меня два нагана, карабин и берданка. Только расписку не забудьте, что я вам оружие сдал. Так, на всякий случай.

Выкобениваться смысла не было, понимал, что без оружия ребятам и в самом деле просто никуда.

– Берданка-то откуда? – не понял сержант.

– Долгая история, – процитировал я его же слова, глядя, как бойцы, прихватив мотоциклы, идут к нам.

Пока подчиненные Иванова ворошили склад, сам сержант внимательно слушал мой рассказ.

– М-да. Значит, отец у тебя полковник Суворов?

– Ну как-то так.

– Не слышал о таком.

– А вы что, всех командиров авиации знаете? – удивился я, причем достаточно искренне.

– Да нет, но все равно я про него нигде не слышал, – пожал плечами сержант, поправляя на поясе кобуру с наганом.

– А вы почему без всего? Где оружие? – вновь заинтересовался я.

– А-а-а, – расстроено махнул рукой Иванов. – На лесозаготовках мы были. Летним лагерем стояли, результат ты видишь. Оружие в ружпарке, мы за двадцать километров от него, потыкались в разные стороны, везде немцы, вот к вечеру к вам вышли, – пояснил он.

– Да, понятно, – вздохнул я и спросил, чего они так долго стояли у противоположной опушки.

– Братская могила там. Свежая. Мы сюда вообще зачем повернули? Колонну пленных встретили, десятка три там было, все с голубыми петлицами. Немцев десяток было, с голыми руками на них не кинешься же, пошли по следам и наткнулись на аэродром, – пояснил мне Иванов.

– Понятно.

– Семенов, что там? – крикнул сержант в глубь склада.

– Сейчас заканчиваем! – прилетело в ответ.

– Я пойду в казарму схожу, я там вроде удочки видел.

– Рыбу ловить? – понимающе кивнул он.

– Да.

Оставив Витю у склада – он уже ушел под командование сержанта и сейчас «бдел» у штаба, – я метнулся за обнаруженными еще при первом осмотре снастями.

Разыскав две удочки, срезал с них леску с поплавком, грузилом и крючком. Удилища-то можно и другие сделать, главное чтобы снасти были. Меня удивило, что леска была не капроновая, а из шелка. Даже непривычно как-то.

Намотав снасти на щепку и убрав в вещмешок, направился в полуразрушенную близким взрывом бомбы столовую – мне пришла в голову мысль разузнать насчет продовольствия. Но я опоздал – там уже были парни сержанта Иванова.

– Привет, ребята.

– И тебе не хворать, – кивнув, добродушно ответил один из них, рябой боец с винтовкой мотоциклиста на плече.

– Где тут соль можно взять?

– Вон там солонки, бери.

Свернув из лежащей на одном из столов газеты кулек, я пересыпал в него содержимое нескольких солонок и сунул в вещмешок.

– Ребята, там шум двигателей слышно, товарищ сержант приказал уходить в лес! – вбежал в столовую один из бойцов с моей берданкой в руках.

– Уходим, – скомандовал рябой.

Мы уже добежали до опушки, когда на аэродром выехало три машины. Одна легковая и две грузовых. У сержанта был свой бинокль, где-то добыл, я же рассматривал их в свой, встав чуть в глубине леса, чтобы нас не заметили с аэродрома.

– Технари, – коротко проинформировал я всех, продолжая рассматривать немцев.

Машины остановились у единственного уцелевшего МиГ-1, который никто из нас даже не догадался сжечь. Немцы, высыпавшись из кузовов, облепили пострадавшую машину и стали ее осматривать.

– Уходим, не по зубам они нам, – вздохнув, приказал Иванов.

В это время пятеро немцев отделились от основной группы и направились к штабу и складу. Остальные принялись разбирать истребитель и подготавливать его к перевозке.

– Может, возьмем этих? – спросил я, сам не ожидая от себя такого, и, опустив бинокль, задумался. В последнее время, после попадания сюда и встречи с поляками, я находился как

бы в прострации, то есть ходил, делал все как во сне. А сейчас эта пелена будто спала с моих глаз и появилось желание жить, просто жить. Вернувшиеся краски вокруг, воздух с ароматом горевшей техники и бойцы, стоящие рядом и с каким-то непонятным любопытством разглядывающие немцев, и о чем-то говоривший сержант дали мне понять, что я «вернулся». Я. Тот, настоящий, песенник, балагур и бабник. Который может пойти на что угодно.

– Что? – не расслышал я слова Иванова, будучи занят своими мыслями.

– Я говорю, что шанс, конечно, есть, но как мы будем уходить? Если немцы вон там поставят пулемет, то они перекроют наш отход, и шансов уйти из зданий в лес не будет. По крайней мере потери будут, – повторил сержант.

– Это, конечно, так... – задумался я на несколько секунд. В голове стремительно прокручивались варианты нападения. Проснувшийся азарт просто требовал уничтожить этих гитлеровцев. – ...Но если парни с винтовками нас прикроют и не дадут немцам рассредоточиться по воронкам, пока мы уничтожаем этих, что к зданиям идут, то шанс есть.

– А когда будем уходить, они нас прикроют из окон штаба, а мы их из леса... Хм, а что, вполне может быть, – после некоторых раздумий согласился сержант.

Быстро отобрав бойцов, Иванов хотел было оставить и меня с безоружными, но я воспротивился:

– Бой в помещениях лучше вести преимущественно из пистолетов и автоматов, так как с винтовкой там не развернешься, – и похлопал себя по кобуре.

Короче, меня взяли. В это время неторопливо идущие немцы скрылись в штабе и складе, и мы, прикрываясь деревьями и строениями, чтобы нас не рассмотрели как с машин, так и изнутри помещений, двинулись вперед.

Прижавшись к срубам штаба, спиной ощущая все выпуклости бревен, я старался восстановить дыхание. Оказалось, передвигаться под возможным обстрелом или под давлением, что тебя вот-вот обнаружат, очень даже действует на нервы, из-за чего сбивается дыхание.

После знака сержанта мы стали заглядывать в окна, осматривая помещения. В моем никого не было, а вот в соседнем, судя по тому, как боец быстро присел, кто-то был, да и до меня донеслось непонятное бормотание на не нашем языке. Боец повернулся к сержанту и показал два пальца.

«Понятно, там двое!» – понял я его знаки.

Ствол пистолета приоткрыв створку окна, в котором отсутствовали стекла, выбитые близкими разрывами авиабомб, я, положив ТТ на подоконник, проник в помещение, подхватил пистолет и прицелился в дверь. За мной почти сразу влезли два бойца, у одного из них был немецкий карабин и подсумки с обоймами на поясе. У второго кроме гранаты ничего не было.

Показав на дверь, я сделал движение, как будто открываю ее, ткнув пальцев в того, что с гранатой. Дождавшись, когда он, медленно переставляя ноги, чтобы не скрипеть половицами, подойдет к двери и возьмется за ручку, дал сигнал и тут же выскочил в коридор, разворачиваясь влево. Парень с карабином, страховавший меня сзади, вылетел следом, разворачиваясь вправо.

В это время снаружи хлопнул выстрел, и рядом, за тонкой стенкой заорали на немецком. Ворвавшись в соседнюю комнату, я застал там двух гитлеровцев, собиравших раскиданные документы в большой мешок. Один из них уже срывал с плеча карабин, второй же только тянулся за оружием, глядя на меня выпученными от неожиданности глазами.

Выстрелив в самого шустрого, я перевел ствол пистолета на второго и под крик: «Найн!!! Нихт шизен!!!» – нажал на спусковой крючок.

Подойдя, я обнаружил, что первый немец, в отличие от второго, еще жив. Спокойно направив на него пистолет, нажал на спуск, вгоняя в него еще одну пулю. Сделав контроль, подумав при этом: «Это вам за Брест!»

– У меня чисто, – тут же заорал я, перезаряжаясь.

– Оружие давай, – немедленно отозвались снаружи, и в окне появилась конопатая физиономия.

В здании хлопнула винтовка, пару раз щелкнул наган и коротко протрещал автомат.

Отдав страховавшему меня бойцу с гранатой и конопатому по карабину с амуницией, я занялся другими трофеями. Прежде всего собрал документы убитых и убрал их в планшет, затем снял с одного из немцев часы. Швейцарские, судя по эмблеме. Однако сильнее всего меня заинтересовал двухлитровый термос со специальными наплечными ремнями. Вдруг на полу что-то блеснуло. Поворошив валявшиеся бумаги, я обнаружил полураздавленную пачку патронов для ТТ. Быстренько собрал подвернувшиеся боеприпасы, ссыпая их в карман, после чего спросил стоящего в дверях бойца:

– Что там у остальных?

Ответить он не успел – снаружи послышалась частая стрельба и чей-то крик:

– Уходим! Немедленно уходим!

Когда страхующий меня парень выбежал, я вытряхнул из мешка собранные немцами документы, зажигалкой Янека поджег образовавшуюся кучу в нескольких местах и тут же выскользнул наружу через окно, чуть было не зацепившись ремнем планшета за край подоконника.

Бойцы с винтовками дали нам возможность отступить, а потом, уже под нашим прикрытием, тоже рванули к лесу.

– Все уходим, а то как бы помощь им не пришла, – скомандовал сержант. И построив людей в колонну по одному, поставив меня замыкающим, быстро повел отряд прочь от аэродрома.

К моему удивлению, потеря у нас не было, настолько оказалось неожиданным для немцев нападение. Операцию в таком случае можно считать удавшейся, ведь нам досталось четыре карабина с боеприпасами и гранатами. Пятый, к сожалению был недоступен, так как немца убили на виду у остальных солдат.

Через двадцать минут быстрого хода, почувствовав, что у меня стали сбиваться ноги, я глянул вслед уходящим бойцам, где мелькала спина и Вити, присел на ствол упавшего дерева и стал стаскивать сапоги.

– Что у тебя? – спросил у меня обернувшийся последний боец, тот самый, конопатый.

– Портянка сбилась, сейчас догоню, – ответил я, разматывая портянку.

Поглядев на покраснения на пятке, я заново намотал портянку, надел сапог и после некоторого раздумья поступил так же и со вторым. Встав, немного походил, проверяя, все ли нормально, и побежал за нашими.

Обнаружились они почти сразу, метров через пятьдесят – сидели у обломков немецкого бомбардировщика, что было ясно по крестам на остатках хвоста, и отдыхали. Видимо, ожидая меня, так как Иванов, заметив мою фигуру, мелькавшую среди деревьев, тут же приказал строиться. Еще через полчаса мы наткнулись на парашютиста, зацепившегося куполом за ветки дерева.

– Эк как его! – покачал головой сержант. Летчик напоролся на торчащий сук, который вошел под челюсть, разорвав горло.

Присмотревшись к пилоту, – а это был явно пилот, а не штурман, – я, облизнувшись на редкие сейчас зеркальные очки, коротко проинформировал окружающих:

– Немец!

– Козлов, сними его. Нужно забрать оружие и документы.

– Очки мои, – немедленно сказал я.

Невысокий круглолицый красноармеец, по фамилии Козлов, взобрался на дерево и, дотянувшись, ножом обрезал стропы.

С глухим стуком труп упал на землю. Я сразу же снял с него очки и убрал их в вещмешок, радуясь такой находке. Два бойца немедленно избавили «птенца Геринга» от оружия и планшета с картой.

Отойдя от тела немца метров на сто, Иванов объявил привал. Уже начинало темнеть, и этот самый долгий день в моей жизни стал заканчиваться.

– Андреев, займись ужином, – приказал сержант.

Я открыл вещмешок и достал все остатки продовольствия, что там были, положил сверток на общий стол и, как все, стал ожидать, когда его поделят. Открыв термос, обнаружил в нем кофе, еще достаточно теплый кофе. Налив в крышку, которая была и стаканом, отпил неплохой на вкус напиток, после чего, долив, протянул рядом сидящему бойцу, смотрящему на стакан в моей руке с жадной во взоре.

Тут мое внимание привлек звук авиационных двигателей. Солнце еще не полностью зашло и хорошо освещало летевший на километровой высоте самолет. Это был самый настоящий ТБ-3, а так как я в первый раз его увидел живьем, то, понятное дело, смотрел на него во все глаза. Внезапно в небе появились две точки, падающие на наш самолет сверху.

Хорошо слышно протрещали две пулеметные очереди и короткая в ответ. Глядя, как левый мотор бомбардировщика стал выбрасывать клубы дыма, я больно укусил себя за кулак, остро жалея, что нахожусь сейчас не там, в небе, на своем любимом Як-3.

– Сбили, ведь сбили сволочи! – чуть не плача простонал стоявший неподалеку рябой боец, тоже наблюдавший за разыгравшейся в небе драмой.

– Сейчас прыгать будут, – проинформировал я окружающих.

– Да прыгайте! Прыгайте! – шептали все.

– Товарищ сержант! Их нужно встретить, а то как бы немцам в руки не попали!

– Панов! Дюжев! Суворов! Остаются здесь, остальные – за мной! – немедленно отреагировал Иванов.

Бойцы скрылись из виду, а мы продолжали наблюдать за опускающимися парашютистами.

– Пятеро! – сказал высокий, как будто с высеченным из камня лицом, Дюжев.

Совсем стемнело, и, видимо, из-за этого гитлеровцы не расстреляли парашютистов, которые уже скрылись с глаз, опускаясь неподалеку, примерно в километре от нас.

– Серега, за водой сходи, – попросил Дюжева оставленный готовить ужин Андреев. Я видел, что бойцы очень голодны, так что не удивился, что сержант хоть и бросился на помощь нашим летчикам, но о еде все-таки позаботился.

Проводив взглядом смутно видневшийся при свете луны силуэт бойца, удаляющийся к близкому ручейку с большой кастрюлей в руках, спросил у Андреева:

– А что, котелка нет?

– Да в той столовой из всей тары только эту целой нашли, кроме пары сковородок, конечно. Да ладно, хорошо, что хоть ее нашли, – хлопнув меня по плечу, сказал Андреев.

– Понятно. Помочь чем? – спросил я у него.

– Ага. На вот, консервные банки вскрывай. Трех штук хватит.

Похлебка в кастрюле уже давно варилась, распространяя по лесу дурманящий аромат мясного блюда, когда наконец послышался оклик стоящего на часах Панова.

– Свои, – услышали мы в ответ.

И действительно, первым в освещенный круг возле костра скользнул Иванов, за ним появились остальные бойцы. Среди них выделялась пятерка людей в мешковатой одежде. При свете костра не разглядеть, они далековато стояли, но наверняка это были летчики со сбитого ТБ.

«Нашли все-таки!» – подумал я и тут же повторил свою мысль вслух.

– Нашли... Замучились их по лесу собирать, – устало зевая, ответил рябой боец с такой хорошей полководческой фамилией – Кутузов.

Встав, я отдал импровизированную поварешку, вырезанную Дюжевым из палки, Андрею и, поправив форму, пошел знакомиться с летчиками.

Они в это время устраивали на импровизированном ложе из нарубленного лапника, принесенного бойцами, своего раненого товарища. Судя по шине, он банально сломал при приземлении ногу.

Определив старшего по двум рубиновым прямоугольникам, мелькнувшим в расстегнутом воротнике комбинезона, вытянулся перед ним по стойке «смирно»:

– Здравия желаю, товарищ майор!

– Ну здравствуй, боец. Кто такой? – повернувшись ко мне, спросил майор.

– Вячеслав Суворов, будущий курсант летного училища!

– Не понял! Как это понимать? – нахмурился майор. Остальные летчики, включая раненого, и бойцы Иванова с интересом следили за нами.

– Долгая история, товарищ майор.

– Времени у нас целая ночь, расскажешь, – сказал майор, внимательно осмотрев меня.

Я старался держаться поближе к летчикам, помогая им в случае нужды, и, когда ужин наконец закончился, начались расспросы. Первым шоком для бойцов Иванова стало то, что немцы продвинулись уже довольно далеко от границы, больше чем на три десятка километров. Но все были уверены, что это временные неудачи и наша Красная Армия так даст им по «наглым харям», что «еще долго помнить будут». Однако майор их энтузиазм не разделял, это было понятно по слегка грустному взгляду, которым он осматривал красноармейцев. Во время всех этих бесед удалось выяснить, из какой они части.

Как я и думал, полк подполковника Стрельцова был тяжелым бомбардировочным. В первые же дни войны из-за нехватки бомбардировщиков средней дальности их бросили на затыкание дыр.

«Дырой» оказалась железнодорожная станция, забитая цистернами с топливом для танков. Майор не знал, откуда появилась эта информация, но они чудом, не встретив ни одного немецкого истребителя, смогли добраться до станции.

– ...и тут зенитки сшибли машину Рясова. Я сам выдел, как он направил горящую машину, полную бомб, прямо на склады, потом взрыв, и все потонуло во вспышке, – рассказывал штурман, младший лейтенант Сорокин.

Я тоже с интересом слушал его, стараясь не заснуть – глаза так и слипались. Да и среди бойцов многие заражающе зевали, но все равно очень внимательно слушали летчика.

После бомбардировки, потеряв три машины из девяти, эскадрилья майора Тонина, собравшись в компактный строй, отправилась назад.

– Мы ночники и полетов в дневное время проводили не так много, как было нужно. В общем, нас встретили на подлете к границе, вывалились из облаков и атаковали. Машину лейтенанта Рощина сразу подбили, и он со снижением ушел вниз. Потом подожгли Караваева, Соткина, мы со снижением ушли немного в сторону и, как мне кажется, единственные, кто смог вырваться из той бойни. Одно радует, это то, что задание мы выполнили и сумели сбить один из «мессеров», – устало говорил майор.

Потом Иванов рассказал, как мы тут оказались, не забыв нашу встречу на аэродроме, и майор обратился ко мне:

– Ну а теперь вы, молодой человек, объясните мне, почему в форме и с оружием. И вообще, что тут делаете?

Пришлось пересказывать свою историю, стараясь не сболтнуть лишнего и то и дело отвлекаясь, чтобы ответить на задаваемые вопросы. И это при том, что зверски хотелось спать:

– А как получилось, что ты летчик?

– У меня батя полковник авиации, заместитель командира дивизии. Уговорить его сперва было трудно. Но я воспользовался тем, что к нам приехал друг отца, и попросил его помочь, вот он и помог. Хотя немного, но опыт пилотирования И-16 у меня теперь есть.

– Что, прям вот так разрешили на истребителе? Насчет У-2 еще как-то могу поверить, но не боевой же истребитель!!! Наверное, друг твоего отца не меньше генерала.

– Да, боевой генерал. Дядя Паша, – подтвердил я.

– Что за дядя Паша? – попался на крючок майор. Что было странно, в наш разговор не вмешивались остальные авиаторы, слушать слушали, но молчали. Видимо, авторитет у Тонина был абсолютный.

– Генерал Рычагов, – коротко ответил я.

– Кхм... – издал горлом неопределенный звук удивившийся майор.

Борт-стрелок Сашка Кириллов, бывший всего на три года старше меня, от изумления громко хлопнул себя по коленям, но, поймав взгляд командира, тут же стушевался.

– Так ты его лично знаешь? – спросил Тонин.

Кроме нас, авиаторов, рядом никого не было, остальные сидели у костра, о чем-то разговаривая, но большая часть уже начала укладываться. Кроме Виктора, который, открыв рот, устроился неподалеку и увлеченно слушал нас.

– Ну да, он хороший приятель отца, вместе служили, – с деланным безразличием пояснил я.

– И что он сделал, когда узнал, что ты хочешь пилотировать боевой самолет? – все-таки спросил Тонин.

– Да знать он, наверное, знал. Уж доложили наверняка, что я летаю на У-2. Но в дивизию пришла новая техника. ЛаГГи и Яки. Вот я набрался наглости и, когда он прилетел в часть к отцу, подошел и попросил разрешения на обучение на старой технике.

– И он тебя послал? – то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал майор.

– Вначале, но после восьмой моей попытки все-таки согласился. Правда, сперва посмотрел, как я управляюсь с У-2.

– И что было дальше?

– Он разрешил. Правда, с опытным инструктором. Они хотели провести «рекламную» акцию для комсомола по линии ОСОАВИАХИМа, что, мол, вот уже и подростки летают.

– Что-то я не слышал такую историю... – начал было майор, но я перебил его с видимым удивлением:

– Да? Странно! Эта история в прошлом году получила довольно много пересудов в узких кругах.

– Ну, вполне... может... быть. А где служит твой отец? – продолжая пребывать в задумчивости, спросил Тонин, но я не попался на такую уловку и отделался общей фразой:

– Да... за Москвой.

Было видно, что это наш не последний разговор. И еще не раз мы будем обмусоливать эту скроенную чуть ли не на коленке историю. Я понимал, что она шита белыми нитками, но серьезно считал, что если только доберусь до кабины истребителя, то сразу покажу, на что способен, отбив все вопросы, а если поймут на вранье, то... Что ж, скажу, что пойду НА ВСЕ, лишь бы попасть в авиацию, даже на вранье.

– Иванов, давай отойдем! – приказал сержанту Тонин. Встав, они под нашими взглядами отошли в сторону. И как только майор удалился на некоторое расстояние, на меня сразу же обрушился шквал вопросов от остальных слушателей.

Когда через час объявили отбой, у меня уже язык отваливался рассказывать в подробностях, как я учился летать и как «уговаривал» генерала.

Утром майор Тонин, который принял командование нашей сборной солянкой, после легкого завтрака из остатков продуктов дал команду на выдвижение. Кстати, оказалось, что почти все припасы, что у нас были, мы схарчили еще вчера вечером.

Так что, построившись в колонну, мы отправились дальше, но на этот раз с дозором впереди.

Шел я рядом с носилками с раненым летчиком. Им был старшина Середа, тоже, как и Сашка, бортстрелок.

Заметив, что старший сержант Земляной, судя по струйкам пота, стекающим по его лицу, стал выдыхаться, я сказал:

– Давай сменю.

– Старшина – парень тяжелый. Вряд ли справишься, – слегка задыхаясь, ответил он.

– Не волнуйтесь, товарищ старший сержант, я ведь спортсмен. Тяжелая атлетика, она, знаете ли, укрепляет организм.

– Ну ладно, а то я ж действительно... Головой об дерево ударился, мутит меня что-то. Саня, остановка.

Парни положили самодельные носилки на землю, и я сменил уставшего сержанта. Кириллов в отличие от Земляного был в лучшей форме и замены не требовал, о чем сообщил сунувшемуся к нам Иванову. Подняв носилки, мы направились вслед за слегка удалившейся группой.

Судя по постоянному шуму моторов, шли мы неподалеку от оживленной трассы, да и разведчики, постоянно шмыгавшие в ту сторону, возвращались удрученные. Возможности перейти через дорогу не было. Она вся была забита немецкими войсками.

Наконец майор объявил привал, позвав командиров о чем-то совещаться.

Поставив носилки, я вытер пот со лба. Все-таки таскание тяжестей по такой жаре в форме – не настолько легкое дело, как мне казалось. Скинув вещмешок, отстегнул термос с водой из встреченного нами родника и, налив в крышку, предложил ее раненому. Затем пришла очередь сидящих рядом летчиков и бойцов, и только потом – моя. К тому времени воды в термосе осталось граммов пятьдесят.

Вдруг по отряду пронеслось оживление, многие привставали и, вытягивая шеи, всматривались в глубину леса, откуда к нам шли пять человек.

На зрение я никогда не жаловался, поэтому сразу разглядел среди мужских фигур тонкий девичий стан.

Гормоны немедленно встали в стойку. Не сводя взгляда с приближающейся девушки, я по кубарям и эмблемам определил, что она военфельдшер.

– Что, Севка, понравилась? – спросил меня Кириллов, который тоже с любопытством разглядывал пополнение. С разведчиками пришли двое бойцов и та самая девушка-военфельдшер.

Познакомиться не успел, хотя даже шагнул в ту сторону – но майор дал команду к выдвижению.

К моему удивлению, дорогу мы пересекли в обеденное время. За полчаса до двенадцати часов движение стало не такое интенсивное и через некоторое время совсем прекратилось, кроме изредка шнырявших посыльных на мотоциклах. Дождавшись, когда никого не будет видно, быстро перебежали на другую сторону дороги и вломились в лес.

Отойдя от памятной дороги, на которой снова началось оживленное движение, мы остановились на привал.

Военфельдшер Зимина, которую прибило к нам течением войны, служила операционной сестрой в окружном госпитале, а здесь оказалась в виде шефской помощи одному из госпиталей – там их не хватало. Ну, дальше понятно. Внезапная война, постоянные бомбардировки, немцы, и вот она с двумя бойцами из госпитальной охраны встретилась с нами.

– Самая обычная история, – тихо себе под нос пробормотал я, слушая Кириллова, который уже успел разузнать все, что только можно.

В самом конце отдыха, за пять минут до запланированного подъема, мы слышали гул авиационных моторов.

– Наши! – уверенно сказал старшина Середа, прислушиваясь к звуку моторов.

Самолеты над нами пролетали постоянно, и мы уже как-то привыкли к этому. Но все они были немецкими, и слова старшины сразу же вызвали ажиотаж среди бойцов.

– Четыре СБ и звено «ишачков» в прикрытии, – сказал я сразу же, как только увидел самолеты в переплетении ветвей.

– Угу. Похоже, они с соседнего полка. Там были эсбэшники, – задумчиво пробормотал Кириллов, с жадностью смотря на своих товарищей в небе.

– С прикрытием. А нам не дали. Сказали, что нет, – хмуро сказал старшина.

– Может, новую часть с внутренних округов перекинули? – спросил я, не отрываясь разглядывая самолеты. Все-таки это были свои. Такие же летчики. Только они там, в небе, а ты ползаешь на земле, с завистью глядя на них. Или с надеждой, что они «дадут ТАМ за нас».

– Может быть, – ответил старшина и, привстав на локте, тоже стал всматриваться в кресты на небе.

– Хотя нет. Ошибся, – приглядевшись, со вздохом сказал я.

– В смысле? – не понял Кириллов.

– Это сборная солянка. Ведущий – хороший пилот, видно, как он маневрирует, а вот ведомые – желторотые птенцы. Или из училища, или с другой части. Постоянно теряют ведущего, нет опыта совместного полета.

– Действительно, один ведомый отлетел в сторону, – раздался за спиной голос майора.

– «Мессеры» со стороны солнца на них заходят... – сказал я, указав в нужную сторону. Все смотрели на наши истребители и как-то прозевали немцев.

– Их всего двое, ну сейчас наши им покажут, – радостно воскликнул Иванов, хлопнув себя по ноге от переизбытка чувств.

Поглядев на него как на несмышленное дитя, я стал монотонно перечислять, что сейчас произойдет. Каждое движение наших и немцев было передо мной как открытая книга:

– Судя по тому, как действуют немцы, слетанность пары у них на очень высоком уровне. Такое постигается месяцами усиленных тренировок...

– Да ладно! Сейчас наши их... – перебил меня рябой боец, глядя на небо блестящими от предвкушения глазами.

– У наших шансов нет! – коротко проинформировал я их. – Сейчас немцы атакуют сверху и собьют ведущий бомбовоз... Ну вот, он падает... Вот сейчас они атакуют «ишачки». СБ от них никуда не денутся, а вот избавляться от помех они станут сразу. Судя по тому, как они атакуют, немцы уже поняли уровень подготовки и собьют самого слабого – это левый ведомый... Падает. Вот они уходят в пике и вверх. Сейчас наберут высоту и снова атакуют, уже сверху.

– Слушай, да замолчи ты!!! И так двух наших сбили! – не выдержал сержант Иванов. Майор Тонин молчал, но бросил на меня какой-то странный взгляд.

– Сейчас собьют второго ведомого и займутся ведущим, но и он долго не продержится. Потом они погонятся за остальными бомберами, – тихо сказал я.

Бросив на меня быстрый взгляд, майор стал смотреть в небо. Я тоже смотрел. Меня интересовало, как действовали немцы в боевой ситуации: все-таки одно дело – смотреть на это в старинных кинохрониках и читать мемуары и совсем другое – смотреть живьем.

Бойцы стонали и шевелили руками, как будто это они там, в кабине последнего истребителя, дерутся с немцами, но бой не продолжался долго. Как я и говорил, сбив «ишачок» ведущего, «гансы» немедленно бросились за бомбовозами, оставив летчика опускаться на парашюте немного в стороне от нас. Пока мы смотрели на довольно далеко начавшийся бой, он как-

то быстро стал вестись над головой, так что, покинув кабину истребителя, летчик опускался фактически на нас.

– Быстро! Разведка – за ним! – скомандовал Тонин, очнувшись после завораживающего зрелища неравного боя.

Как только пяток бойцов во главе с Ивановым исчезли в направлении, куда относил ветром летчика, Тонин повернулся ко мне и сказал:

– Папа показал? Научил летать? Хрена!!! А ну давай говори, откуда такие подробности знаешь, как действуют немцы! – жестко приказал майор.

Бойцы, в основном летчики Тонина, сгрудились вокруг, вопросительно глядя на меня.

– Да что тут такого? – пожал я плечами. – У нас на аэродроме была четверка «мессеров». Немцы подарили Союзу. Правда, модификации «Е», но все равно. Дали на два месяца для изучения и составления учебного боя между немецкими и нашими истребителями.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил у меня майор.

– В дивизию поступила новая техника, вот ее и решили испытать в учебном бою с «мессершмиттами». Так что этих боев я насмотрелся по самое не хочу, там реально искали слабые и сильные стороны немцев. Правда, модификация «Е» сейчас у немцев практически отсутствует, они на другую перешли, но все равно действия те же.

– Ясно. Действительно, такое может быть, – после некоторых размышлений согласился майор.

– У нас на аэродроме еще «хейнкели» были и «юнкерсы», – слегка хвастливо приврал я, надо же держать марку.

– Ну, это понятно, для чего – дивизия же истребительная. Но все равно не помню я полковника Суворова, – сказал Тонин.

– Фамилия моего отца не Суворов, – ответил я лениво.

– Так, подожди-ка, но ты же сам говорил что... Хотя... Действительно не говорил, – вспомнив, признал майор. – Тогда кто у тебя отец?

– Полковник, – чуть улыбнувшись, ответил я. Отвечать не хотелось категорически.

– Я помню, что полковник. Фамилия какая?

– Не, не скажу. Он и так наверняка всех на уши поднял, так что не хочу, чтобы меня в летную школу отправили, попаду в какой-нибудь полк и пристроюсь там. Покажу себя.

– А Суворов?

– Девичья фамилия бабушки.

На дальнейшие вопросы я стал отвечать односложно, и после некоторых попыток разговаривать меня, даже рявкнув в приказном порядке, ничего он не добился – и так хватит ему информации для размышления.

Еще через полчаса, когда мы отдыхали, прибежали разведчики-спасатели, таща на прицепе летчика.

– Немцы! Цепью идут. Лес прочесывают, – запаленно дыша, доложил Иванов.

– Немедленно уходим, – крикнул майор и обратился к летчику, который никак не мог отдышаться:

– Сто шестнадцатый ИАП?

– Да... товарищ... майор, – в три приема выдохнул лейтенант.

– Понятно. Это вы неподалеку от нас стояли. Я хорошо знаю вашего командира, майора Пугачева.

– Я помню вас, товарищ майор, вы неделю назад к нам на У-2 прилетали.

– Вот и хорошо, что помнишь. Давай в конец строя. Всем внимание! Собираем все силы, и бегом, бегом бежим на восток. Вперед! – скомандовал Тонин и возглавил нас, пустив вперед сперва разведку.

– Привет, я Сева Суворов, – поздоровался я с лейтехой.

– Лейтенант Курмышев, – слегка холодно представился он. Видимо, никак не мог понять, почему я не представляюсь как положено.

Остальные летчики быстро просветили его насчет меня, не забыв упомянуть мои едкие комментарии в его адрес в воздушном бою.

С лейтенантом мы быстро нашли общий язык, и дальнейший наш бег шел под жаркие споры, как надо и как не надо было действовать. Немного позже я рассказал ему, что стало со старшим лейтенантом Соломиным из его полка. Это вызвало у него натуральный шок.

– Я ведь тоже в том бою был, мы тогда семерых потеряли. Эдик, он вторым звеном командовал, в третьей эскадрилье, – со вздохом сказал лейтенант...

Через три часа, под самый вечер мы вышли к небольшому польскому хутору, стоящему в глубине белорусского леса. Поселения нам встречались довольно часто, но мы обходили их, а вот одиночный хуторок заинтересовал майора, и он выслал разведку. Наши животы уже пели голодные рулады, так что мы встретили этот приказ с полным одобрением.

– И все-таки, почему ты думаешь, что я смог бы сбить хотя бы один из «мессершмиттов», если бы вел бой на горизонталях? – опять запел привычную песню Курмышев...

– Все чисто, товарищ майор. Немцев нет, – отрапортовал боец.

Тонин в очередной раз осмотрел в бинокль хутор и спросил:

– А хозяева?

– Семеро их там. Старик с женой, трое сыновей, молодка и пасынок.

– Поляки? – влез в разговор я.

– Вроде да. Я точно не слышал, но вроде по-польски говорили, – кивнул мне парень.

– Поляки! – сказал я таким тоном, как будто это грязное ругательство.

Мои рассказы слышали все, так что некоторые нахмурились. Однако Тонин, посмотрев на людей, все равно приказал:

– Идем на хутор, может, припасами разживемся. Иванов, возьми несколько бойцов, осмотри, что творится с той стороны хутора. Остальные – за мной!

Благодаря тому, что майор заранее отправил на хутор пару бойцов, которые успели познакомиться с хозяевами, нас встречали с «хлебом и солью». Вернее, без, но все равно с приятными улыбками и радостными глазами. Мне показалось все это каким-то фальшивым, нарочитым, но я ничего не сказал. Да и что говорить, глядя, как хозяева уже расставляют столы в великолепном яблоневом саду, где вечерний воздух просто создавал мирок покоя и уюта? Посматривая, как дородная хозяйка с приятной улыбкой расстилает скатерти, а девушка уже носит яства в глиняных блюдах, я только морщился. Не нравилось мне тут. Заметив мою мину, майор молча показал кулак, выражая свое отношение к моему поведению. В отличие от остальных, которые уже стали садиться за столы, куда хозяин водрузил большую бутылку самогона с плавающим внутри стручком перца, я, положив у одной из яблонь, где устроили старшину Середу, свой вещмешок, поправил кобуру и спросил у хозяев:

– Где у вас тут удобства?

Старик, посмотрев на меня, сказал одному из своих сыновей, тому, что постарше:

– Марек, проводи товарища командира.

– Не надо! Просто покажите, куда идти. Я сам найду.

Чуть замешкавшись, Марек указал на один из шести сараев и пояснил с легким акцентом:

– За постройкой, там, есть.

Широко шагая к сараю, я спиной чувствовал на себе взгляды поляков, и мне все это нравилось все меньше и меньше.

«Может, они на самом деле нормальные? И мне все кажется? Или все-таки вещун не подводит? А если еда “заряжена”? А?» – под такие мысли я нашел будку для размышлений и

спокойно воспользовался ею. Застегнув ремень, провел по поясу, убирая складки за спину, и двинулся было обратно, как что-то привлекло мое внимание.

На земле валялась красноармейская звездочка. Давно лежала, ее уже успели втоптать в грунт, и она не привлекала к себе внимание, и только я случайно поймал зайчик, отразившийся от одного из лучей. Выковыряв звездочку из земли, почистил ее и внимательно осмотрел.

«Не соврал вещун, что-то тут есть!» – мелькнула мысль. Расстегнув кобуру, достал ТТ, передернул затвор и стал осматривать сарай.

«Повезло» мне на последнем. Открыв подпертую вилами дверь, я вошел в полутемное помещение. Сперва я не понял, что там. Но когда глаза привыкли к полу-тьме...

Увиденное заставило меня отшатнуться назад и издать горлом неопределенный всхлипывающий звук.

Там были наши. Там ВИСЕЛИ наши. Они были прибиты к стенам сарая. Глядя на обрубки рук и ног, которые были прижжены, чтобы не истечь кровью, я перевел взгляд на корыто, полное отрубленных кистей рук и ступней ног. Парни были живы, я видел, как они смотрели на меня своими открытыми глазами. Закрыть они их не могли. Веки были срезаны.

Судя по голубым петлицам, четверо из шести были летчиками. Двое – пехотинцы.

– Сейчас, парни. Сейчас, – тихо бормотал я, рывком раздирая крючки на воротнике. Мне просто не хватало воздуха. Парни молчали. Кляпы не позволяли им сказать что-нибудь, но глаза были красноречивее слов.

– Я сейчас! Я... Я... Сейчас! Вы подождите. Я за нашими, – тихо пробормотал я и, пошатываясь, вышел из сарая.

То, что стало с сержантом милиции после того, как он попал в руки поляков, не шло ни в какое сравнение с увиденным сейчас.

«Нужно торопиться. Поляки могут забеспокоиться», – подумал я и, встряхнувшись, дозарядил пистолет патроном из запасного магазина. Теперь у меня было девять выстрелов.

Я как-то быстро пришел в себя и стал действовать со спокойствием робота, отключив все эмоции. У меня появилась ЦЕЛЬ.

Застегнув кобуру, сунул пистолет за пояс сзади, чтобы его можно было легко вытащить, и направился к туалету. Подойдя, привел себя в порядок и, изобразив на лице спокойно-скупающее выражение, вышел из-за сарая, поправляя на ходу ширинку комбинезона, как будто только что из туалета. Поляки, что наблюдали за мной, существенно расслабились.

– Ну вот он, а ты, Марек, раз пять хотел сходить проверить его! – со смехом сказал сержант Иванов.

Подходя к столам, где веселье шло полным ходом, я посмотрел на старика. И сразу понял, что сделал это зря: он обо всем догадался.

– Севка, что с тобой?! – удивленно спросил Кириллов, глядя на меня. Многие бойцы стали оборачиваться.

И под крик старика: «Марек!!!» – я выхватил из-за пояса ТТ и открыл огонь. Стрелял двойками. Две пули в дернувшегося Марека, две – в среднего брата. Потом поворот направо – и еще две пули в грудь хозяйки, которая испуганно застыла рядом с майором Тониным. Забрызгав майора кровью, она упала на спину.

«Шесть есть, осталось еще три!» – хладнокровно подумал я, считая патроны.

Прицелившись в спину младшего сына, выстрелил в него. Снова двойкой. И сразу же нажал на защелку, выкидывая из рукоятки пустой магазин. Полный запасной уже был у меня в руке и без задержки скользнул в рукоятку. Не передергивая затвор, я продолжил стрельбу.

Две пули в молодую польку, что кормила старшину, две – в двенадцатилетнего пацана, и как только я навел ствол на старика, оставив его напоследок, кто-то вцепился мне в руку.

Шок от моих первых выстрелов прошел, и пара бойцов из находившихся рядом кинулись ко мне, вцепившись в руку, поэтому первый выстрел по улепетывающему старику попал не

между лопатками, а в поясницу, второй, в ногу ниже колена, третий в землю в трех метрах от старого ублюдка, четвертая – рядом со столом, чудом никого не задев, и последняя, пятая, под самые ноги.

Меня свалили на землю и, выкручивая руки, вырвали горячий от стрельбы пистолет. Пока меня вязали, я молча терпел.

Сбоку скрипел зубами старшина. Польша упала прямо ему на ногу, вызвав сильные боли.

– А ну отошли!!! – заорал рядом Иванов. Бойцы прыснули в стороны, и меня окатили ледяной колодезной водой.

Мат, что стоял вокруг, передавал все, что думают бойцы, не стесняясь Зиминной, подскочившей к старшине, с которого уже сняли подстреленную девку. Так они отходили от шока.

– Поставить его на ноги, – приказал подходивший майор, платком вытирая на ходу лицо и форму, куда попали брызги крови.

Меня рывком подняли, как будто куль с картошкой, и поставили на ноги. Встретив мой взгляд, Иванов отшатнулся.

– Севка, да что с тобой?

Схватив меня за воротник, Тонин заорал мне прямо в лицо:

– Ты что творишь, сволочь?! Зачем?!

Глядя прямо ему в глаза, я разлепил склеившиеся губы и безжизненным тоном сказал:

– Крайний сарай!

– Что?

– Крайний сарай, там наши, им нужна медицинская помощь!

Отшвырнув меня в руки красноармейцев, майор развернулся и в сопровождении десятка бойцов энергичным шагом скрылся за ближайшим сараем, повторяя мой путь.

– Отпустите меня. Я сесть хочу, – сказал я рябому, что держал справа. Переглянувшись, парни подвели меня к одинокому пеньку для колки дров и усадили на него, встав по бокам.

Стоящий на часах Васечкин прибежал, осмотрелся и убежал обратно на пост.

Почти сразу, как только я сел, кто-то закричал у сараев. Крики становились все громче и возмущенней. В них явно прослеживался накал страстей. Вот из-за угла сарая выбежал боец с зеленым лицом и выпученными глазами. Добежав до медички, он схватил ее за руку и силой потащил к остальным. Изувеченные парни нуждались в медицинской помощи.

Просидел я так где-то минут десять, пока не появился пошатывающийся Курмышев.

Хмуро посмотрев на хозяев хутора, он крикнул бойцам, что охраняли меня:

– Отпустите его!

Потирая затекшие руки и поглядев на бледного лейтенанта, развернулся и направился к столу – у меня почему-то появился зверский аппетит.

– Товарищ лейтенант, а что там? – с жадным любопытством спросил рябой боец, второй красноармеец тоже наострил уши.

– Страшно там, – глухо сказал Курмышев, садясь напротив меня.

Взяв лежащий на столе нож, что заставило напрячься окружающих, я отрезал себе кусок сала с прожилками мяса, положил его на хлеб и стал спокойно есть под взглядами присутствующих.

– Как ты можешь есть после того, что увидел?! – с недоумением спросил Курмышев, передергиваясь от воспоминаний.

Поглядев на него, я дожевал и ответил:

– Я уже и не такое видел, и заметь, тоже работа поляков.

В это время из-за угла появилось несколько человек и направились к нам.

– Это лейтенант Рошин и его экипаж. Из нашей эскадрильи, – глухо сказал младший лейтенант Сорокин.

– Мы думали, его «мессеры» еще там, у границы сбили, а оно вон как. Похоже, он на скорости перелетел на бреющем границу и где-то сел, а тут... Твари! Я их!.. – вдруг вскочив, заорал Сорокин. Но его так же скрутили, как и меня до этого.

Убедившись, что он немного успокоился, отпустили.

Посмотрев на него, я достал последний магазин с семью патронами и стал выщелкивать их.

Поставив шесть патронов рядом с Сорокиным, глухо сказал:

– Это парням, от меня.

– Да ты что?! Сдурел?! Да как тебе такое в голову могло прийти?! Сопляк! Мальчишка!!! – сразу же заорал он.

– Ты их видел? – спросил я у него спокойным, ровным тоном.

– Видел, – уже тише сказал он.

– Ты бы захотел жить ТАКИМ?

Сорокин молча склонил голову, постоял несколько секунд, развернулся и шатающейся походкой отправился к остальным в сарай. Рябой со вторым бойцом поспешили следом.

Около меня остался один Курмышев, который, звякнув стаканом, стал наливать в него самогон.

– Не советую, – хмуро посмотрев на алкоголь, сказал я.

– Почему? – спросил лейтенант, поднося полный стакан ко рту.

– Думаешь, парни просто так дали себя взять? Наверняка он «заряжен».

– «Заряжен»?

– Снотворное. Или еще что, – пожал я плечами, шинкуя дольками лук.

– А ведь некоторые успели хлебнуть, – припомнил он, ставя стакан обратно на стол.

Ел я, смотря в столешницу, поэтому не видел, кто подошел к столу, хотя шаги слышал. Подняв голову, я обнаружил стоящего рядом майора Тонина. Посмотрев на него, я вернулся к разглядыванию рисунка на скатерти, поведя мокрыми плечами.

Прочистив горло, майор постоял еще пару секунд, развернулся и направился обратно.

Подняв голову, я посмотрел на пустой стол. Патронов не было. Поглядев вслед майору, который медленно шел, ссутулив спину, я взял нож, встал и посмотрел на старика – тот был пока еще жив.

Я успел сделать к старику всего пару шагов под слова лейтенанта: «Не стоит, Вячеслав. Он того не стоит... Да, оставь нам хоть немного. Знаешь ли, тоже нервы не на месте...» – как услышал быстрые бухающие шаги. Обернувшись, увидел вбегающего во двор Васечкина с винтовкой в руках.

Заметив за столом Курмышева, он быстро доложил:

– Машина. Вроде сюда едет!

– Я гляну. Предупреди майора, – быстро сказал я лейтенанту. Идти к сараям у меня не было ну никакого желания. Хватит, посмотрелся. Молча кивнув, Курмышев вскочил и бегом скрылся за сараями, я же в это время, положив нож обратно на стол, энергичным шагом шел к воротам, от которых к лесу шла слегка заросшая дорога.

– Где? – спросил я у Виктора, доставая из чехла бинокль.

– Вон там, где опушка! Поработал и замолк, – указал рукой Васечкин.

– Угу. Вижу, что-то белеет... – тихо сказал я, всматриваясь в непонятное пятно, и когда оно шевельнулось и опустило такой же бинокль, как и у меня, понял, что вижу милиционера.

«Додумался по лесу в белой гимнастерке шастать. Ее же за километр видно!» – подумал я, недоуменно покачав головой.

– Суворов, что там?

Голос майора был уставший и какой-то безэмоциональный, как мне показалось.

– Похоже, что наши, товарищ майор. Один в форме милиционера. Белая гимнастерка и синие галифе. Больше не видно, но кто-то там еще есть.

– Где? Не вижу. – Мы стояли так, чтобы кусты смородины скрывали нас наполовину.

– От того места, где мы вышли, метров триста направо.

– Теперь вижу. Действительно милиционер, – согласился майор.

– Товарищ майор, уходить надо, и как можно быстрее. Через несколько минут стемнеет, как бы не вляпаться. Лучше посмотреть в доме, что с собой брать, и уходить, – закинул я удочку. Меня действительно озаботила та анархия, что творится сейчас в группе. Один часовой, остальные заняты с ранеными. Понятно, что нужно позаботиться о них, но не всем же! Пару человек мне не помешает – подготовиться к отходу. Припрется кто-нибудь, как вот сейчас, и бери нас голыми руками.

– Мародерничать? Не допущу! – начал было заводиться майор, но я прервал его спокойным тоном.

– Какое мародерство? Вы эту ночь на земле провели? Много народу дохает? А у Кислова подошва оторвалась, ходит с бечевкой перевязанной? А раненого долго собираетесь на руках нести, если есть телега и лошадь? А мясо? Продовольствие? Вон куры, козы, взять на веревке, и когда надо – на убой!

Я начал заводиться. И мне было все равно, что он майор и командир. Пуская сначала присягу потребуют, тогда и козырять начну и говорить, как с командиром.

– Кхм, действительно. Ну хорошо, назначаю тебя по хозяйству, раз такой умный.

«Зашибись! Я теперь еще и интендант! Хотя... Действительно, а кого еще?»

Позади нас собралось человек шесть бойцов с оружием. Быстро распределив их по местам, Тонин сказал:

– Нужно как-то показать, что тут свои.

– Выйти да рукой помахать. У них бинокль, разглядят, – сказал я почти сразу, так как успел об этом подумать.

– Васечкин... – начал было майор, как Виктор вышел на открытое место, прямо в проем ворот, и, подняв над головой винтовку, махнул ею туда-сюда. Я присмотрелся. Опустив бинокль, милиционер обернулся и скрылся за деревьями.

Потянулись минуты ожидания. Почти совсем стемнело, и лес стал плохо виден. Рассмотрев, что в прямой видимости что-то появилось шевелящееся, я поднес к глазам бинокль.

– Идут. Двое в фуражках. Не милиционеры... Пограничники вроде, – сказал я, опустив бинокль.

– Иванов давай кого-нибудь навстречу, пусть встретят! – командовал сержанту Тонин.

– Есть! – козырнул тот и, также пригнувшись, как и подошел, вернулся к своим.

Через несколько секунд две тени вышли из ворот и подошли к приближающимся фигурам. О чем был разговор, я не слышал, но вернувшийся Иванов доложил, что там действительно свои. Семь человек. Трое милиционеров на машине и четверо пограничников.

– Давай-давай! – командовал Иванов водителю, протискивающему полуторку в узкий проем ворот.

Наконец въехав во двор, грузовик свернул налево и почти сразу заглох, что позволило мне слышать редкие крики боли от сарая с ранеными.

Было темно, но командира, что разговаривал с майором, я рассмотреть сумел. Это был лейтенант, если судить по кубарям, и сейчас он внимательно слушал, что говорит майор, объясняя находку на хуторе и последствия этого. Бросив на меня быстрый взгляд, милиционер козырнул и стал командовать своими людьми.

Во-первых, их сразу посадили за стол. Только предупредили насчет спиртного, да и других напитков.

Во-вторых, я попросил лейтенанта, представившегося Стоговым, помочь в обыске дома и сараев, надеясь на их опыт. Наверняка где-то было спрятано оружие, которое нам было остро необходимо. Также, пока милиционеры и пограничники быстро ели, попросил у Иванова, бывшего в курсе относительно моего назначения, четырех бойцов. Желательно деревенских. Молча кивнув, он скрылся с глаз, и через пару минут около меня стояли четверо красноармейцев, старшим из них был тот самый рябой по фамилии Кутузов.

Дальше я развил бурную деятельность, обозначив бойцам круг задач. Двое шарили по дому, остальные впрягали в телегу коня и готовили транспортное средство к долгому переходу, смазывая оси найденной смазкой и проверяя ступицы. После чего они должны были заняться козами и курами.

– Подох! – ткнув стволом винтовки в старика, сказал один из пограничников, сержант Слуцкий. Он только что вернулся от сараев и сейчас был не в самом лучшем настроении.

– Держи, – протянул мне мой пистолет Курмышев. Взяв его, я спросил у Васечкина тряпочку, оружейное масло и, смахнув со стола объедки, вытащил из кармана оба запасных магазина. Достав из вещмешка узелок с патронами, снарядил магазины, после чего занялся чисткой пистолета. Стеклообразная лампа, стоящая на столе, давала мало света, но мне хватало.

– Так это ты их? – спросил лейтенант-милиционер, усаживаясь напротив.

Его люди вместе с двумя пограничниками уже начали обыск дома и пристроек, еще двое погранцов сменили Васечкина на посту, и сейчас он набивал желудок на другом конце стола.

– Ну я! – хмуро сказал я, не прерывая своего занятия. Разговаривать с кем бы то ни было у меня не было никакого желания.

– Хорошо стреляешь. Ловко.

– Дядя научил.

– Он военный? – не отставал лейтеха. Его явно направил ко мне Тонин, прощупать, кто же я все-таки такой. Поэтому я ответил чистую правду.

– Да. Он начальник особого отдела корпуса. У него ординарец – бывший старшина осназа... после ранения дядя его к себе взял, так вот он и научил меня.

Говорил я почти правду. Дядя у меня, родной брат матери, занимал ту же должность, а вот со старшиной я немного приукрасил. Вместо старшины выступал родной брат отца, майор ВДВ. Причем они с батей были близнецами. Так что пострелять из оружия мне удалось немало. Как уже говорил, наша семья не бегала от армии, так что меня стали готовить к ней, когда я только начал ходить. Шучу, конечно, но все равно подготовить меня успели.

– Понятно! Ладно, пойду посмотрю, что там мои делают, судя по разговору, что-то они нашли. – Лейтенант хлопнул по столешнице, встал и, поправив гимнастерку, направился к дому, откуда действительно были слышны возгласы.

«Надеюсь, с начальником особого отдела корпуса я не переборщил. Блин, что-то у меня с головой, плывет все. Вроде не простыл, горло не болит, нос не заложен. Тогда что?» – На миг замерев, я мысленно пробежался по себе, проверяя, что не так.

Однако все было нормально, немного болели ноги, но это потому, что весь в беготне, и ныли плечи от лямок вещмешка. А так все нормально.

«Наверное, устал», – со вздохом подумал я.

В это время в кругу света появилось несколько парней, шедших от сарая, они вели или тащили на себе четверых бойцов.

– Что? – вскочив, спросил я, вставляя в вычищенный пистолет магазин и убирая его в кобуру.

– Это те, кто самогону успел хлебнуть. Разморило их, на ходу засыпают, – спокойно пояснил появившийся Иванов и, взяв из блюда одно моченое яблоко, захрустел им.

– Понятно. Когда уходим?

– Майор сказал, как рассветать начнет.

– Да? Лучше бы немедленно, но ладно. Пойду узнаю, что там мои нашли.

Обернувшись, я смотрел на яркое пламя на месте дома. Тризна. Уходя, мы подожгли все, что только могли. Я был против, но майор приказал.

Раненых, что побывали в руках поляков, Тонин «отправил» лично. Я видел, как он плачет, тяжело было ему поднять на своих руку, но сами они не смогли. Лейтенант Рошин сам просил, умолял майора убить их. Сам слышал. И майор сделал. Сильный мужик. Вот только седину на висках я раньше у него не помнил, не было ее.

Сзади тихо порывивал мотор, все стояли на опушке и смотрели на горящий хутор, где остались тела наших парней. Мы не стали их хоронить, майор решил устроить тризну, сам решил, не знаю, откуда он про нее узнал, но решение было правильное.

– Прощайте, парни... и простите нас за все! – тихо сказал стоящий в двух метрах Тонин и, вытерев лицо, развернулся и громко скомандовал:

– Слуцкий, дозор вперед. Все, уходим!

Сержант-пограничник, который теперь был начальником разведки, кивком показал своим на дорогу и первым ступил на нее.

Я шел замыкающим, рядом с телегой, на которой лежал укрытый одеялом старшина и сидела Зиминая. Так и не проснувшихся бойцов положили в кузов полуторки, места им там хватило. Вихров довольно шурился, шагая рядом с машиной, сжимая в руках пулемет Дегтярева, найденный в доме вместе с семью винтовками, пистолетами летчиков и других командиров, а также пачкой документов военнослужащих Красной Армии.

Тогда, увидев удостоверения, лейтенант Строгов сказал, что, похоже, хуторяне этим и до войны занимались.

Еще раз оглянувшись и на миг замерев, я продолжил движение вслед за остальными.

Вещмешок оттягивал плечи, так как я умудрился сунуть в него каравай хлеба и большой шмат копченого сала. Поэтому, немного подумав, снял его и положил в телегу у ног старшины, рядом с небольшим казаном и мешками с крупой.

Сумерки в лесу начали рассеиваться, вставало солнце, показывая, что наступил третий день войны.

Пройти мы успели километра три или чуть более, когда наша небольшая колонна остановилась и впереди возникло какое-то оживление.

– Что там? – тревожно спросил старшина.

– Не вижу. Но вроде людей стало больше, – сказал я, вытянув шею и разглядывая, что там впереди. Не помогло даже вставание на цыпочки – все равно не видно. Закрывал широкий корпус полуторки со стоящими в кузове двумя большими сейфами.

– Пойду гляну. Узнаю, что там, – сказал я Середе и посапывающей носиком Зиминой.

– Ага. Давай, – кивнул он и, немного повозившись, с болезненной гримасой устроился поудобнее.

– Что там? – спрашивал я у бойцов, но получал тот же ответ: «Не знаю».

Выйдя из-за полуторки, тихо работающей на холостых оборотах, и вдохнув запах выхлопных газов, с интересом посмотрел на незнакомого пехотного капитана, который что-то говорил Тонину, при этом активно жестикулируя.

– Это еще кто? – спросил я у Иванова, который стоял неподалеку.

– Тоже окруженцы, как и мы. Из полка прикрытия границы. Они должны были усиливать пограничников. Капитан говорит, что до заставы под непрерывным обстрелом с воздуха и артиллерией смогли дойти всего около батальона. Говорил, границу целые сутки держали, только вчера утром их сбили с позиций, теперь прорываются к своим.

– Как они здесь оказались? Где мы, а где граница? – Вопрос действительно был не праздный. До границы было почти восемьдесят километров, и как они тут оказались, просто удивляло.

– Да вроде у них машины были, я точно не слышал, мы случайно на их лагерь наткнулись. Вот там и слышали.

– Сколько их?

– Больше ста человек. Много раненых.

– А о чем это он так говорит? Больно активно руками машет.

– Сам не знаю. Капитан попросил с майором поговорить наедине. Но похоже, что-то важное.

– Понятно. Ладно, я к своим.

Развернувшись, я встретился взглядом с лейтенантом Стоговым, который, положив локоть на капот машины, с интересом наблюдал за беседующими.

Насчет милиционеров я уже спросил у пограничников. Оказалось, они были из Гродненского райотдела милиции. Начали вывозить сейфы с какими-то материалами, но попали в окружение, прятались в лесу, где и повстречались с погранцами, дальше двинулись уже вместе, пока не наткнулись на нас.

– Ну что там, – нетерпеливо спросил старшина после моего возвращения к телеге.

– Еще одну группу наших встретили, – пояснил я.

– Много?

– Да вроде больше ста человек.

– Ого, целая рота!

– Ну да! Рота. Это все, что от целого полка осталось, не считая погранзаставы.

– Прикрытие?

– Иванов так объяснил, – пожал я плечами и, отстегнув термос, напоил старшину и попил сам.

Разбудив Зимину, напоил и ее тоже.

– Пойду посмотрю, что там с уснувшими, должны уже проснуться, – сказала девушка, зевнув, аккуратно прикрыв ротик ладошкой, подхватила свою сумку и неторопливо направилась к машине.

Стоять нам долго не пришлось. Через десять минут мы продолжили движение.

Иванов был прав – их было больше сотни и очень много раненых.

– Как они сюда от границы дошли? – удивленно покачал я головой.

Теперь была понятна жестикуляция капитана: он не хотел бросать своих людей, но и очень торопился к фронту. Объяснение было простым. Вчера вечером на их дозор, который наблюдал за дорогой, выскочил бронетранспортер с солдатами и следовавшим за ним легковым автомобилем с генералом.

На дороге больше никого не было, и бойцы воспользовались такой удачей. В кузов грубообразного «Ганомага» полетела связка последних гранат, а кабриолет расстреляли из пулемета, стараясь не задеть ценную добычу. Однако генерал, подхватив лежавший на сиденье автомат адъютанта, открыл ответный огонь, убив одного и ранив двоих. Ответ был закономерен. Кроме документов погибшего генерала, толстого портфеля с картами и оружия ничего они не взяли. Вот как раз в содержимом портфеля, которое успел изучить командир одной из рот, знавший немецкий как свой родной, оказались карты с расписанным наступлением немцев на три дня вперед. Это и была их проблема. Потому-то капитан и метался. Бросить раненых он не мог, но и документы должны были оказаться в штабе округа как можно быстрее.

– Нужно уходить, и как можно быстрее. Где вы захватили документы? – спросил майор у капитана.

– Почти в двадцати километрах отсюда.

Капитан Климов был начальником штаба восемнадцатого стрелкового полка и после боев стал старшим по званию, приняв командование на себя. Сейчас он стоял рядом с комиссаром полка, забинтованным по самые глаза, около которого уже крутилась Зимина, слушая санинструктора, делавшего перевязку. Прихватив обоих выживших медработников полка, она обходила раненых и осматривала их.

Телегу, за которую я отвечал, загнали на небольшую поляну и стали снимать с нее припасы. Командовал бойцами седоусый ротный старшина. Обрадовавшись такой удаче – мы все равно вливались в этот отряд, – я быстро сдал ему свое имущество, освободившись от своих недолгих обязанностей. Припасы были приняты на ура – с продуктами в полку было не ахти. Убедившись, что все принято по описи, и получив соответствующую бумагу, убрал ее в карман и направился на поиски командиров.

Сам лагерь походил на цыганский табор – все куда-то бегали, спешили, слышны были крики, стоны, даже смех.

Майора я нашел у полуторки, из которой уже вылезли наши «сонные» бойцы, и сейчас, усиленно зевая, они удивленно оглядывались вокруг, не понимая, где находятся. Заметив единственное знакомое лицо, то есть меня, сразу же накинулись с расспросами. Насмешливо осмотрев всех четырех вояк, я быстро и довольно сжато объяснил все, что случилось после их «усыпления». Объяснив, где устроились наши, обошел машину и подошел к командирам, собравшимся решать, что делать. Всего их было, это считая летчиков, аж одиннадцать человек. Начиная с младших лейтенантов, заканчивая майором Тониным.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – вытянулся я перед майором.

После кивка доложил о сдаче своего хабара местным старшинам, за что получил втык от майора, поскольку сделал это без разрешения. Отдав бумагу с актом приемки, получил приказ идти в группу лейтенанта Курмышева, которого Тонин назначил командиром пулеметного взвода, состоящего из трех трофейных пулеметов с довольно ограниченным боезапасом.

Еще раз козырнув, я развернулся и направился во взвод, где нашел Сашку Кириллова, который уже изучал незнакомую технику.

– О, в нашем полку прибыло! – весело осканился он, увидев меня.

– Да, Тонин направил к вам! – согласно кивнул я и, бросив вещмешок, устроился рядом. – Ну давай, показывай что тут и как.

Тут я немного слукавил, так как прекрасно знал конструкцию пулемета. Как-то два года назад мы нашли тайник с оружием. То ли партизан, то ли, что было вероятнее, бандеровцев. Так что все, кто там был, успели пострелять из МГ, который вместе с другим оружием сохранился просто в превосходном состоянии. Да и патроны в цинковых коробках нареканий не вызывали, хотя и было несколько осечек. Оружие мы сдали, что уж там говорить, но без патронов – кончились они. Даже лейтеха, которого к нам приставили из милиции, тоже изрядно отметился в стрельбе, да еще и руку обжег, когда сгоряча схватился за ствол.

Для вида немного повозившись, я быстро разобрал пулемет и собрал.

– Ого!.. Ты что, уже держал такой в руках?

– Да нет, откуда? Просто оружие очень люблю, – ответил я.

Наше занятие прервал подошедший Курмышев, который привел остальных летчиков – из экипажа Тонина и еще четырех, прибывших к группе капитана Климова. Причем один из них, судя по робе, был из механиков.

Быстро перезнакомившись с пополнением, я узнал, что новенькие – экипаж СБ, а механик – единственный уцелевший из истребительного полка, вооруженного И-16.

Курмышев достаточно быстро разбил расчеты и назначил первые номера. Я же стал подносчиком боеприпасов у третьего расчета, в который вторым номером входил Кириллов.

– Собираемся, уходим! – закричали командиры, вырывая меня из дремоты.

Вскочив, я надел вещмешок и накинул на плечи две ленты для пулемета. Все, готов к передвижению. На три телеги и полуторку погрузили раненых, остальных понесли на носилках, и мы медленно двинулись в сторону фронта.

– Сань, а что там слышно о другой группе, которая понесет документы?

– Решили, что до вечера двигаемся вместе, а потом капитан Климов с несколькими бойцами ночью пойдет дальше.

– Да? Понятно.

Какими бы ни были планы, но они столкнулись с жестокой реальностью.

Нас обнаружили. Не знаю, то ли с самолета-разведчика, который уже полтора часа барражировал над небольшим леском, где мы прятались, то ли из-за того патруля, что вырезал наш дозор, но нас нашли.

Этот маленький лес, в который отряд вошел, чтобы спрятаться от появившегося самолета, стал ловушкой. Я не знаю, сколько немецких солдат нас окружило и участвовало в нашем уничтожении, но перед окопчиком нашего расчета уже валялись два десятка трупов в серой форме.

– Приготовиться к прорыву! – пробежал по рядам уцелевших приказ командиров.

– Какой еще прорыв? У нас же раненые!!! – заорал я Курмышеву, лежащему неподалеку.

Однако все уже было решено. От лагеря ползком и короткими перебежками приближались раненые, оставленные там перед боем. Они должны были прикрыть наш прорыв. Я впервые столкнулся с таким самопожертвованием. Почти сорок раненых ложились в пулеметные и стрелковые окопчики и устраивались в них. К нашему подползло трое во главе с тем самым перебинтованным комиссаром. Прорываться решили как раз там, где была наша позиция – до соседнего леса тут было «всего» метров четыреста чистого поля. И их надо было как-то пробежать. Позади был отчетливо виден костер, где метались милиционеры, таская что-то к нему от машины.

– Уходите, мы задержим их, – сказал один из раненых. Комиссар говорить не мог, у него было повреждена челюсть.

– Прощайте, братки, – всхлипнул Курмышев.

– Вперед!!!

И почти пятьдесят человек рванули вперед. В атаку. В прорыв.

Я бежал следом за Курмышевым, который на ходу стрелял в кого-то из подобранной винтовки. Я был испуган, я был в реальном ужасе. Атака – это точно не для меня. Видеть, как падают твои товарищи и уже не поднимаются, это реально страшно.

– Танки-и-и-и!!! – заорал кто-то слева.

Обернувшись, на бегу посмотрел в ту сторону, там виднелись выезжающие на поле две квадратные коробки. Вдруг я об кого-то споткнулся. Впереди уже шла рукопашная, а я лежал на земле и смотрел, как Курмышев еще с двумя бойцами вломились в нее с разбегу.

Споткнулся я об немца. Подхватив его карабин, вскочил и несколькими гигантскими прыжками добежал до сечи. Наведя ствол на немца, навалившегося на одного из наших, нажал на спуск. Сухо щелкнул выстрел, и фашист обмяк, как и боец под ним. Я не подумал, что пуля была способна пробить насквозь и убить обоих. Переживать было поздно, для этого будет время, если выживу. Справа трое немцев сцепились с Климовым. Передернув затвор, я выстрелил в одного из гитлеровцев, на втором боек сухо щелкнул. В карабине оказалось всего два патрона. Перехватив винтовку, как дубинку, я плашмя обрушил приклад на спину одного из немцев, потом на второго, и приклад сломался в районе рукоятки.

– Вперед, вперед!!! Не останавливаться! – заорал мелькнувший справа Тонин.

Я помог встать капитану, которого сразу подхватила пара бойцов, и последовал за ними, судорожно доставая из кобуры пистолет. Когда я уже вбежал в такой близкий лес, остановился и выстрелил в преследовавшего нас немецкого солдата, после чего побежал догонять своих.

Мелькнувшую рядом палку я сперва не принял в расчет, но посмотрев на то, что упало рядом, заорал в испуге. Это была немецкая граната. Последним, что помню, был мой гигантский прыжок в кусты.

Разбудил меня смех, простой человеческий смех.

«Я в раю!» – это была первая мысль, пришедшая мне в голову, потом, открыв глаза, понял, что все еще на земле. Осторожно, стараясь не шевелиться – совсем рядом послышался чей-то смех, – осмотрелся.

Первое, что увидел – это свою задранную ногу. Она зацепилась голенищем сапога за обломанную ветку и торчала под таким углом, что я даже почувствовал боль в паху.

Я лежал в густом кустарнике, прекрасно скрывающем меня от чужих взглядов, конечно, не считая той самой злосчастной ноги. Судя по всему, взрывом меня перевернуло на спину, поэтому и оказался в таком положении. Лежать было неудобно. Вещмешок бугром впечатался в лопатки, но я терпел, только слегка морщился: спина ужасно чесалась.

Еще болела голова. Осторожно ощупал голову и обнаружил большую шишку на макушке. Посмотрев вверх, обнаружил над собой дерево, о довольно толстый ствол которого, похоже, и затормозил. Повезло. Разбить об него голову – как нечего делать.

Скосив глаза сначала вправо, потом влево, нашел и свой пистолет. Он, тускло блестя воронением, лежал почти рядом, метрах в двух от меня. Видимо, когда я падал, ТТ отлетел туда. Вот только достать его не получалось – не дотянуться. Так и посматривал в ту сторону, как в поговорке: «Видит око, да зуб неймет».

Оставалось ждать, когда о чем-то лопочущие немцы куда-нибудь уберутся.

От нечего делать я через слабые просветы между ветками попытался рассмотреть, что происходит по ту сторону моего укрытия.

Видно было плохо, но все же удалось разобрать, что там стоят два немца. Выше груди я просто не видел, но один из них держал в руках карабин и на моих глазах надевал на него штык-нож.

– ...е надо, пожалуйста, не надо!!! – услышал я чей-то умоляющий голос где-то рядом. Проморгавшись, чтобы сфокусировать зрение, а то оно у меня стало расплываться, обнаружил тело, лежащее под ногами у немцев.

Это был тот самый авиамеханик, я его узнал по черной робе. Вот шевельнулась рука, чтобы отвести удар, но не смогла. Штык-нож с легким хрустом вошел в грудь механика.

Закрыв глаза, я крепко сжал челюсти, чтобы не за-орать от ненависти. Фашисты, перекидываясь веселыми словечками, стали удаляться куда-то в глубину леса, откуда слышалась редкая стрельба.

«Уроды, мать вашу!» – подумал я, сплевывая кровавую слюну.

Как это ни странно, но немцев я понимал. Сам сделал бы то же самое, будь я на их месте: ну зачем мне возиться с раненым врагом? Лучше уж так. Как бы цинично это не было.

Внимательно осмотревшись и прислушавшись, убедился, что рядом никого нет, и начал осторожно, без лишнего шума снимать ногу с куста.

Сапог крепко зацепился голенищем, поэтому мне пришлось сначала вытащить ногу из него. Вдохнув запах взопревших портянок, обулся, подобрал лежащую рядом пилотку, кое-как водрузил ее на голову и наклонился за пистолетом.

Во время этих акробатических трюков у меня начало стрелять в спину, и я почувствовал, что там что-то потекло. Проведя рукой по спине, тупо уставился на красную от крови ладонь.

«Зашибись, я еще и ранен!» – подумал я.

Вытерев руку о штанину, сдул с пистолета пылинки и проверил. В магазине еще оставалось шесть патронов да один в стволе. Использовал я только один, по тому немцу, что бежал за мной, что-то крича.

Поменяв магазин, положил ТТ рядом и, сняв вещмешок, расстегнул комбинезон, стянул его по пояс, после чего снял окровавленную рубаху.

«Фу-у-ух-х-х, ничего страшного!» – подумал я с облегчением, ощупывая спину. Кроме неглубокой борозды, которую пропахал маленький осколок, ничего не было. Сам осколок я нашел в вещмешке, где он застрял в запасных портянках. Повертев его в руках, отшвырнул в сторону и озабочился перевязкой. У меня было три медпакета, которые я добыл вместе с формой, но два из них отдал Зиминной, занывав один. Вот сейчас он бы и пригодился, но использовать его, как это ни странно, бессмысленно. Я просто не видел раны.

«Нужно кого-нибудь найти, кто перевяжет меня», – решил я и стал снова одеваться. Застегнувшись, надел обратно вещмешок, который прижал к ране одежду, и, подхватив пистолет, стал по-пластунски выбираться из кустарника, замирая при любом шорохе.

«Судя по всему, без сознания я был недолго, вряд ли больше получаса. Может, даже меньше», – подумал я, расстроенно посмотрев на часы. Разбитое стекло и раздавленный циферблат ясно давали понять, что с ними покончено. Остановившись, снял их и выбросил.

Насколько бы ни разросся кустарник, все когда-нибудь заканчивается, вот закончился и он.

Остановившись, я осмотрелся. Вокруг шумел лес, но в поле зрения – никого. Такое впечатление, будто я в нем один, однако близкая редкая стрельба давала понять, что это не так. Покрутив головой по сторонам, я посмотрел на солнце. Судя по нему, сейчас часа три дня, как-то так.

Еще раз осмотревшись, я осторожно выбрался из кустарника и, стараясь не нагибаться, держа спину ровно, а то рана стреляла болью, стал перемещаться от дерева к дереву, постоянно крутя головой.

Прошел так где-то с километр – даже шея уже стала побаливать, – когда я заметил движущуюся правее группу людей.

«Не зря был так осторожен!» – похвалил я сам себя, рассматривая два десятка немцев, идущих компактной группой в ту сторону, откуда я пришел. Прошли они метрах в пятидесяти от меня. Убедившись, что их не видно, я встал и двинулся дальше, еще больше усилив бдительность.

И через полтора часа вышел на опушку, к широкой полевой дороге, на которой стоял немецкий танк. Рядом с ним возилось четверо танкистов в черной униформе. За дорогой раскинулось бескрайнее поле с колосющейся на нем рожью.

«Гусеница слетела», – понял я, чем они там занимаются. Бинокль у меня сохранился, так что, достав его, я всмотрелся в них. И не зря. В тени танка лежал пятый и курил.

Захотелось пить. Я лег на бок и, достав термос, налил себе остатки воды. Термос я фактически опустошил, когда ходил по лесу, – из-за потери крови очень мучила жажда.

Попивая из стаканчика, я продолжал наблюдение за танкистами.

Вот послышался рокот двигателя, и из-за поворота дороги выехал мотоцикл-одиночка, которым управлял офицер. Остановившись, он о чем-то поговорил с тем самым типчиком, что лежал в тени и вскочил при появлении начальства. О чем был разговор, я, понятное дело, не слышал, но догадаться было не трудно. Офицер ругался, что так долго ремонтируются, командир танка оправдывался.

Когда офицер, газанув напоследок, уехал, командир танка тоже включился в работу.

Жрать хотелось неимоверно, все свои припасы я отдал на общий стол еще утром, так что смотрел на немцев, как на будущее продовольствие. Не на них конечно, а на сам танк. Наверняка там есть НЗ, а это то, что мне доктор прописал. Немного подумав, достал из кобуры ТТ и, проверив его, сунул сзади за ремень, так, чтобы можно было выхватить быстро. После чего встал и, убрав по чехлам бинокль и термос, поднял руки и направился к танку.

«До чего беспечные», – подумал я, невольно покачав головой. Меня заметили только тогда, когда до них осталось меньше сотни метров.

– Хальт! Хенде хох! – сразу же заорал один из «гансов».

Второй дернулся и схватил лежащий на моторном отсеке автомат. Тот самый, который показывают в фильмах про войну. МП. Правда, я не видел, какой – танкист наполовину закрывал его локтем, не давая понять, тридцать восьмой он или сороковой. Хотя мне любого хватит.

– Нихт шизен! – закричал я тоненьким голосом. – Айм сдаюсь. Это... как его? Их капи-тулирен. Арбайтн, – показывал я на танк, имея в виду, что могу помочь.

Из пятерых вооружены были трое, у двоих пистолеты и у одного автомат. Кстати, у командира оказался, ни много ни мало, а самый настоящий революционный маузер в деревянной кобуре.

– Ком. Ком, – подзывал к себе рукой командир танка. Я быстро подошел, стараясь не спровоцировать автоматчика. Вооруженные пистолетами немцы хоть и схватились от неожиданности за оружие, но и не вытаскивали, оставив кобуры открытыми.

Что мне не понравилось, так это то, как один из немцев, квадратный блондин, смотрел на мой термос.

«Какой же я идиот! На нем же свастика! Ну почему я не оставил все в лесу?!» – мысленно попенял я сам себе.

Автоматчик палец со спускового крючка убрал, я отчетливо видел это, но рука осталась на ложе, так что дать очередь для него – секундное дело.

– Снэмайт, – сказал командир на плохом русском, указав пальцем на мои вещи.

Я быстро скинул вещмешок, положил рядом чехол с биноклем и стал возиться с пряжкой ремня, стыдливо поглядывая на немцев, мол, «вот никак не снимается».

За что я себя похвалил, так это за то, что выхватить пистолет можно было только левой рукой, то есть рукоятка была повернута именно в ту сторону. Сделал я это, потому что кобура на моем правом боку была отчетливо видна. Сам сдвинул, так что если я потянусь левой, они должны были среагировать не сразу. Это по идее, а как будет, узнаем сейчас.

– Никак! – сказал я, изобразив на физиономии крайнюю степень огорчения.

На лицах немцев появились ухмылки. Один из них отвернулся и стал рассматривать звено на гусенице.

Левая рука скользнула назад, правая же продолжала возиться с пряжкой, отвлекая внимание.

Что ни говори, но немцы среагировали с похвальной быстротой. То, что они прощелкали, как я тянусь за пистолетом, можно списать на то, что они не воспринимали нас всерьез, и первые дни войны подтверждали их мнение, так что в Вермахте просто не считали нас противниками.

Первым среагировал тот самый квадратный, метнувшись ко мне. Он же и получил первую пулю.

Стрелял я от бедра, поднимать оружие на уровень лица и прицеливаться у меня банально не хватало времени, так что это был единственный выход.

Выстрелив в квадратного, я быстро перевел ствол на автоматчика и тремя пулями свалил его на землю. Как ни странно, но квадратный помог мне. Немного, но и этого хватило. Дело в том, что автоматчик успел нажать на спуск и, дергаясь от попадания пули, падая, повел стволом автомата в сторону и прошелся по ногам стоящего рядом танкиста. Выстрелив в третьего и четвертого, я выстрелом в грудь добил подранка, держащегося за ногу. Командир танка с похвальной быстротой нырнул за машину. Обежав ее, я увидел танкиста метрах в десяти, он на бегу пытался вытащить маузер из кобуры. В пистолете оставалось два патрона. Тщательно прицелившись, я выстрелил в него с пятнадцати метров. Немец споткнулся и пошел на заплетаящихся ногах, бежать он уже не мог.

Снова выстрелив ему в спину, увидел, как танкист дернулся, но, к моему изумлению, не упал, правда, шататься он стал сильнее.

– Да сдохнешь ты, сволочь, или нет!!! – возмущенно заорал я, перезаряжая пистолет.

Третья пуля выбила фонтанчик крови на спине немца и свалила его на колени, однако он продолжил ползти:

– Да что ж это такое???

Гитлеровец затих только после пятого выстрела.

Зарядив третий и последний магазин, я побежал собирать хабар.

– А я думал, ты действительно сдаваться идешь. Думал, все, сейчас шлепну гаденыша, а тут вон оно как, – раздался вдруг сзади чей-то смутно знакомый голос.

Держа в руках снятую кобуру с маузером, часы и документы командира, быстро обернулся. У танка стоял сержант Слуцкий и чуть насмешливо смотрел на меня. Из близких кустов выглядывали еще два знакомых лица.

– Вот так всегда, только добуду трофеи, так сразу толпа набежит, – только и сказал я от неожиданности, услышав в ответ громкое ржание. Смеялся сержант, смеялись парни, смеялся я. Это была какая-то психологическая разрядка после такого трудного и тяжелого дня.

«Стоп. А ведь они все видели от начала до конца! И не помогли? Что это значит? Проверка? Свой-чужой? О-о-очень интересно!» – Я перестал смеяться и с подозрением посмотрел на сержанта.

Видимо, мои мысли отразились на лице, потому что сержант подавил улыбку и, серьезно посмотрев на меня, спросил:

– Удивляешься, почему не помогли? Строгов да и Тонин считают, что ты не тот, за кого себя выдаешь, даже подумывать начали...

– Что я на немцев работаю?

– Ну да. Думаю, сейчас подозрения на этот счет рассеются, но кто ты, все равно не понятно. Ты, конечно, извини, но твоя версия шита белыми нитками. Так-то.

– Непонятно. Если бы я наврал, то все бы поверили, да? Но я сказал чистую правду, как бы она нелепо ни звучала. Прими это как данность.

– Ладно, не до этого сейчас, уходить надо. Ты зачем вообще на них напал? Только не надо мне говорить, что из-за оружия, – кивнул он на маузер.

– Жрать охота, – честно сказал я, вызвав новый смех в кустах.

– Хороший ответ. Ладно, собираемся, отходим. Демин – настороже, остальным – собирать трофеи.

Из кустов вышли трое бойцов, двое из которых мне были хорошо знакомы. Один встал посередине дороги и активно закрутил головой, прислушиваясь. Другой принялся собирать оружие у лежащих танкистов, а последний – незнакомый – полез в танк. Документы всех немцев я забрал себе, убрав их в планшет, как и две из десяти банок тушенки и одну пачку галет. Также мне досталась одна фляжка со шнапсом – не пить, для дезинфекции раны.

Оружие – три автомата, пистолет и снятый с классической «тройки» пулемет – они забрали себе. Видимо, сержант посчитал, что маузер и так ценная добыча. Я в принципе был не против, и так хватало тяжести таскать на себе.

– Ты ранен? – спросил сержант, увидев кровь у меня на спине.

– Да. Осколок пробороздил спину. Рана не глубокая, просто неприятная, постоянно беспокоит при резких движениях.

– Перевязался?

– А как? Не видно же. Если только поможете?

– В лагерь придем, а уж там, – согласился Слуцкий, потом развернулся к танку:

– Упырев, что там? – крикнул он продолжавшему возиться внутри бойцу.

– Сейчас, товарищ сержант. Тут еще гранаты есть и гармонь.

И действительно, через некоторое время он одну за другой подал гранаты, аж десять штук, а потом и аккордеон. Одну из гранат я немедленно прибрал себе, как и музыкальный инструмент.

– Умеешь? – спросил сержант.

Я молча продемонстрировал. Накинув ремни на плечи, сыграл пару аккордов «Финской польки».

– Добро, – кивнул он.

Намотав ремень вокруг кобуры, я убрал маузер в вещмешок к тушенке и галетам. Туда же сунул и фляжку со шнапсом. Потом снарядил магазины тэтэшки последними патронами и закинул вещмешок на плечи, как и аккордеон. Поправив термос, повел плечами и, поморщившись от боли в спине, сунул за пояс гранату. После чего вопросительно посмотрел на сержанта.

Нагрузив меня дополнительно тремя лентами к пулемету, Слуцкий повел нас к лагерю, оказавшемуся в трех километрах от танка. Танк сержант жечь не стал. Сказал, что дым быстрее привлечет к нам внимание.

– Вот, товарищ капитан, нашел пропащего, – сказал Слуцкий Климову. Мне хватило одного взгляда на капитана, чтобы понять – не жилец. Кровавые пузыри на губах показывали, что пробито легкое. Капитан знал, что осталось ему немного, поэтому взгляд его был спокойный, какой-то отрешенный.

С усилием кивнув, он посмотрел на меня, слушая тихий доклад сержанта, склонившегося к его уху. Пока они разговаривали, я отдал пулеметные ленты подошедшему бойцу и осмотрелся.

«Бл...! Девять человек! Всего девять человек из пяти десятков бойцов и командиров!»

Считая меня, уже десять, но это не радовало. Трое были тяжелыми – видимо, дошли сюда на силе воли и адреналине. Но дальше они уже не ходоки, это считая капитана.

Из знакомых тут были Слуцкий, Демин. Курмышев с пулевым ранением в ногу – тоже не ходок. Капитан Климов с ранением в грудь. И один из летчиков, из тех, что пришли вместе с авиамехаником.

Бойцы уже вскрывали банки с тушенкой и доставали галеты – есть хотелось всем.

Сержант закончил доклад и, встав, подошел ко мне.

– Чего стоишь? Присаживайся где-нибудь. Как стемнеет, выдвигаемся и идем дальше, так что отдыхай и набирайся сил.

– Товарищ сержант, мне бы перевязаться.

– Ах ты черт, совсем забыл. Давай, садись на тот ствол и раздевайся, я за бинтами, они у Демина есть.

– Не нужно, товарищ сержант. У меня все есть, – остановил я его.

Слуцкий быстро и профессионально обработал мою спину, щедро поливая ее шнапсом, потом что-то выковыривал, после чего показал маленький осколок и, еще раз обработав, принялся ловко перевязывать, пропуская изредка бинт через плечо.

– Ну все. Готово.

– Спасибо, товарищ сержант. Я смотрю, тут уже поужинали. Как вы? Мне компанию не составите?

Слуцкий был не против. Поэтому мы открыли одну банку на двоих и съели все галеты, запив их остатками шнапса. Последнюю банку с тушенкой я оставил как НЗ.

– Товарищ сержант, а что с ранеными будем делать? – задал интересующий меня вопрос.

Поиграв желваками на скулах, Слуцкий ответил. С ранеными остаются двое бойцов, которые будут о них заботиться, остальные идут дальше.

«Правильное решение. В том цейтноте, в котором мы находимся, это единственное правильное решение», – подумал я и вслух сказал то же самое.

– Это капитан решил. Но ты прав, я тоже согласен с этим. Нужно как можно быстрее доставить этот портфель к нашим.

Пока не стемнело, я, одевшись в подсохшую одежду, побродил вокруг – мне нужен был источник, чтобы наполнить термос и флягу водой, кто его знает, когда еще будет такая возможность. Один из бойцов рассказал, что когда бежал по лесу, свалился в какой-то овражек с ручейком, и показал направление. Слуцкий, услышав, куда я иду, тут же нагрузил меня свободными фляжками, то есть дал еще две штуки.

В Белоруссии проблем с водой никогда не было, тем более в таком районе, где везде болота. Так что овражек отыскался быстро, как и текущий по нему ручеек. Попробовав воду на вкус, я решил, что она нормальная, пить можно. После чего, набрав воды и вернувшись в лагерь, лег отдохнуть, ожидая подъема, но отдохнуть мне не дали.

Подошедший Слуцкий присел рядом и тихо попросил:

– Сыграй нам что-нибудь. Людям это нужно.

– Хорошо, – кивнул я. Встав, подхватил инструмент и, заняв удобное место посередине лагеря, чтобы все меня слышали, откинул стопоры и начал играть.

На что-нибудь веселое у меня не было настроения, поэтому играл спокойные мелодии, в основном из репертуара своего любимого певца. Расторгуева.

...А на сердце опять горячо-горячо,
И опять и опять без ответа.
А листочек с березки упал на плечо,
Он, как я, оторвался от веток.

Посидим на дорожку, родная, с тобой.
Ты пойми, я вернусь, не печалься, не стоит.
И старуха махнет на прощанье рукой
И за мною калитку закроет.

Отчего так в России березы шумят,
Отчего хорошо так гармошка играет?
Пальцы ветром по кнопочкам враз пролетят,
А последняя, эх, западает¹.

После «Березы» спел без музыкального сопровождения «Коня». Потом «Ребята с нашего двора», заменив Гагарина на Чкалова, «Улочки московские», «Ты неси меня, река». Учитель, что учил меня играть на гитаре, не тот, который на аккордеоне, сказал:

– Играешь ты хорошо, можно сказать, отлично, но мастером не станешь никогда, нет в тебе этой жилки, но вот поешь... Развивай, у тебя талант!

Я запомнил его слова и не бросил, всегда охотно откликался, если меня просили на какую-нибудь вечеринку прихватить гитару или аккордеон.

Сейчас хмурые лица бойцов разгладились, слушая меня. Скажу честно, никогда не встречал таких внимательных слушателей. Они буквально впитывали каждое мое слово. А я вспомнил еще одну песню, из кинофильма «Путь к причалу»:

...Если радость на всех одна, на всех и беда одна,
Море встает за волной волна, а за спиной – спина.
Здесь, у самой кромки бортов, друга прикроет друг,

¹ Группа «Любэ» и Сергей Безруков.

Друг всегда уступить готов место в шлюпке и круг.

Друга не надо просить ни о чем, с ним не страшна беда.
Друг – это третье мое плечо, будет со мной всегда.
Ну а случится, что он влюблен, а я на его пути —
Уйду с дороги, таков закон: «третий должен уйти».

Ну а случится, что он влюблен, а я на его пути —
Уйду с дороги, таков закон: «третий должен уйти»,
Уйду с дороги, таков закон: «третий должен уйти»...

Меня в конце песни оборвал прибежавший часовой, который быстро сказал:

– Немцы... Цепью идут! Как раз с той стороны, откуда вы пришли, товарищ сержант.

– Уходите, мы вас прикроем, – неожиданно сильным и твердым голосом приказал капитан.

– Меня тоже к пулемету, не ходок я, не уйду, – почти немедленно крикнул Курмышев.

Пока бойцы готовили пулеметную позицию и укладывали у пулемета раненых, остававшихся прикрывать нас, я быстро собирался. Вещмешок за спину, аккордеон на левое плечо, поправить гранату, больно врезавшуюся в живот, и посмотреть на смертников, запоминая их.

– Прощайте, братцы... и спасибо вам за все! Уходим! – крикнул Слуцкий, вешая на плечо планшет капитана и держа в руках портфель. И мы побежали.

Минуты через три сзади резко вспыхнула стрельба, которую перекрывал одиночный пулемет, бивший длинными очередями. Через некоторое время к нему присоединилось еще несколько, потом все смолкло.

Как только стрельба стихла, мы все остановились и прислушались.

– Все, кончились наши, – со всхлипом сказал стоящий рядом Демин.

– Не стоять! Уходим! – приказал сержант, и мы побежали дальше. При первых минутах мне как-то не до того было, чтобы следить за дорогой, но через некоторое время я присмотрелся и понял, что мы делаем большой крюк и возвращаемся к тому полю, где я убил немецких танкистов. Дальнейший путь к фронту шел только через него. А на обход требовалось слишком много времени, которого у нас попросту не было.

Вышли мы к дороге километрах в шести от танка. Немцев не было, но вдали слышался приближающийся гул моторов.

– Пропускаем, – скомандовал Слуцкий.

Мы пропустили три грузовика, полных солдат, проехавших в сопровождении двух мотоциклов, и, осмотревшись, перебежали через дорогу и нырнули в рожь. Двигаться долго, осторожно, а где и вообще по-пластунски, когда по еще видной дороге проезжали машины. Диск солнца уже касался горизонта, когда мы отошли от дороги километров на восемь. Вокруг было одно только поле, пересекаемое полевыми дорогами, по которым изредка проезжали машины и мотоциклы, из-за чего нам приходилось прятаться.

– По своей земле, как крысы прячась, идем, – всхлипнул Демин.

– Ничего, боец, будет и на нашей улице праздник, – успокоил его Слуцкий, услышавший красноармейца.

Шли мы всю ночь, обходя деревни и хутора, с которых нас изредка облаивали собаки, те, которые чуяли и были живы. Под самое утро перед нами выросла темная стена, оказавшаяся лесом.

– Идем в глубь километра на два и встаем на отдых, – скомандовал сержант.

Найденная нами полянка была просто идеальной для привала, но она оказалось занята. Услышав редкое мычание и увидев туши коров, я с неудовольствием понял, что тут целое стадо.

А вот бойцы обрадовались: есть хотелось всем, три последних банки тушенки мы схарчили за пару минут на одном из предыдущих привалов.

– Стой, кто идет? – окликнул нас тоненький детский голосок.

– Свои! – немедленно откликнулся сержант.

– Какие такие свои? – спросил уже другой голос, явно старика, с той стороны долетел отчетливый звук взводимых курков.

– Советские бойцы, – ответил сержант.

– Ну подходи, если действительно свои.

При свете костра тускло сверкнули стволы двустволки, которую дед Апанас продолжал держать в руках.

– К своим, значит, идете? Отступаете? – спрашивал он.

Я сидел в стороне, кушая хлеб с салом, изредка отхлебывая горячего чая из кружки, и с интересом прислушивался к разговору.

– Отступаем, – как эхо, вздохнул сержант.

– Задание у нас: как можно быстрее пробиться к нашим и доставить им разведданные.

Сидевшие рядом четверо пионеров – три пацана и девчонка лет тринадцати – два Ивана, Олег и Ольга – оживились.

– Разведданные – это серьезно. Покажу я вам одну тропку, о ней мало кто знает, километров тридцать пройдете, никого не встретите. Места там глухие, болотистые.

– Может, вы с нами, дорогу покажете?

– Да куда мне? Видите же, с колхозным стадом. Велели гнать на восток, помощников вот дали, пионеров из нашей школы. А тут самолеты, прямо по коровам стреляют, ироды, вот я и загнал их сюда. Как к дороге не поедем, так немцы одни, второй день стоим, двинуться не можем, много пораненной скотины.

– Понятно, – сержант даже и не пытался скрыть своего разочарования.

– А вы летчик? – спросила у меня девочка.

– Летчик.

– А у нас самолет есть, – как припечатала она, отчего я поперхнулся.

– Где?.. кхе... кхе. Спасибо, – со стоном кивнул я Демину, хорошенько врезавшему мне по спине, забыв о ране.

– У нас над селом бой был. Вот один из самолетов и сел на луг в километрах пяти от села, – ответил вместо девчонки дед, сворачивая сигарку.

– Целый? – оживился сержант, при этом взглядом спрашивая у меня. «Справишься?» Я молча кивнул.

– Да кто его знает. Но летчика из него всего в крови вытащили. Мертвый он был, даже не знаю, как аэроплан посадил.

– Целый он. Там только дырка в боку, где летчик сидел. Я сам слышал, как один из приехавших командиров так и сказал: «Пришлите летчика, аппарат цел. Местность для взлета нормальная. Пусть перегонят его на аэродром», – процитировал неизвестного командира один из мальчишек, белобрысый паренек с царапинами на руке и хлыстом под ногами.

– Да, там еще красноармейца оставили охранять самолет. Но никто так и не приехал, – сказала девочка.

– Да его, наверное, немцы уже нашли? – спросил сержант.

– Нет. Вряд ли, тот луг труднодоступен. Туда машина с трудом проехала, если только кто-то из сельских сболтнул, – не согласился со Слуцким дед, дымя как паровоз.

– Нужно торопиться. Отведете нас? – спросил сержант.

– Я отведу, – вскочил тот самый белокрытый.

– Иван проводит, он знает дорогу, – кивнул старик.

Аккордеон я оставил деду. Было видно, как он обрадовался такому подарку. Честно говоря, и мне уже надоело тащить его на себе. Так что я хоть и с некоторым сожалением, но оставил музыкальный инструмент, радуясь, что смог отблагодарить деда и детей за помощь.

Так, без отдыха, мы энергично зашагали дальше следом за невысоким проводником.

– Вань, а что за самолет? Истребитель? – вопрос был закономерен. Бомбардировщиком я управлять не умею.

– Да. И-16, – обернувшись, ответил он.

«Точно, дед же говорил, что из него одного вытаскивали!» – припомнил я.

Шли мы довольно долго. Чтобы срезать путь, пришлось идти краем болота, иногда проваливаясь в мягкую сырую почву по щиколотку. Как пояснил Иван, чтобы обойти это болото, потребуется столько времени, что к самолету мы выйдем только к обеду, да еще и через село проходить, оно как раз стояло на границе двух болот, вот и вел нас тайными тропками.

Звучным шлепком убив очередного комара, посмотрел на светлеющий небосклон и на часы:

– Четыре утра, светлеет, нужно поторопиться, – сказал я, перелезая вслед за Деминым через упавшее полусгнившее дерево.

Мои слова долетели до сержанта и Ивана.

– Тут немного осталось, полчаса, и мы на месте.

Парень не ошибся, действительно мы вышли на луг минут через тридцать. Я с подозрением его осмотрел: как и думал, он оказался частью болота. То есть цеплял его краем, а это значило, что почва не могла быть пригодной для взлета.

– Стой, кто идет?! – истерично заорал кто-то из кустов.

– Это что, часовой? Он еще здесь?! – удивленно спросил я у Ивана. Тот только пожал плечами.

– Свои. Сержант Слуцкий, мы летчика привезли, – почти сразу отреагировал сержант. Видимо, тоже молниеносно пробежав варианты ответов, выдав более-менее нормальный.

– Сержант ко мне, остальные на месте, – уже спокойнее, но все равно на нервах выкрикнули из кустов.

Мне показалось, что сквозь них что-то серебрится. С подозрением посмотрев в ту сторону и мельком глянув в спину сержанта, который спокойно шел к часовому, я спросил у Ивана:

– Вань, а какого цвета самолет?

– Серебристый, – подтвердил мои подозрения мальчик.

– Да? Странно... – я замолчал, задумавшись.

«Командирский? Насколько я знаю, окраска на самолетах сейчас стандартная, зеленая. Были случаи, что некоторые командиры полков и дивизий тянули с покраской, оставляя свои самолеты серебристыми и красными, неужто и мне такой попался?»

Припомнил мемуары одного из немецких летчиков истребителей. Тот писал, что в начале июля встретился с эскадрилей «ишачков» из восьми самолетов, которую возглавлял И-16, покрашенный в красный цвет.

– Вань, а ты не знаешь, в каком звании был летчик?

– Сержант вроде. Треугольники у него были, как у товарища сержанта.

«Еще страньше и страньше. На командирском летал простой летчик. Что бы это значило?»

Однако найти ответ так и не получилось. В это время из кустов выглянул Слуцкий и махнул рукой, подзывая нас.

Первым делом мой взгляд прикипел к ястребку, стоящему под тенью деревьев, а не к молодому пареньку в красноармейской форме, который, повесив винтовку на плечо, поправлял воротник.

«Ишачок» был красив. Звезды на крыльях и хвосте тщательно прорисованы. Сомнений не осталось, он был командирский.

– Тип восемнадцать, – сразу определил я.

– Нужно торопиться. Чем быстрее взлетишь, тем лучше. Сам должен понимать, – сказал подошедший сержант, поправляя немецкий автомат на плече.

– Понял, – кивнул я и, сбросив на густую зеленую траву вещи, энергично зашагал к самолету.

Пробежавшись по всем узлам, открыл перекрытый бензопровод и заглянул в кабину. На сиденье лежали буквально пропитанный кровью парашют и летный шлемофон. Вся кабина была забрызгана кровью; посмотрев на немаленькую дыру в боку, просунул в нее кулак и вздохнул.

«Командирский, а рации нет!» – подумал я, глядя на пустую нишу для радиостанции. Достав парашют и шлемофон, я залез в кабину и запустил двигатель. Сыто взревел он только после третьей попытки; прогрев его и погоняв на разных оборотах, заглушил и вылез из кабины. Поглядев на наполовину ушедшие в почву колеса, сказал с надеждой смотревшему на меня Слуцкому:

– Нужно почву посмотреть, где взлетать буду.

Пока Демин по моей просьбе срубал ветку и заострял ее, я осмотрел оружие. Вооружение – два пулемета ШКАС и две пушки ШВАК.

– Нестандартно. На таком типе четыре ШКАСа обычно стоят, – сказал я сержанту, который стоял рядом, проверяя боезапас. К моему удивлению, он оказался практически не тронут.

– Баки почти полные, две трети, боеприпас фактически тоже. Его что, сразу сбили? – озадаченно спросил я у Ивана, однако ответа не было, никто не знал.

Оставив парней у самолета, вместе с Деминым пошел смотреть луг. Мы шли по нему, осматривая кочки, ямы и проверяя твердость почвы, методично протыкая верхний слой острием палки. И чем дальше мы шли, тем больше я хмурился. Слишком мягкая. Внимательно осмотрев колеи, оставленные «ишачком» при посадке, только покачал головой.

Махнув рукой Демину, направился обратно к самолету.

– Значит так. Почва мягкая, взлетать будет трудно. Но есть одна возможность. Я выведу его на открытое место, подготовлю к взлету, и вы все будете держать самолет за хвост, как только я махну рукой, отпустите. Понятно?

Первым делом я разобрался с тем, что брать с собой. Достав вещи, которые могли пригодиться, отдал вещмешок сержанту – у него своего не было. Потом повесил на плечо маузер и планшет с картой и документами наших и немецких солдат, и наконец, привязав портфель к ноге выше колена, стал готовиться.

Очки погибшего летчика отдал Ивану на память, а сам надел немецкие, зеркальные. Покрутил в руках термос, немного подумал и подарил его Демину. С помощью бойцов надел парашют, сунул пилотку за пояс, натянул шлемофон и выслушал инструкции Слуцкого:

– Запомни, отдашь их командиру не ниже полковника, понял?

– Понял, товарищ сержант. Главное, до наших долететь, а там видно будет. Все будет в порядке, не волнуйтесь. Я помню, сколько наших за эти документы жизнь отдало. Перелечу фронт, там и найду, где сесть.

Пожав всем руки и с трудом втиснувшись в кабину, дал команду заводить двигатель. Хекнув, Демин мощным рывком крутанул винт и отскочил назад. Несколько раз чихнув, мотор взревел, «ишачок» с трудом тронулся с места и, слегка переваливаясь, выкатился на луг.

Убедившись, что бойцы меня держат, я застопорил тормоза и стал поднимать обороты. Когда машина задрожала и начала заметно подпрыгивать, махнул рукой бойцам, одновременно отпуская тормоза.

«Ишачок», как будто получив пинка, стал резко разгоняться. Пробежавшись метров двести, он оторвался от земли и под мой ликующий вопль «я лечу!», стал подниматься ввысь. Убрав шасси, я осмотрелся, немного убавил обороты, экономя горючее, и начал подниматься до километровой высоты.

Летел я ни много ни мало, а в сам Минск. Именно где-то там находился штаб округа, и чем быстрее портфель в него попадет, тем лучше.

Что ни говори, а очки были классные, в них можно даже смотреть на солнце, проверяя, не атакуют ли меня от него. Крутить головой приходилось постоянно. Вдали были видны чьи-то самолеты, но чьи, я не знал, так что продолжал править, то и дело сверяясь с картой, к столице Белоруссии.

Почти через час полета впереди показались дымы пожарищ, сливающиеся в огромный серый купол – Минск. Сбоку от меня, на расстоянии примерно километра три, подходила к городу очередная группа лаптежников.

«А что это шанс! Если сшибу хотя бы один, да еще на глазах у всего города, то попасть в истребительные войска станет не такой уж и трудной задачей!»

Так накручивая себя и продолжая следить за воздухом, я стал подниматься выше. За время этих маневров мы успели подлететь к самому городу, а мой ястребок уже висел на двухкилометровой высоте. Немцы меня видели, да и трудно было не заметить – небо чистое, однако продолжали готовиться к пикированию, правда, собравшись более компактной кучей. Я понимал, что они скорее всего уже вызвали помощь, так что следовало поторопиться.

Как только головной «юнкерс» клюнул носом, резко бросил свой «ишачок» на перехват. Ветер свистел в пробоине и открытой кабине, но очки помогали просто замечательно.

– Черт, а оружие-то я не проверил! Вот что значит не пользоваться им! – простонал я вслух.

«Даже не знаю, на какую дистанцию оно установлено. Ну, будем надеяться, что на стандарт, сто пятьдесят метров. Вот сейчас и проверим!» – подумал я.

Коротко протрещали пулеметы и пушки. От неотвернувшего лаптежника отлетели какие-то куски фюзеляжа, и он, выбросив густые клубы дыма, вращаясь, полетел вниз. Резко взяв штурвал на себя, я из глубокого пикирования через левое крыло развернул «ишачок» и снизу атаковал замыкающего. Среди летчиков-истребителей сорок четвертого года этот прием назывался «ухват». Сработал он и здесь.

После моей очереди в его желтое брюхо «юнкерс» взорвался в воздухе и большой огненной каплей полетел вниз, на окраины города. Чудом увернувшись от обломков, я увел машину в сторону.

Дальше атаковать было бессмысленно – стрелки собьют. Скорость я фактически потерял. Поэтому, отлетев от лаптежников, которые, выстроившись в оборонительный круг, стали удаляться от меня, я тоже кругооборотом стал наращивать скорость и лезть вверх. Без превосходства в высоте бить их было проблематично, тем более на «ишачке». Подловят!

Опять поднявшись до двух тысяч, я стал подходить к строю ближе. Заметив, что они еще больше сплотились, приготовился к атаке.

Вот что было странно: немцы заметно опасались меня, но сбрасывать бомбы не спешили. Было видно, что они еще не потеряли надежды разбомбить свою цель, от которой я их отогнал километра на полтора. Ее, кстати, я видел – это была железнодорожная станция, вся затянутая дымом.

Хотя это был мой первый настоящий бой, следить за воздухом я не забывал и четверку приближавшихся «мессеров» заметил вовремя. И понимая, что больше шансов не будет, стал

пикировать на оцетинившийся пулеметными стволами строй бомбардировщиков. Увернувшись он огненной струи ответного огня, с трехсот метров дал очередь по кабине третьего лаптежника, оказавшегося самой удобной целью.

Бомбер почти сразу вывалился из строя и, кувыркаясь, понесся вниз. Вот от него отделилась фигурка и полетела рядом, через некоторое время открылся парашют.

Как бы я ни был занят атакой, но о «худых» помнил, поэтому на выходе из пикирования резко дернул «ишачок» в сторону, уходя от пушечных очередей, и почти мгновенно вернул обратно, успев нажать на гашетки, когда мимо пронеслись две стремительные тени.

«Повезло? Нет? Да или нет? – думал я, делая мертвую петлю и уходя от второй пары. – А-а-а, горит, сука!!!»

И действительно, оставляя дымный след, ведущий пары, не выходя из глубокого пикирования, воткнулся в землю. Я хорошо разглядел вспышку на месте падения, в километре от станции. Тут почти сразу же стали рваться бомбы. Лаптежники, не долетев до цели, принялись избавляться от своего груза. Я все-таки заставил их отказаться от налета.

При выходе из очередного пике в глазах потемнело от перегрузки, однако поймать одинокий «мессер» все равно не получилось. Тот, предупрежденный товарищами, успел уйти из-под атаки.

«Почему они сбросили? А-а-а, наши!» – понял я, заметив пять приближавшихся точек. Сообразить, что это наши истребители, было не трудно. Однако оставшаяся тройка «мессеров» просто так отпускать меня не собиралась, поэтому приходилось прилагать все свои умения, помноженные на опыт летчиков, прошедших войну, чтобы не только уходить из-под атак, но и самому стрелять, причем прицельно.

«Правильно летчики называли “ишачки” “ежиками”!» – подумал я, в очередной раз встречая в лоб атаку «худого». Но на этот раз он не успел увернуться от очереди, и пушечные снаряды вспороли его от носа до хвоста.

Это было последнее, что мне удалось сделать, патронов больше не было, я выпустил последний боезапас, поэтому оставалось просто молча крутиться, уходя из-под огня. Ястребок уже получил несколько попаданий, да и бак практически опустел, так что долго это не продлится. Собыют природы.

Уворачиваясь от очередной атаки, я посмотрел, где помощь. Три истребителя атаковали бомберов, а вот двое были уже близко. Это подстегнуло немцев, и они, поняв, что я пустой, бросились в двойную атаку. Я знал, как от нее уйти, но тут мотор зачихал.

«Бл... бензин!!!» – Только и успел я дернуть штурвал в сторону, как по мотору и правому крылу забарабанили снаряды.

Выбросив клубы дыма – видимо, попали зажигательными, – «ишачок» понесся вниз, и как раз в это время помощь на «МиГах» сцепилась с немцами. Откинув борт, я чуть повернул штурвал и с трудом швырнул свое внезапно уставшее тело наружу.

«Сбили все-таки, сволочи!» – изумленно подумал я, падая на город: меня поразила техника пилотирования немцев, я их делал как щенков. Или мне попались молодые пилоты, или я недооценил свой потенциал.

Все это время мы фактически крутились над Минском. «Ишачок», густо дымя, падал куда-то в район городского парка. Вот на моторе показалось пламя, и ястребок огненным шаром врезался в землю, повалив несколько деревьев. Понимая, что тянуть не стоит, немцы все равно дерутся с нашими, я дернул за кольцо на бедре.

Дальше произошло страшное. Маленький парашют вышел, но выдернуть основной не смог – то ли его склеила кровь, то ли неправильно уложили, и я с диким воплем с километровой высоты стал падать на город, пытаясь затормозить руками.

Вы знаете, что такое ужас? Да, тот самый, от которого впадаешь в ступор? Так вот я теперь знаю-ю-ю!!!

Не переставая орать, я падал на город, хладнокровно прикидывая какой-то частью мозга: «Судя по направлению ветра и скорости падения, место приземления будет крыша во-о-он того дома!»

Однако большая часть сознания продолжала пребывать в ступоре и орать.

Как ни странно, из этого состояния меня вывел немец из бомбардировщика, опускавшийся неподалеку. Этот гад пару раз выстрелил в меня, когда я пролетал мимо него метрах в пятидесяти. Успев обматерить немца, я быстро прикинул, что можно сделать. Выход был только один – дотянуться до выпускного парашюта и выдернуть основной, что я и попытался сделать.

Вы когда-нибудь пробовали выгнуть руки назад и что-нибудь там сделать? Нет, не получится? Так вот мой вам совет. Прыгните с поврежденным парашютом, и у вас получится все, поверьте моему опыту.

Изогнувшись, я ухватил парашют и стал его дергать. Резко дергать. С треском основной купол наконец-то вышел и полностью раскрылся на высоте примерно метров сто от земли.

Сапог с поврежденным в кустах голенищем от рывка практически слетел с моей ноги, но я успел растопырить пальцы, из-за чего он повис, готовый вот-вот свалиться совсем.

«Не удержу!» – понял я, чувствуя, как слабеют пальцы и начинает сводить ногу от напряжения. Тут поток воздуха от земли немного приподнял меня и тряхнул, от чего сапог слетел и под мой возмущенный крик с пятидесяти метров отправился вниз.

– Твою мать, Гаврюшов, это шо такое я вам ешо сказал? Шоб вы эту хрень перенесли туда, а не сюда! А вы шо сделали? – дыша перегаром, орал старшина.

Старшину Данилюка в госпитале не любили, более мелочного куркуля встретить было просто невозможно. Как он попал на должность завхоза, тайна за семью печатями, но даже главврачу что-либо получить от него составляло немало проблем.

– На меня смотреть!!! – опять заорал он, когда один из красноармейцев хотел понаблюдать за идущим над городом воздушным боем.

Пять бойцов угрюмо насупились – старшину тихо ненавидел весь личный состав охранного взвода. И попадание под его командование на время разгрузки привезенного имущества не доставляло никому удовольствия.

В дворики госпиталя, где у склада с открытым бортом стояла почти полностью разгруженная полуторка, бойцы внимали разглагольствованиям старшины, как внезапно услышали близкий возмущенный вопль:

– Сапо-ог! Сапо-о-ог!!!

Бойцы в недоумении закрутили головами, как послышался звук удара и последующего за ним падения. Повернувшись к старшине, они увидели занимательную картину. На утрамбованной земле лежал, раскинув руки и ноги, старшина, а рядом с ним валялся командирский сапог.

– Твою ж мать, – снова послышалось где-то рядом. Один из красноармейцев поднял голову и увидел парашютиста, спускающегося на них. Внимание в нем привлекали привязанный к ноге большой желтый портфель, развевающаяся портянка и испещренный красными пятнами парашют.

– Мне, пожалуйста, сто граммuleчек водочки и огурчик, и усе... – послышалось от старшины, после чего последовал громкий храп.

– Живой, гад, – сплюнул один из бойцов, конопатый красноармеец Федюнин.

Меня приподняло над большим трехэтажным зданием, в котором без труда узнавался госпиталь, и опустило на пристройку, крытую железом. Железо гулко встретило мое призем-

ление, но не успел я облегченно выругаться, как опустившийся было парашют внезапно наполнился воздухом и резкий порыв ветра потащил меня по пристройке.

Боец-зенитчик, что лежал сейчас на операционном столе, имел тяжелую осколочную рану, и трое врачей с операционной сестрой боролись за то, чтоб сохранить ему ногу. То и дело слышалось:

– Зажим!.. Убрать кровь!.. Есть один осколок! Тампон!

Через открытое, несмотря на инструкцию, окно слышались звуки прифронтового города. Стрельба зениток, привычный мат завсклада, чьи-то возмущенные крики, рев авиационных моторов.

За окном операционной была крыша пристройки, и в последние дни частенько один из врачей вылезал на нее покурить и прогуляться.

Громкое «бум», раздавшийся следом возмущенный вопль: «Да куда еще!!!» – и множество других громких звуков заставили одного из врачей оторваться от раненого и с недоумением посмотреть в ту сторону. Бум-шлеп, бум-шлеп, бум-шлеп. Мимо окна, привлекая внимание желтым портфелем и полуразмотанной портянкой, пробежал кто-то непонятный. Почти сразу послышались треск ломающихся веток и радостные крики, перемешанные с болезненными айканьями:

– Жив! Цел! Ой... Бл... Жив. Уй! Ха-ха. Цел!

Мимо окна, мелькнув красно-белым, опускался парашют.

– Нужно будет узнать, что это было, – сказал врач, вернувшись к раненому.

Гадский ветер потащил меня по крыше. Попытка затормозить ни к чему не привела, меня волокло дальше, из-за чего пришлось быстро перебирать ногами. Ремень, которым был привязан портфель, больно врезался в бедро.

Тут пристройка кончилась, и я полетел на растущее рядом дерево, где, сломав несколько веток, повис на стропях в полуметре от земли.

Облегченно вздохнув, я быстро осмотрелся. Ко мне уже бежали люди, причем преимущественно в военной форме. Первым добежал боец с винтовкой. Опасаясь, что меня могут принять за немца, я быстро заорал:

– Свои, бл...!!!

– А то я не понял, так материться только наши могут, – ответил запыхавшийся боец и, прислонив винтовку к стволу дерева, стал помогать мне спуститься.

Тут налетели остальные, и меня, мгновенно освободив от ремней парашюта, принялись кидать в воздух, дружно вопя вразнобой.

– Ай, маладэц! Пятерых сбил! – радостно кричал лейтенант-грузин, командуя бойцами, что меня качали. В спине начало стрелять болью.

– Молодец!.. Ай да летчик!.. Вот! Настоящий сокол!

Перед лицом мелькали разные лица и руки.

– Да поставьте меня на землю, мне к командованию надо, у меня важные разведданные!

– Смирно! – рявкнул кто-то рядом.

Бойцы ловко поймали меня и поставили на землю, после чего быстро выпрямились и замерли.

Я тоже вытянулся по стойке смирно, стараясь незаметно проверить, сухие ли штаны, а то до этого было как-то некогда.

«Уф, сухие, что странно!»

Командир, отдавший команду, стоял неподалеку и чуть насмешливо наблюдал за моими манипуляциями, явно поняв их смысл. А вот меня он сразу напряг – политрук с синими пет-

лицами и глазами особиста. Рядом находился еще и майор авиации, но командовал именно политрук.

– Представьтесь! – приказал он. Майор же молчал. Позади них, метрах в пятидесяти, стояла черная «эмка», из которой выглядывал боец в пилотке и с синими петлицами.

«Явно их машина!» – понял я и смущенно ответил:

– Вячеслав Суворов... – И замолк, сказать мне больше было нечего. Это не в окружении, где нет возможности проверить мои слова, тут проверить могут.

– Какой полк? – нахмурившись, спросил политрук.

– Никакой, мне семнадцать, я собираюсь поступить в летную школу, – хмуро ответил я.

Меня удивила странная реакция майора: он резко встрепенулся и с интересом посмотрел на меня, что-то прикидывая в уме. После чего они с особистом быстро переглянулись. А то, что политрук особист, я был уверен на все сто, не раз имел с ними дело, друзей у отца много. Да и брат матери часто навещал нас, а он был стопроцентный особист.

– Бойцы свободны! – скомандовал политрук и, повернувшись ко мне, сказал:

– Нужно поговорить.

В это время у «эмки» остановилась полуторка, из которой с грохотом посыпались красноармейцы. У командира, вылезшего из кабины, была красная повязка комендатуры на рукаве.

– Я их задержу, – быстро сказал особист и направился к комендачам.

– Так, у нас мало времени. Хочешь стать летчиком-истребителем? – быстро спросил майор.

Что-что, а для меня это был сюрприз, и сюрприз немалый.

– Конечно, хочу! – выкрикнул я.

– ЛаГГ знаешь?

– Немного знаю, управлять умею, – ответил я осторожно.

– Кто ты и откуда, мы узнаем позже, а дело тут такое...

...при эвакуации подбитой машины его механики заодно притащили севший на вынужденную истребитель. Майор сразу прикинул, что это шанс: потери от немецких истребителей действительно большие, вот он и пошел на небольшое должностное преступление, оставив и отремонтировав самолет...

– Никто не может с ним справиться. Наш самый опытный пилот поднялся, сразу сел и сказал, что им управлять невозможно. Истребитель есть, а посадить в него некого. Даже соседи от него отказываются.

– Ну это понятно, мне он тоже не сразу дался, – кивнул я, недоумевая, зачем все же истребитель в бомбардировочном полку.

– Но дался?

– Да!

– Хорошо, я понимаю, что надолго ты у меня не задержишься, но хотя бы неделю с прикрытием – все легче. Так, слушай меня. Ты сержант Суворов, пилот связного самолета семнадцатого бомбардировочного полка. Утром двадцать второго вылетел на поиски севшей на вынужденную машины капитана Ильина, но был подбит истребителями и сел на вынужденную, дальше сам сообразишь.

– А сколько я в полку?

– Пусть будет две недели. С одиннадцатого.

– А документы?

– В штабе, сдал на замену, – успел сказать майор до того, как к нам подошли комендачи.

– Товарищ майор, капитан Воронов, дежурный наряд комендатуры. Разрешите обратиться к летчику?

– Обращайтесь, – кивнул майор.

– Ваши документы! – это уже мне.

– У меня их нет... – начал я говорить. Майор и политрук, который действительно оказался особистом данного полка, подтвердили, что по счастливой случайности они оказались моими командирами и что я сдал по приказу начштаба полка документы на замену. Капитан записал мои данные и, пожав руку, поблагодарил за сбитые. А когда мы подходили к машине, к нам подбежал конопатый боец с моим сапогом в руке. Спросив разрешения у майора обратиться к летчику, то есть ко мне, отдал сапог и с чувством сказал:

– Большое вам человеческое спасибо, товарищ летчик!

– Да ладно, еще собью, – засмутился я и по команде майора сел на заднее сиденье.

Положив портфель между собой и политруком, я вытащил из кармана скомканную портянку и, намотав ее на ногу, надел сапог.

– Теперь давай послушаем, кто ты и откуда, – как я и опасался, начал задавать вопросы особист.

– Всеволод Суворов. Семнадцать лет. Сирота. Ум-м, сын полка. Генерал Рычагов, друг моего отца, помог с учебой, дал приказ командиру полка, вот я и научился немного летать...

– Ха, немного! Это единственный случай, чтобы один летчик за ОДИН бой сбил ПЯТЬ самолетов противника! Да еще и на И-16! Да еще и мальчишка, который не состоит на службе! – покачал головой сидящий впереди Никитин.

– Ну ладно, как научился летать, немного понятно, но вот о генерале лучше молчи. Его сняли с постов как недисциплинированного и не справившегося с обязанностью руководителя, – спокойно сказал особист, дождавшись, когда майор замолчит.

– Ясно.

– Теперь давай рассказывай, откуда у тебя этот портфель.

Майор Никитин и старший лейтенант госбезопасности Никифоров ехали в штаб ВВС фронта, где собирались просить летчика на ЛаГГ. Были у них там знакомые, но тут попался я. В соседних истребительных полках никто эту машину не знал, а тот летчик, который на нем прилетел в штаб фронта с приказами, был сбит и сейчас находился в госпитале. Я даже не знаю, фарт это или просто случай так попасть, но как бы то ни было, мы уже подъезжали к зданию, которое занимал штаб ВВС.

– И тут у меня боезапас кончился, ну я и стал крутиться, пока они меня в «ножницы» не взяли.

– Какие «ножницы»? – сразу же ухватился Никифоров.

К штабу мы подъехали минут десять назад и сейчас стояли около ряда таких же машин и беседовали. Командиры знакомились со мной, а я с ними.

– Ну это когда два истребителя одновременно атакуют по боковым векторам. Вот я и назвал их «ножницы». Получается, как будто ножницы сдвигаются, – выкрутился я.

– Понятно. Ладно, иди в разведотдел, там все сдашь и доложишься, а мы пока твоей легендой займемся, – сказал старлей.

Маузер я оставил в машине по совету майора – слишком ценная вещь для простого сержанта, так что любой командир мог меня обидеть, отобрать. Мол, у меня и так ТТ есть. Очки тоже оставил, на всякий случай.

«Политрук» уже скрылся в дверях, когда к ним подошли мы с майором.

Не успели мы войти в фойе, как какой-то командир заорал на меня:

– Кто такой, почему в таком виде?!

Повернувшись я увидел подполковника, который, привлекая к себе внимание блеском сапог и выпучив глаза, возмущенно смотрел на меня. Вид я имел действительно непрезентабельный. А что вы хотите? Поползай по немецким тылам, сам похожим станешь. Мне ничего

не оставалось, как только вытянуться по стойке «смирно». Никитин открыл было рот, но тут меня спасли, и кто? Сам Павлов!

– Где этот герой, что пятерых сбил? – услышал я гулкий голос за спиной, от входной двери.

Обернувшись, я увидел генерала армии, с интересом смотревшего на нас. Позади него толпилась свита из семи человек.

– Сержант Суворов, – представился я. Вряд ли он ждал ответа лично от меня. Вопрос он задал всем.

– Так это твоя работа? – Он сделал неопределенный жест вверх рукой.

– Да, товарищ генерал. Я летел с особо важными разведданными, но повстречался с немцами, пришлось принять бой.

– Пришлось принять бой? – с недоумением спросил Павлов. После чего, усмехнувшись, сказал:

– Все бы летчики так воевали. Молодец, будешь представлен к награде и повышению в звании. Миронов, проследи, – обернувшись, приказал он стоящему за ним полковнику, тот кивнул и что-то записал.

– Служу трудовому народу! – выкрутился я, заметив движение брови майора.

– Что за разведданные? – сразу приняв деловой вид, спросил Павлов. Я отдал портфель и быстро рассказал, как он попал мне в руки, не упустив ничего и добавив в конце:

– За них сотня наших бойцов и командиров головы сложили. Там план наступления немцев, документы убитого немецкого генерала и рапорт капитана Климова. И, товарищ генерал...

– Да, говорите.

– Двадцать пятого июня бойцами сержанта Слуцкого был обнаружен тяжело раненный красноармеец. Прежде чем он скончался, успел рассказать, кто он и откуда. Боец был из Брестской крепости, они еще держатся. Из восьми тысячи бойцов в живых осталось около семисот, не хватает воды, их отрезали от реки, им приходится пить мочу. Нет медикаментов и практически закончились боеприпасы, но они держатся и ждут. Помощи ждут. Бойца отправил майор Гаврилов. Это все, что я знаю.

Выслушав меня с каменным лицом, Павлов со своей свитой и местным начальством скрылись в одном из кабинетов, а ко мне подошел неприметный батальонный комиссар, с такими же повадками, как и у Никифорова, и приказал следовать за собой.

– Савельич, это мой пилот, – как к старому знакомому обратился Никитин.

Чуть усмехнувшись, комиссар поздоровался с майором и попросил пройти к нему в кабинет, чтобы снять показания о пребывании в тылу немцев.

Заметив, как я поморщился, когда сел на стул, хозяин кабинета спросил:

– Что, ранен?

Я кивнув, ответил:

– Вчера еще, осколком гранаты спину посеколо.

Сняв трубку телефона, майор сказал:

– Спелов у себя? Давай его ко мне в кабинет.

Положив трубку, он спросил у Никитина, присевшего на свободный стул:

– Значит, твой пилот? Связной? Угу! И пять немцев свалил. Угу. Ты кому лапшу на уши вешаешь? Так, сержант, ну-ка выйди.

О чем начальники разговаривали, я не слышал, но когда подошел военврач с медицинской сумкой и постучал, они уже мирно пили чай.

– Проходите. Вот, Игорь, у парня осколочные ранения, посмотри, что там.

Медик долго ковырялся и рассматривал мою «ссадину», но после того как смазал чем-то и заново перебинтовал, сказал:

– Его нужно на пару дней под наблюдение врача, как бы заражения не было, – после чего, собравшись, вышел.

– Ничего, наша Мариночка – хороший врач, опытный, вылечит, – успокоил Никитин.

– А теперь, хм, сержант, давай излагай свою эпопею, – приказал бригадный комиссар Трусаков.

Поймав разрешающий взгляд майора, я принялся излагать. Как вылетел на поиски сбитого самолета и как сам оказался сбит.

– Какой, говоришь, «ишачок»? Восьмерка? Серебристый? Так-так-так, – зарылся он в бумаги.

– Вот. Нашел. Двадцать третьего числа. И-16 командира полка подполковника Жерина, который семнадцатого июня сломал ногу и сейчас находится на излечении, вылетел на прикрытие наших войск в тринадцать часов сорок семь минут дня. Истребитель пилотировал временно закрепленный за ним сержант Пермин. В результате первых минут боя летчик был ранен и сел на вынужденную, где и скончался от потери крови. Прибывшая на место посадки группа механиков вывезли тело летчика, сообщив, что самолет исправен, требуется летчик. Рапорт техника-лейтенанта Смакова. М-да. Вечером была послана машина с летчиком... Никого, значит, там не было? – спросил он у меня.

– Нет. Только боец, охраняющий машину.

– Как его фамилия?

– Не знаю. Вроде Федей его сержант называл.

– Действительно, судя по рапорту Смакова, оставлен Федор Мальцев.

Я пожал плечами – кто и что там оставил, не в курсе.

– Ладно, давай теперь о том, где ты ТАК научился летать!

А вот тут я завис. Пришлось сказать о генерале Рычагове, добавив, что если есть какие вопросы, то пусть задают ему. Насчет полетов отделался общими фразами, что научили с разрешения генерала.

Чем поставил комиссара в тупик. Судя по его виду, информацию он добудет по-любому.

– Ну, в принципе не плохо, есть, конечно, шероховатости в рассказе, но пойдет, потом отшлифуете, – изучая документы, которые я доставал из планшета и по мере рассказа клал перед ним, буркнул комиссар.

– Распишись вот тут. И помни, что майор Никитин за тебя поручился.

Внимательно посмотрев на своего будущего командира, я кивнул.

Прочитав написанное, чем вызвал одобрительный смех Никитина, я расписался, где сказали, и вышел в коридор. Понимание того, что теперь постоянно буду под наблюдением, не давало мне возможности расслабиться.

– Что, уже все? – спросил у меня подошедший Никифоров. Вид он имел слегка бледный, но довольный.

– Да, велели ждать, – кивнул я.

Когда мы выходили из здания, нам пришлось посторониться, пропуская генерала Павлова. Вид у него – мертвый не позавидует. Настолько бледным он был.

– В штаб фронта, немедленно!

Что было примечательно, так это тот самый полковник Миронов, несущий привезенный мною портфель.

– Ну все, хватит, пора в полк, – проговорил майор, провожая их взглядом.

В полку мне не понравилось. Где капониры, где зенитки? Где маскировка?.. Нет, маскировка, конечно, была, но какая? Самолеты стоят фактически открыто, разве что под деревьями, да некоторые под масксетями. Насчет зенитных средств. Один счетверенный «Максим» и снятый со сбитого лаптежника крупняк. Это не зенитки, а так, для самоуспокоения.

Я внимательно осматривался, когда мы ехали по полю к палаткам, в которых размещался штаб.

«М-да, навоюем мы тут», – подумал я, отлипнув от окна. Проехали очередного часового и группу механиков, что-то тащивших к полуразобранному СБ, стоявшему совершенно открыто, без всякой маскировки.

– Давай сперва в санчасть, а потом уж и ко мне, – приказал Никитин и велел выглянувшему на шум подъехавшей машины дежурному показать, где санчасть.

– М-да, видок у тебя, – внимательно осмотрев меня, хмыкнул дежурный.

– Вы, товарищ лейтенант, три дня по немецким тылам поползайте, и у вас такой же будет.

На мою отповедь лейтенант только беззлобно рассмеялся.

– Лейтенант Буров. Виталий. Вечный дежурный, можно сказать, – протянул он руку.

– Сержант Вячеслав Суворов. Летчик-истребитель, прибыл к вам для дальнейшего прохождения службы.

– О как! Так это ты на новом истребителе будешь летать?

– Я.

– Тяжело тебе будет. Непростой аппарат.

– Почему? Мне нравится. Для сопровождения бомбовозов самое то. Движок, конечно, слабоват, но вооруженность о-го-го!

– Ты что, летал на них? – искренне удивился Виталий.

– Летал. Честно скажу, тяжело было, пока не дался он мне. А потом я на нем такое вытворял, что у-у-у! – закончил я, чтобы не заврать.

– Вот медсанчасть. Там военврач Лютикова заведует. Марина. Ух, строгая! – кивнул он на землянку.

– Разберемся.

– Марина Васильевна, я к вам нового пациента привел. Никитин приказал осмотреть и доложить результат ему лично, – сказал дежурный высокой миловидной женщине лет двадцати восьми, что-то писавшей за столом.

– Проходите, – показала она мне на кушетку у окна.

– Ну, давай. Я в штаб, а то там Синяков за меня остался, а он еще то недоразумение. Еще натворит что-нибудь. – Лейтенант развернулся и выскочил из землянки.

Врач мне понравилась, в моем вкусе. Тем более белая шапочка и халатик очень красили ее.

– Что у вас? – спросила она, отрываясь от записей.

– Как воспитанный человек, я сперва представляюсь. Вячеслав Суворов, летчик-истребитель. Очень рад с вами познакомиться.

– Ну что ж, очень приятно. Так что у вас за ранение?

– Осколочное в спину.

– Раздевайтесь и ложитесь на кушетку.

Пока она доставала из шкафчика инструменты, я быстро разделся, но лечь не успел.

Обернувшись, Марина Васильевна густо покраснела:

– До пояса. Я имела в виду до пояса.

– Оденься-разденься, – бурчал я, натягивая комбинезон до пояса. Да, духан, если честно, шел от меня еще тот. Да и где мне мыться время было?

Марина Васильевна быстро освободила меня от повязки и стала внимательно осматривать спину, после чего взяла со стола какой-то большой предмет и стала водить над раной, изредка касаясь тела. В одном месте мне кольнуло. Заметив, что я дернулся, она спросила.

– Что-то есть?

– Да, колет.

– Здесь?

Путем ощупывания, вроде игры «холодно-горячо», доктор нашла и извлекла еще один осколок, после чего стала чистить рану и промывать ее. После перевязки и уколов от столбняка она сняла халат надела берет и, подхватив несколько листов, вышла, сказав перед этим:

– Лежите тут. Я через полчаса вернусь и устрою вас в стационаре, нужно полное обследование, – после чего выпорхнула наружу.

Лежать мне быстро надоело. Выглянув и убедившись, что рядом никого нет, я хотел было выбраться наружу и сходить к стоянке самолетов, посмотреть на свой и пообщаться с механиком, как кто-то заслонил собой дверной проем.

В дверях стоял невысокий крепыш в звании капитана и с интересом смотрел на меня.

– Так это ты наш новый летчик?

– Я... наверное.

– Капитан Борюсик. Командир БАО. Ну, давай на довольствие вставать будем. Документы твои у особиста, если что.

Положив на стол несколько бланков и с удобством устроившись за столом, капитан достал из кармана карандаш и вопросительно посмотрел на меня.

Вздыхнув, я ответил таким же взглядом. Хрена я что понимаю в этих бумажках, пусть спрашивает.

– Так, размер обуви? – начал он и, заметив, что я себя обнюхиваю, добавил: – Банька вечером будет.

– Сорок второй.

Я быстро выкладывал в ответ на вопросы капитана свои данные, а сам изучающе разглядывал его. Сомнений не было, он мне знаком.

В параллельном классе учился Лешка Борюсик. Мы скорешились с ним на летной теме. И если я был знаменитой фигурой у нас в школе – все-таки летчик, да и фильмах снимался, то Леха пользовался другой славой. Он был перворазрядником по боксу, в основном из-за фамилии, чтобы не смеялись. Так вот, прадед у Лехи пропал без вести в первые дни войны, будучи командиром БАО в одном из бомбардировочных полков в районе Старого Быхова, и такое совпадение мне казалось странным.

Леха перенял эстафету от отца, который тоже искал деда, так что мы пересеклись с ним в одном из архивов, где я пытался раскопать что-нибудь о заинтересовавших меня летчиках, а он – о прадеде.

– Извините, а вас не Кириллом Васильевичем зовут? – спросил я у заполнявшего бланки капитана. Вопрос можно было и не задавать, он был копия с выцветшей фотографии, что я видел у Лехи дома.

Оторвавшись от явно нелюбимой для него писанины, он удивленно посмотрел на меня.

– Все правильно, это я и есть.

А вот мне было не так весело от узнавания, потому как я точно знал, что капитан Борюсик служил совершенно в другом полку.

– Ты что, меня знаешь?

– А? Что? А, да... Нет, не знаю, просто фотографию видел. Вы там стоите с женой, родителями и двумя летчиками. Капитаном и лейтенантом.

– Точно, это нас в Москве сняли, в тридцать девятом году, – обрадовался капитан.

– Да, ваша жена еще младенца держала, – припомнил я.

«Деда Лехи!» – подумал я.

– Точно! У меня же Костик в Москве родился, когда жена у моих родителей гостила, едва в роддом увезти успели.

– Это да. Но мне сказали, что вы в другом месте служите, в Старом Быхове?

– А, это я в другом полку служил. Наш семнадцатый всего месяц как сформирован, вот и понадергали народу с разных частей. Самолетов дали, и служим, – пояснил капитан.

Вот это новость! Нет, я, конечно, номера действующих бомбардировочных полков не знаю, но то, что перед самой войной было сформировано несколько, в курсе. И то, что капитана Борюсика перевели в один из них, ни в каких документах не значилось. Да и про семнадцатый полк не помнил: скорее всего, сгорел в первые дни войны, а формировать новый не стали, и такое бывало.

– А откуда ты про меня знаешь?

– Летчик один семьей хвастался, вот в фотоальбоме я вашу фотографию и увидел, он рассказывал про вас, мельком, но я запомнил, память хорошая. Хотя, честно говоря, вспомнил вас не сразу.

– Это, наверное, Львов или лейтенант Камов.

Я пожал плечами, сказав, что с летчиком знаком лишь мельком, просто поболтали и разбежались.

– А как он выглядел?

Припомнив, как выглядел капитан Львов, погибший двадцать третьего июня во время бомбардировки аэродрома, я достаточно точно описал его.

– Ну точно Сашка Львов! Вы когда виделись-то?

– Да в сороковом и виделись, он, кстати, хороший специалист по техники пилотирования.

– Это точно. Он на своем ястребке в небе Испании шестерых свалил.

– Вот и я о том же.

Поболтав о том о сем, капитан пообещал все сделать быстро и вышел, оставив меня в тяжелых раздумьях.

«Параллельный? Да нет, не может быть. Тут все как у нас, никакой разницы нет! Или все-таки?»

Вот за такими мыслями и застала меня военврач Лютикова.

– Больной, я же не велела вам двигаться.

– Устал лежать, – ответил я уклончиво и сел на скамейку.

– Через час будет баня, после вы получите свежее белье, а сейчас я вам покажу вашу кровать в стационаре. До конца лечения вы будете находиться там.

– Хорошо.

Меня без всяких проволочек устроили на койке в соседнем помещении, гордо называемом «стационаром», где стояли всего четыре койки, и велели ждать бани, за мной пришлют вестового.

После баньки, сделанной бойцами БАО из старой палатки и печурки, я надел свежее белье и, накинув больничный халат, направился обратно в санчасть, когда мое внимание привлекли красная ракета и звуки запускаемых авиационных моторов. Мимо пробежали летчики и члены экипажей, устремляясь к самолетам, некоторые на бегу бросали на меня заинтересованные взгляды.

– Вить, что случилось? – поймал я за рукав «вечного дежурного».

– Срочный вылет. Немцы почти у города, нужно разбомбить переправу, – успел ответить он и побежал куда-то в сторону нескольких спецмашин, стоящих группой под масксетью.

– А я как же? А меня?

Развернувшись и придерживая полы халата, побежал в штаб.

– Товарищ майор! Почему без меня? – сразу же спросил я.

– Так, боец! Как нужно обращаться к старшему по званию?! – нахмутив брови, рявкнул седовласый капитан, склонившийся над картой.

– Извините. Товарищ майор, разрешите обратиться? – спросил я у Никитина.

– Обращайтесь, – хмуро ответил он.

– Почему бомбардировщики вылетают без прикрытия? Я готов к вылету!

– Готов? А вот Лютикова сообщила, что ты еще неделю не сможешь летать, раны будут беспокоить.

– Пятерых сбил – не беспокоили, а тут будут, да?

– Ты самолет осмотрел? Пробный вылет для ознакомления сделал? Карты местности изучил? Я тоже понимаю, что могут не все вернуться, но и ты пойми: просто так я тебя выпустить не могу. Вот, изучи пока карты нашей зоны ответственности, – всучил мне карты Никитин и выпроводил из штаба.

Прижав к груди тоненький сложенный лист, я несколько секунд постоял, после чего, развернувшись, направился к взлетной площадке.

На моих глазах восемь бомбовозов по одному тяжело оторвались от поверхности взлетной полосы и, нутужно гудя моторами, стали набирать высоту, создавая строй.

Проводив их взглядом, пока они не скрылись из глаз, я прошел мимо часового и направился к стоянке самолетов, именно там, по моему мнению, должен находиться мой ястребок.

– Стой, кто идет? – отреагировал второй часовой. Что хорошо, так это охрана аэродрома, видимо, что-то было, раз приняли подобные меры.

– Свои, – отреагировал я.

– Пароль?

«Ого! У них тут еще и пароли есть?»

– Не знаю. Я в санчасти лежу, мне его не говорили.

Из-за одной из палаток выглянул молодой паренек и с подозрением уставился на меня. У стоянки находилось три палатки, вот их-то и охранял часовой.

– Товарищ лейтенант, тут какой-то подозрительный шастает, – обратился он к кому-то, не спуская с меня глаз.

Из-за палатки вышел Виктор и, посмотрев, кто тут «шастает», велел пропустить меня.

– Ты чего ходишь? Тут, смотри, с охраной у нас строго, стрелнут еще ненароком.

– Да истребитель свой хотел осмотреть, – сознался я, шмыгнув носом.

– А-а-а. Ну тогда сейчас Семеныча крикну, он будет твоим механиком.

И действительно, через минуту ко мне подошел сорокалетний старшина, на ходу вытирая измазанные маслом руки какой-то грязной, замызганной тряпкой.

Несколько секунд мы изучали друг друга. Семеныч мне понравился, была в нем какая-то жилка, надежность. Было видно, что с моим самолетом все будет в порядке. А вот я механику – явно нет. Озадаченно оглядев меня, он спросил с сомнением:

– Так это вы будете сержантом Суворовым?

– А что, не похож? – выпятив грудь, спросил я.

– Не похож. Мал еще.

– Говорят, со временем это проходит, – вздохнул я в ответ, протягивая руку: – Сержант Суворов. Всеволод. Можно просто Слава, или Сева, я привык.

– Кхм. Старшина Морозов. Виктор Семенович. Все меня зовут Семенычем, так что и вы можете так же.

– Ну что вы, Виктор Семенович, разве так можно? Воспитание, будь он неладно, крепко вбито ремнем отца, так что не обессудьте.

Рукопожатие у старшины было крепким, но и я не слабак, так что в изучающем меня взоре механика появилось искреннее удивление.

– Ладно. Самолет осмотреть хочешь?

– Ну да, мне же на нем летать.

– Пойдем тогда.

Истребитель находился не на стоянке бомберов, как я думал, а отдельно, под маскировочной сетью, немного в стороне.

С механиком нужно дружить, я понимал это как никто другой. Поэтому, разглядывая устраненные повреждения, довольно кивал головой. И не притворялся – работа была сделана мастерски.

– По крылу прошло и кабине?

– Точно, – довольно кивнул Семеныч. Сам он смотрел не на самолет, а отслеживал мою реакцию.

– Хорошо сделано, отлично даже. Однако то, что он стоит открыто, мне не нравится. Нужно сделать капонир для самолета и бочек с бензином. Это ведь бензин?

– Да, восемь бочек по двести литров.

– Так вот, вырыть капонир, укрытие для горючего и противовоздушные щели, а то я их видел только у штаба.

– Хорошо, сделаем. Только вот капонир... Не приходилось делать.

Я быстро объяснил, как они делаются и на какую глубину.

– Самолет готов ко взлету?

– Да. Баки полные, боезапас тоже. Полное техобслуживание он тоже прошел.

– Понятно. Кстати, а что это там дымится?

– Где? А, это утром «мессершмитты» налетели, вот и подожгли пару машин и поврежденный Пе-2. Потушить все не могут.

– Вот для этого капониры и нужны, они боятся только прямого попадания.

– Сделаем, – кивнул старшина.

В общем, встреча удалась. Он показал, что специалист, я – что не лыком шит и многое знаю, так что мы остались довольны друг другом.

Пока Семеныч записывал мои требования, я изучал машину. Было жарко, поэтому я скинув халат, повесил его на сучок на одном из деревьев и, сверкая свежей повязкой, продолжил осмотр.

Попросив поддержать карту, залез в кабину и, немного повозившись на жестком без мягкого парашюта сиденье, стал осматривать управление.

«То же самое, что и в нашем ЛаГГе. Ну никакой разницы!» – понял я, осмотревшись. Рука привычно легла на рукоятку газа.

– Виктор Семенович, я попробую запустить двигатель. Отойдите от винта.

Дождавшись, когда старшина отойдет, запустил мотор. Выдав холодный дымный выхлоп, истребитель заорал на высоких оборотах. Сбавив обороты, я стал понемногу газовать, внимательно слушая мотор. Убедившись, что он прогрелся, убавил обороты до минимума и вылез из кабины. Осторожно спустившись на землю, под любопытным взглядом старшины подошел к капоту и прижался к нему плечом.

– Ну что? – спросил Семеныч, как только я отошел в сторону.

– Норма, – кивнул я и только сейчас заметил Никифорова, который, прислонившись плечом к березе, с интересом наблюдал за нами.

Это напомнило, что я под плотным колпаком. Не удивлюсь, если особист знает наш разговор с Борюсиком до мельчайших интонаций.

«Во вляпался!» – только и успел подумать я, как над аэродромом пронеслись две стремительные тени, сопровождаемые оглушительным ревом двигателей и странным тархтением.

– «Мессеры»!!! – заорали где-то рядом.

Мгновенно развернувшись, я присел на корточки и пристально посмотрел на пару «худых», выходящую из атаки.

«Сейчас они сделают круг и снова атакуют!»

– Самолет к бою, – заорал я и метнулся в кабину.

– Куда? Стоять!!! – долетело под рев ЛаГГа, но было поздно. Старшина уже убрал колодки, и я стронул истребитель с места.

«Мессеры» еще не вернулись, и я воспользовался этим для взлета. Мы встретились с ними, когда шасси уже оторвались от земли, на встречных курсах. Приподняв нос, я дал длинную очередь из пулеметов и пушек. Самолет слушал меня как никогда. Кстати, почувствовать машину у меня получалось почти сразу, что изрядно удивляло отца. Даже на сложном в управлении ЛаГГе, на котором он крутился дня два, пока его не почувствовал, у меня таких проблем не было, технику я «понимал» сразу.

Один из «мессеров» наткнулся на мою очередь и огненным комком покатился по взлетной полосе.

«М-да, на симуляторе было тяжелей!» – успел подумать я, мельком глянув на горящие обломки.

Воспользовавшись тем, что второй «худой», ведомый пары, растерянно стал крутиться над аэродромом, я перевел истребитель в горизонтальный полет, продолжая набирать скорость.

Как бы то ни было, но немец решил отомстить, а не спастись бегством, как я думал, он сделает, согласно общей манере получающих по носу немецких асов. Мы уже удалились от аэродрома километров на десять, когда «ганс» пошел в атаку со стороны солнца. Но я ждал этого и был готов. Резко ушел в вираж. Без очков и шлемофона было тяжело, но я справлялся. Развернувшись, продолжил наращивать скорость, старательно уходя от немца. Он снова атаковал. Резко бросив самолет в пике, я ушел в сторону и, пропустив «мессер», из-за высокой скорости пронесшийся мимо, повернул истребитель, поймал немца в прицел и нажал на гашетку, однако немец успел уйти из-под атаки.

В пике я набрал нужную мне скорость и занял позицию над «худым», короткими очередями прижимая его к земле. Но немец оказался удивительно вертким и постоянно уходил из прицела. Вот он пронесся прямо над штабом полка, едва не задев одну из палаток крылом, где стояли люди и махали рукам, я тоже пролетел над ними, стреляя из пулеметов.

«Надеюсь, там ни в кого гильзами не попадет!» – успел подумать я.

Попасть в «мессер» удалось километрах в шести от аэродрома, когда он попытался оторваться от меня на высоте, уйдя на вертикаль. Но я ждал именно этого и успел поставить огневой заслон, на который он и напоролся. «Ганс» задымил и, убавив скорость, стал планировать на сбоевшем моторе, почему-то не пытаясь выпрыгнуть, хотя высота в двести метров позволяла это сделать. Подлетев сбоку и уравнив скорости, я показал пальцем на него и на свой аэродром.

Немец сначала сделал вид, что не понял, однако после прошедшей прямо над фонарем очереди согласился повернуть к аэродрому.

«Блин, на это я даже не рассчитывал!» – весело подумал я, сопровождая немца. Наконец тот выпустил шасси и стал планировать с заглушим мотором на полосу. Убедившись, что его «приняли» и уже вытащили из кабины, я сам повел истребитель на посадку.

С привычным шиком зайдя на глиссаду, я опустил на все три колеса и без козла докатился до места стоянки, где меня уже ждали.

Когда вылезал из кабины, меня ослепила яркая вспышка. Проморгавшись, чуть в стороне, метрах в двадцати, рядом с «вечным дежурным» увидел старшего политрука, довольно что-то крутившего в фотоаппарате. Второй снимок старший политрук сделал, когда я вылез на крыло. Потом меня принял «на руки» не очень добрый Никифоров.

– Сев, хлеба дай, – попросил Олег.

Потянувшись, что заставило меня поморщиться, я взял с тумбочки тарелку с нарезанным небольшими кусочками белым хлебом и поставил на табурет рядом с Олегом.

Наворачивая манную кашу, он с интересом читал газету, вернее, очерк обо мне. Утром привезли пачку газет, где была статья о Сталинском соколе, сбившем шесть и принудившем к посадке седьмой самолет. Что ни говори, а тот старший политрук оказался профи, и статья

действительно была написана хорошо. Сразу под заголовком поместили мою фотографию, на которой я стоял на крыле истребителя, держась одной рукой за кабину, в больничных штанах, с голой перевязанной грудью и с улыбкой на лице.

Вообще-то я тогда морщился, спина болела, но на фото почему-то казалось, что это была обаятельная улыбка, ну да ладно.

В подзаголовке корреспондент написал:

«Даже ранеными наши летчики продолжают сбивать немецко-фашистские самолеты!!!»

Сама статья брала за живое. С утра ее успели прочитать уже все в полку, так что до нас один из экземпляров дошел сильно замусоленным, однако не потерял своей привлекательности. Я трижды прочитал очерк, расположенный на двух страницах. Оказалось, корреспондент откуда-то узнал, куда меня увезли, и захотел взять интервью – сейчас на фронте нужно было подобное, яркое. Чтобы показать, как мы бьемся. Вот и приехал на аэродром, общаясь с майором Никитиным и капитаном Смолиным, оказавшимся начштаба полка. Комиссара не было, он улетел на бомбардировку. Так что старший политрук стал свидетелем «неравного боя», как было написано в статье. Мало того, еще и успел сделать несколько снимков, не все они попали в газету, но четыре было. Первый – где я на крыле. Потом огненный комок сбитого немца и мой истребитель, набравший высоту, второй «мессер» в кадр не попал, успел уйти на вираж. Третий снимок – это когда мы пролетали над штабом. Снимок получился классным. Было видно улетающий «худой» и стреляющий по нему ЛаГГ. Ну а четвертый – это, понятное дело, немецкий пилот, и на заднем фоне сам Ме-109, в котором копалась пара механиков. В кадр хорошо попали пулевые отметины на крыле и фюзеляже.

– М-да, за такое ордена дают, – без зависти сказал Олег, аккуратно сложив газету и вернув ее мне.

– Наверное, – пожал я плечами, что вызвало новую вспышку боли в ране.

Тогда, когда я вылез из кабины, у меня вся спина была в крови. Края раны разошлись во время перегрузок. Да и пару раз хорошенько приложился спиной о бронеспинку, что вызвало сильное кровотечение. Так что меня почти на руках унесли в лазарет, где Марина Викторовна, ругаясь, наложила восемь швов. Как только она закончила, я попал в горячие руки корреспондента, после него – к командованию полка. Даже секретарь комсомольской организации заглядывал. Правда, заметив, что я туплю на его вопросы, в которых ничего не понимал, как-то быстро собрался и исчез, а я удостоился от Никифорова, заглянувшего позже, изучающего взгляда.

Меня не ругали, даже поблагодарили, теперь они на заметке у начальства, а это не могло не радовать. Так что дали маленький втык за то, что взлетел раненым, и велели лечиться. От полетов меня отстранили на время лечения, пока не заживет спина, и вот уже вторые сутки я лежу в стационаре вместе со штурманом одного из бомбардировщиков. С задания вернулось только шесть машин. Один сбили над переправой, вторая села на вынужденную, не дотянув до аэродрома десятков километров. Вот на ней и летел Олег. При посадке, в отличие от остальных членов экипажа, он сломал пару ребер и вывихнул плечо, так что сейчас с тугой повязкой на груди доел принесенный дежурным бойцом обед и, убрав грязные тарелки на поднос, где уже стояли мои, тихонько откинулся на подушку и сказал:

– Скучно.

– Что есть, то есть, – согласился я. После чего достал карту и, разложив ее на кровати, стал изучать. Иногда мне помогал Олег, подсказывая, что и как.

На вешалке висела моя форма с синими петлицами и треугольниками сержанта ВВС. Честно говоря, мне ее дали «голую», фурнитуру отдельно. Похоже, так было не принято, потому как Олег удивленно поднял брови, когда начвещсклада принес ее, но промолчал. Зато, когда я пришивал всю фурнитуру, ругаясь на мою криволапость, учил, как правильно пришивать знаки различия, в которых я ничего не понимал, что, кстати, вводило Олега в недоуме-

ние. По его мнению, я должен был это знать как «Отче наш». А до этого приходил начстрой, который заполнял на меня анкету, заставив написать автобиографию. Присягу у меня приняли майор Никитин, капитан Смолин, комиссар Тарасов и политрук Никифоров. Он же, кстати, и летную книжку мне принес, куда внесены были все мои сбитые.

– Эй? Раненые, вы здесь? – послышался голос в окне, и зашуршала осыпающаяся земля.

– Нет, на Луну улетели, – буркнул я, не отрываясь от карты.

– О, Витек. Что случилось? – отреагировал Олег.

«Вечный дежурный» заглянул к нам и сказал:

– Готовьтесь, вечером начальство приедет. Награды вручать будет.

– Может, награду? – не понял Олег, удивленно посмотрев на меня.

– Не, за уничтожение переправы и срыв наступления немцев многие представлены к наградам.

– Понятно. Если бы не статья, то никто бы не пошевелился, а тут сразу... Эх! – расстроенно махнул рукой Олег. В сбитом над переправой бомбардировщике погиб его друг, и штурман часто вспоминал его.

– А ты чего в дверь не зашел? – спросил я у Виктора.

– Да ну. Там Марина Викторовна, я лучше так... – То, что он опасался врача, я уже понял, только вот из-за чего? Нужно будет спросить у Олега.

– Ладно, я побежал. Мне еще комиссара встретить нужно.

– А где он?

– Да к соседям умотал, должен скоро вернуться.

– А, ясно. Давай заходи, если что. – Я снова лег на живот, продолжив изучение местности.

– Слушай, Олег, а я думал, что награды через некоторое время вручают. Ну, там, проверки, подготовка бумаг? Что-то быстро, тебе не кажется? – спросил я после некоторого обдумывания, отрываясь от карты.

– Это не относится к медалям и ордену Красной Звезды. Насколько я знаю, они есть в некотором количестве у командования. То есть могут награждать без согласования, остальные – да, только через штабы и бюрократию.

– Понятно, – вздохнул я.

– Эх, наши улетели. Как они там сейчас?

– А куда они?

– Немцы рвутся к городу, вот и получили приказ бомбить колонны.

– Да? На СБ? Странно. Слушай, а я ведь видел у вас на свалке разбитых самолетов бипланы И-153 «Чайка». Так это же отличные штурмовики! Мало того что они могут незаметно подобраться, но эрэсами так проредить колонны, что ого-го!

– Да вроде есть. Так это Борюсик весь хлам, что в окрестностях был, сюда свез.

– Молодец он, одним словом. Так вот, если привести в порядок пару штук, то это идеальные машины для штурмовки.

– Их там штук шесть, насколько я помню... А что, можно сказать Никитину, пусть подумает. Я сейчас. – С криканием встав и держась за бок, Олег с болезненным выражением лица направился к выходу. Ребра его действительно беспокоили.

– Куда? – услышал я вопрос Марины Викторовны.

– Мне срочно в штаб надо.

– Для чего часового у входа поставили? Для того, чтобы вы снова не сбежали. Скажите мне, я передам.

– Хм, может, пусть лучше он сам придет?

– Схожу и узнаю. Ждите.

Вернувшийся Олег аккуратно сел на место и проворчал:

– Из-за этого часового мы тут как в изоляции.

Я смущенно опустил голову. Часового поставили из-за меня. Вчера сбежал к своему самолету узнать, как там дела с капониром и маскировкой, но был отловлен и возвращен обратно. Вот Никитин и приказал поставить часового, так что выхода нам теперь из стационара не было. Даже в туалет приходилось ходить в стоящее в углу ведро.

Вместо Никитина пришел капитан Смолин, начштаба, это он тогда отчитал меня за нарушение субординации.

– Ну что у вас? – спросил он, входя палату.

Идею штурмовиков он уловил с ходу и, записав мое мнение по использованию бипланов, быстро ушел. Самолетов действительно катастрофически не хватало, и моя идея пришлась к месту. И-153 – это не ЛаГГ, тут с управлением особых проблем нет, так что пилотов на них найдут, в полку немало безлошадных летчиков, несмотря на приказ отправлять свободные экипажи в тыл, в ЗАПы.

– Хоть бы музыку принесли, – сказал я, с надеждой посмотрев на дверь. Мне было просто невыносимо сидеть и ничего не делать, просто лежать и лечиться, активная натура требовала больше движения.

– А ты что, умеешь? – с интересом спросил Олег.

– Бренчу помаленьку, – уклончиво ответил я.

– Гитара?

– И гитара, и аккордеон.

– Так это не проблема! У Сашки Жука в третьей эскадрилье есть гитара!

Гитару нам принес Виктор – я как раз в это время чистил маузер, – так кстати заглянувший на огонек.

Через три часа прибежал дневальный из штаба и сказал, чтобы ждали. Вручать нам награды будут прямо в палате как раненым.

И действительно, через некоторое время на грани слышимости донесся чей-то голос, потом троекратное «ура».

– Идут, – тихо сказала Марина Викторовна, заглянув к нам. Через минуту прикрывавшая вход занавеска резко отдернулась и в палату вошел полковник ВВС в сопровождении командования полка. Там присутствовал даже комиссар полка, которого я видел второй раз в жизни, в первый разглядеть не успел – слишком быстро прошла присяга.

– Ну здравствуйте, герои.

– Здравствуйте.

Мы оба осторожно встали, приветствуя начальство.

– Лежите-лежите, – махнул полковник рукой.

Я сразу же плюхнулся обратно, с интересом разглядывая визитеров.

Сам полковник был вполне обычным, я даже, кажется, видел его в штабе ВВС фронта, и пока он хорошо поставленным голосом вещал, за что мы награждаемся, рассматривал комиссара.

Мне комиссар понравился. Было видно, что он не штабной политработник, а боевой летчик, о чем свидетельствовал новенький орден Боевого Красного Знамени рядом с еще двумя наградами.

– ...награждается сержант Суворов орденом Красной Звезды с присвоением звания старший сержант, – закончил он и, наклонившись, приколот награду к моей пижаме.

– Служу трудовому народу!

Олегу тоже дали Красную Звезду. Что меня удивило, так это количество награжденных – вместе со мной всего одиннадцать человек из тридцати участвовавших в вылете. Но потом я припомнил, что в сорок первом награды давали очень редко, и понял, награжденных даже много.

Перед самым закатом, когда мы только стали обмывать награды и я спел на «бис» так полюбившихся летчикам «Орлят», пришел приказ на перебазирование полка. Немцы в очередной раз прорвали фронт.

Начались торопливые сборы. Мимо санчасти постоянно проскакивали полуторки и другая техника, гудели моторы самолетов.

Мы тоже собирались. Для санчасти подогнали ЗИС, и три бойца стали грузить вещи, на которые им указывала Лютикова.

– Эй, болезные, вы тут? – заглянул к нам «вечный дежурный».

– Не видишь, собираемся, чего тебе? – спросил Олег, завязывая горловину сидора. Он был в полной форме, сняв больничную одежду, которую уже загрузили на машину.

– Да я не к тебе. Сев, тебя майор Никитин вызывает.

Я в это время стоял у окна и оправлял складки гимнастерки за спину. Командирский ремень, застегнутый на предпоследнюю дырку, плотно опоясывал талию. Поправив пилотку, обернулся к Виктору, беря с тумбочки кобуру с маузером.

– Иду.

Мои вещи уже лежали в новеньком сидоре, полученном вместе с формой.

Торопливо шагая за лейтенантом, я спросил:

– Самолет дали? Что-то ты в летном комбинезоне.

– Ага. «Чайку». Из нескольких штук собрали один, вот мне и велели перегнать его.

– Понятно.

Палатки уже свернули. Штаб заканчивал грузиться на машины. У «эмки» стояли несколько командиров, некоторые, как и Виктор, в летных комбинезонах и шлемофонах, среди них я заметил Никитина.

– Товарищ майор, сержант Суворов по вашему приказу явился. – Отдание чести получилось каким-то кособоким из-за раны, но комполка ничего не сказал.

– Ты как? – спросил он.

– Норма, товарищ майор.

– Тогда слушай приказ: нужно перегнать ЛаГГ на другой аэродром. Кроме тебя, сам понимаешь, никто это сделать не сможет, а перевозить его по земле... Слишком много времени займет, мы уходим налегке. В общем, старайся идти на бреющем, перегони аккуратно и снова в санчасть. Понял приказ?

– Да.

– Парашют и летный костюм у истребителя. Сейчас у начштаба получи летное предписание, свой позывной и карту с указанием, куда перебазироваться.

Убрав карту и предписание в планшет, я быстро зашагал к своему ястребку под рев моторов взлетающих бомбовозов. Когда уже подходил к капониру, пошла на взлет «чайка».

– А почему все разом не полетели? – спросил я у старшины, своего механика.

– У всех разные скорости, вот, чтобы не подстраиваться, майор и приказал вылетать в разное время, – пояснил Семеныч и принялся помогать мне собираться. Убрав сидор за бронеспинку, я подошел к сложенным на крыле вещам.

Надев комбинезон и шлемофон, поменяв очки на свои, я стал одевать парашют, постоянно морщась от боли. Дождавшись, когда старшина застегнет подвесную систему как положено, с его помощью залез в кабину и запустил мотор. Пока он прогревался, я пристегнулся и подключился к радиостанции «Орел», установленной в самолете. В первый свой на этой машине вылет я отправился мало того что без парашюта, так еще и без шлемофона, то есть без связи с полком.

– Малой вызывает Гнездо. Прием! – прижал я к горлу ларингофоны.

– Гнездо на связи, Малой. Прием! – Радиостанция шумела ужас как, но разговаривать, хоть и с трудом, было вполне возможно.

– Малой просит разрешение на взлет. Прием!

– Малой, можете взлетать, полоса свободна. Прием!

– Гнездо, вас понял, выхожу на полосу.

Махнув рукой, чтобы закончившие грузить имущество бойцы отошли, захлопнул фонарь и вывел ястребок из капонира на старт.

Дав газу, я стал разгоняться. ЛаГГ без проблем оторвался от полосы. Убирая шасси, я обернулся и посмотрел на колонну техники, уезжающую с аэродрома, и догоняющую ее одиночную полуторку с бойцами и моим механиком. В некоторых местах поднимались дымы, там горела техника, которую мы не могли забрать. Горел «мессер», что я принудил к посадке, горели «пешки», все горело.

Еще раз осмотревшись, нет ли немецких охотников рядом, я с набором высоты направился к новому месту базирования полка.

Наш бывший аэродром находился правее Минска, а теперь мы перебазировались за город, примерно километров на сто двадцать, если судить по карте. Короче, минут двадцать полета.

Меня слегка удивило, с какой легкостью меня отпустили. Вряд ли проверка закончилась, да и Никифорова у штаба не заметил, что было странно.

Поднявшись на три тысячи метров, чем грубо нарушил приказ майора лететь на бреющем, я осматривал окрестности, наблюдая как за воздухом, так и за землей. Крутившуюся вдалеке стайку птиц я сперва принял за воронов, но потом сообразил, что слишком слаженно они пикируют к земле. Сойдя с курса, повернул в ту сторону, уже догадываясь, что увижу, и я не ошибся. Стая птиц оказались восемнадцатью «штуками», штурмующими наши стрелковые колонны, идущих к городу. К лаптежникам я шел с набором высоты, когда до них осталось километра три, был уже на четырех тысячах.

«Ой, чую, влетит мне за это!» – но все равно, рукой прижав ларингофоны плотнее к горлу, сказал в эфир:

– Гнездо, я Малой. Прием! – И только треск помех был мне ответом.

– Гнездо, я Малой. Прием! – «Гнездо» молчало, видимо, во время движения радист отключил радиостанцию.

– Гнездо, я Малой. Прием! В квадрате семьдесят шесть – двенадцать обнаружил восемнадцать «юнкерсов», штурмующих наши войска в движении. Атакую. Как слышите? Прием!

– Малой, я Гора. Приказываю атаковать «юнкерсы». Как поняли? Прием! – долетел до меня чей-то искаженный голос с командными интонациями.

– Гора. Я Малой, вас понял. Атакую!

Я к этому времени уже был над пикировщиками и, выбрав цель – понятное дело ведущего одной из групп, – бросил истребитель в пике и с ходу поджег «штуку».

Не глядя, как тот воткнулся в землю, вышел из пике и снова сделал «ухват» – поджег последнего в строю лаптежника. От моей трассы почти в упор он практически развалился в воздухе. После атаки я потерял скорость и тут меня подловили бортстрелки «штурк».

Получив мощный удар, я вывел истребитель в пологое пикирование. На лобовое стекло стало брызгать маслом. Несколько раз стукнув, заглох двигатель. Посмотрев на замершую лопасть винта, я стал осматривать землю, выбирая, куда сесть. Прыгать не хотелось. В основном из-за того, что не хотел терять свой истребитель.

«Вот и подловили “аса”, гады!» – зло думал я.

– Гора, я Малой. Во время атаки сбил два «юнкерса». Штурмовка наших колонн сорвана. «Штуки» уходят к себе. Во время боя получил тяжелые повреждения самолета, вынужден выйти из боя. Прием!

– Малой, я Гора. Где вы находитесь? Прием!

– Гора, я Малой. Нахожусь над колоннами наших войск. Прием! – Говорить свой квадрат не хотелось, кто его знает, что это за «Гора».

– Малой, я Гора. С вами все в порядке? Прием!

Припомнив свой любимый фильм «В бой идут одни старики», я ответил в тему:

– Гора, я Малой. Все в порядке... падаю!

Дальше говорить было уже невозможно, высоты почти не осталось, пора заняться посадкой.

Для вынужденной я выбрал часть дороги, свободной от дымящейся техники и бойцов. Люди в основном все еще находились в укрытиях, в кюветах, в лесу, где прятались от штурмовиков. Я не знал, сколько их тут, но точно больше дивизии. Наверняка корпус.

Выпустив шасси, под свист рассекаемого крыльями воздуха ЛаГГа мягко коснулся колесами дорожного покрытия, и если бы оно было ровным, то совсем бы было хорошо. Однако в России две беды: первая – это я, другая – это то, на что я сел.

Когда ястребок перестал катиться, я отпустил тормоза и откинул фонарь. Того, что меня могут принять за немца, не опасался, звезды на истребителе были отчетливо видны, да и слепых тут не должно быть.

Едва успел я расстегнуть ремни, как подбежавшие бойцы и командиры вытащили меня из кабины и стали кидать в воздух, радостно выражая свои чувства, при этом не обращая внимания на крики боли.

– Да отпустите!!! У меня вся спина изранена!!! – орал я.

По-видимому, какой-то командир все же услышал мои вопли и приказал отпустить меня.

– Капитан Волина, командир батальона восьмой стрелковой дивизии, – представился он.

Дождавшись, когда земля и небо перестанут крутиться перед глазами, я отдал честь и ответил:

– Старший сержант Суворов, летчик-истребитель семнадцатого бомбардировочного полка.

– Бомбардировочного? – Капитан недоуменно округлил глаза.

– Введен в штат для сопровождения и охраны бомбардировщиков, – пояснил я, проверяя, как спина.

– Seriously ранен? – спросил меня с трудом прорвавшийся сквозь строй обступивших нас бойцов военфельдшер.

– Осколком гранаты всю спину изборозило, врач несколько швов наложила. – И пояснил, заметив их недоумение: – Это меня еще в начале войны, когда по немецким тылам шел, в рукопашной. Я в санчасти лечусь, а тут перебазирование. Летчиков не хватает, вот и приказали АККУРАТНО перегнать самолет на новое место дислокации, но... Приказ не выполнил. Просто не смог пролететь мимо.

– Молодец, летчик, – тихо сказал один из обступивших нас бойцов.

– Так, чего столпились? Ротные, стройте батальон! – немедленно заорал капитан, представив фельдшера осмотреть меня.

– Все нормально, несмотря на выкрутасы в воздухе и на земле, швы не разошлись, что странно, – комментировал медик, заново бинтуя мою спину.

На него заметно произвел впечатление мой новенький орден, который он разглядел, когда я стянул верх комбинезона и снимал гимнастерку.

В это время послышался приближающиеся шум моторов, и около нас остановились несколько «эмок», из первой выскочил невысокий плотный генерал-майор.

– Так вот он, наш герой! Видел, как ты бой вел. Молодец!

Я вскочил при приближении генерала, сверкая свежей белоснежной повязкой. Моя форма лежала на крыле, я просто не мог успеть ее одеть.

– Что, ранен? – встревоженно спросил он у меня.

– Старые раны, товарищ генерал-майор.

Я быстро объяснил, откуда и зачем вылетел, не сообщая новое место дислокации полка. Так, на всякий случай.

– Молодец, помощь нужна?

– Да, товарищ генерал-майор. Справка, подтверждающая о сбитых, и транспорт, чтобы эвакуировать самолет в полк.

– Будет. Все будет. Ай, молодец. Как ты их, раз, и один в землю воткнулся. Два, и другой падает.

– Да, товарищ генерал, если бы меня бортстрелки на уходе не подловили, я бы еще сбил. Теперь я ученый, больше такого не повторится. Нужно было уходить ниже.

– Ну, тебе виднее. Самойлов, ну что там? Справка готова?

– Да, товарищ генерал, вот, около печати подпись поставьте, – почти сразу откликнулся пожилой полковник, давая расписаться генералу.

Мельком осмотрев справку, там было семь фамилий, начиная с командира корпуса генерала Ермакова и до начальника политуправления того же корпуса, бригадного комиссара, убрал ее в планшет.

– Сейчас тебе ЗИС подгонят, бойцы помогут загрузить самолет, – сказал генерал и, подойдя к самолету, посмотрел на дырку в капоте от бронебойной пули.

– В двигатель попали? – спросил он.

– Да, товарищ генерал.

Несколько секунд порассматривав меня, он неожиданно спросил:

– А это не про тебя была заметка, что сразу пятерых сбил?

– Да, товарищ генерал, про меня.

– Молодец. Самойлов, пиши наградной лист на сержанта. Все-таки сколько он наших бойцов от смерти с воздуха спас. Пиши.

Походив вокруг самолета, генерал пожал мне руку и, сев в машину, уехал дальше вместе со своим эскортом и охраной.

Как только я успел одеться и привести себя в порядок, фельдшер, который закончил собирать свою сумку, стал прощаться, после чего влился в колонну красноармейцев.

Минут через двадцать послышалось завывания мотора, и у хвоста самолета остановился ЗИС, из которого выскочил ефрейтор лет тридцати пяти, поправляя на ходу пилотку. Прибыло ожидаемое транспортное средство, обещанное генералом.

– Товарищ старший сержант, а далеко ехать? – спросил ефрейтор Малютов, водитель «кобылы», что мне дали.

Я взял в руки планшет и присмотрелся, после чего закрутил головой. Новое место базирования полка было у города Червения, а до него...

– Судя по карте, километров сорок. И это если по прямой, а так, я думаю, километров семьдесят чапать будем. У тебя как с горючим?

– Норма. В кузове бочку видели?

– Ну.

– Вот двести литров. До Москвы хватит.

– Понятно. Кстати, просвет появился, погнали дальше, пока артиллерия не подошла.

Мимо проскочили последние четыре Т-26, и мы снова выехали на дорогу. Я постоянно оборачивался, глядя, как там мой ястребок.

Везли мы его с неотстыкованными плоскостями. Да и кто их будет отстыковывать? У ефрейтора нужных инструментов не было, вот я и решил перевозить самолет так. Проходящие

мимо бойцы помогли затащить хвост в кузов машины, где мы с ефрейтором закрепили его и вот уже сорок минут везли по разбитым бомбежками и гусеницами танков дороге.

– Стемнеет скоро, – сказал я, посмотрев на садящееся солнце.

– Ночью поедем?

– Столкнуться с кем-нибудь хочешь? Нет, тут через два километра проселочная дорога будет, она, правда, половину пути идет через лес, но зато в нужную нам сторону, так что сворачивай на нее.

– Это вон та?

– Да, где танк стоит, – подтвердил я, убирая карту обратно в планшет.

Съехав с дороги, мы, прибавив скорости, поехали по пустому проселку, на нем даже вездесущих беженцев не было.

– Вон, у леса встанешь, технику замаскируем, и можно щеку подавить.

– Чего подавить, товарищ старший сержант? – переспросил Малютов.

– Щеку. Спать будем.

– А-а-а. Ну, тогда ладно.

Подъехав к лесу, мы развернули машину и загнали самолет под деревья.

– Стой! Да стой, тебе говорю!

– Все, товарищ старший сержант?

– Да, дальше не пойдет. Давай топорик, будем машину маскировать.

Подхватив поданный из кузова топорик, я отошел метров на пятьдесят и стал рубить ветки, которые ефрейтор стал относить к ЗИСу.

– Все, товарищ старший сержант, хватит, – сказал Малютов, беря последнюю охапку.

Проследовав за ним, я помог накрыть ветками часть кузова и направился к дереву, поправляя на ходу гимнастерку. Летный комбинезон я скинул, еще когда одевался после осмотра ранения, убрав его в кабину ЛаГГа вместе с парашютом. Очки для сохранности положил в сидор.

– Давайте поснедаем, товарищ старший сержант, – позвал меня Малютов к импровизированному столу, где на куске старого брезента была разложена еда. Банка тушенки, галеты, хлеб, нарезанное сало, лук, чеснок и пяток яиц.

– Иду, – ответил я, направляясь к столу и доставая на ходу из-за голенища сапога ложку.

Мы уже почти закончили, как в сгущающейся темноте послышались чьи-то голоса.

– Слышите, товарищ старший сержант?

– Да, слышу. Из леса идут, – ответил я, заметив, как Малютов подтягивает к себе карабин. – Пойду схожу, узнаю, кто это, а вы пока, товарищ ефрейтор, охраняйте технику.

– Хорошо, товарищ старший сержант.

Вскочив на ноги, я достал из кобуры маузер и направился было на звуки голосов, но тут же вернулся за недоеденным бутербродом.

Жуя хлеб с салом, я рассматривал освещенную серебристым светом луны дорогу и шедших по ней людей.

«Раз... два... пятеро! А что это они тащат в руках квадратное? Ящики с боеприпасами?»

В это время до меня долетело отчетливое:

– ...рил я тебе, давай в селе заночуем. Так нет, давайте дальше пройдем, – говорил один.

– Сева, ты красный командир. Привыкай к суровой мужской службе, поспишь и на земле, – ответил другой звонкий голос.

– На земле? Уж лучше на сеновале, как в прошлый раз.

А к службе я и потом могу привыкнуть.

– Да хватит вам! Давайте искать место, где заночуем, а то и так дотянули, – послышался третий, еще один голос, в котором отчетливо прослушивались командные нотки.

Кто это, понять было не сложно. Выпускники училища, следующие согласно направлениям в свои части. Но вот каких родов войск, я никак определить не мог. То, что они были в пилотках, я рассмотрел отчетливо, как и чемоданы в руках, а вот принадлежность? В это время они остановились, закрутив головами.

– Салом пахнет.

– Ага, с чесночком, – откликнулся другой и отчетливо забурчал животом.

Я торопливо дожевал бутерброд и крикнул:

– Стой, кто идет?

– Свои. Советские летчики! – ответил тот самый, что говорил с командными нотками.

– Летчики? О даже как? Сержанты?

– Да, сержанты.

«Уже хорошо, я тут самый старший по званию!» – подумал я и вышел на дорогу, подходя к ним.

Сейчас, насколько я знал, училища выпускали не лейтенантов, что было совершенно правильно по моему мнению, а сержантов.

– Старший сержант Суворов, семнадцатый бап. Представьтесь.

– Выпускник Батайской военной авиационной школы сержант Морюхов, следуя в часть согласно направлению.

– Выпускник Батай...

Сержанты Морюхов, Горкин, Валиков, Булочкин и Лапоть шли в Минск, в штаб ВВС фронта, где должны были получить распределение в части. Вернее они ехали, но поезд попал вчера под бомбежку, и пять друзей отправились пешком.

– В Минск? Да его немцы не сегодня-завтра возьмут. Они почти закончили окружение, – сказал я, когда услышал, куда они направляются.

– Может, успеем? – спросил Валиков.

– Куда, в мышеловку? Ладно, завтра решите. Пойдем, у нас тут техника, там переночуете с нами. Кстати, я про вашу школу что-то запамятовал, вас на чем учили летать?

– И-16 и на И-153, товарищ старший сержант.

– Истребители, значит, – пробормотал я.

– А вы, товарищ старший сержант, на чем летаете? На СБ или ТБ? – спросил Морюхов, первым следовавший за мной.

– Не угадал. Я истребитель, сопровождаю бомбардировщики. Осуществляю прикрытие. Да вот во время перебазирования полка нарвался на «юнкерсы», сбил два, да бронебойную пулю в мотор словил, теперь технику эвакуирую. Малютов, свои! – крикнул я ефрейтору, заметив, что показалась темная масса машины.

– Ух ты! Двоих?! А что у вас за самолет? – продолжил задавать вопросы Морюхов.

– На ЛаГГе летаю. Это все?

Ну да, как же, все. Вон как окружили меня. Как я и опасался, они засыпали меня вопросами.

– Ладно, садитесь, расскажу. Ефрейтор, еще есть что поесть? А то тут товарищи летчики голодные.

– Есть, последнее, но им хватит. Сейчас я организую.

Пока сержанты торопливо поглощали последние запасы ефрейтора, начал рассказывать о своих приключениях, с того момента как на У-2 вылетел утром двадцать второго июня на поиски севшего на вынужденную самолета капитана Ильина. Держался я строго выверенной с Никифоровым версии, но вот про Брестскую крепость рассказал. Как, мол, встретил израненного красноармейца, который шел из крепости за помощью и на последнем дыхании поведал об оставшихся там защитниках. Это произвело впечатление, и немалое. Кстати, несмотря на то

что я доложил Павлову о крепости, никаких действий от него так и не дождался. По крайней мере я о них ничего не слышал.

– ...ну вот меня и подловили на уходе. Удар – и винт замер, пришлось планировать и садиться на вынужденную, – закончил я рассказ.

– Да, у нас все смотрели, как вы сбивали этих гадов. А один, представляете, падал прямо на машину нашего дивизиона. А она полная снарядов была. Мишка, водитель, на подножке стоял, смотрел за боем, а как увидел, что самолет на него падает, так в кусты сиганул, что мы его только через полчаса нашли, он километра два отмахать успел, – влез в мой рассказ ефрейтор.

– А «юнkers» что, в машину попал? – спросил Горкин.

– Да не, мимо пролетел, в лес упал, там и взорвался, – отмахнулся Малютов.

– Ладно, давайте распределять дежурство. Значит так, часы у кого-нибудь есть? Нет? Тогда воспользуемся моими. Первым Горкин. Охранять: машина, самолет, шесть человек. Время дежурства – два часа. Подъем в шесть утра. Выполнять.

Распределив сержантов на пять смен, я спокойно лег спать. Ни себя, ни ефрейтора в дежурство не включил, пусть молодежь послужит.

– Дежурный. Обеспечить соблюдение светомаскировки и тишины на охраняемом вами объекте! – приказал я сонным голосом. Бормотание со стороны сержантов, обсуждающих мой последний бой, а вернее представляющих себя на моем месте, сразу стихло.

– Товарищ старший сержант, шесть утра, – разбудил меня утром сержант Булочкин.

Зевнув, я приподнялся на руках и, отлипнув от ранца парашюта, который обнимал всю ночь, огляделся:

– Подъем!

Сев на парашют, я намотал портянки и одел сапоги. После чего, встав и вбив ноги до конца, направился к кабине грузовика, где слышался могучий храп.

– Просыпайся, ефрейтор. Подъем, – сказал ему, хлопнув по плечу.

Громко всхрапнув, Малютов зашевелился, протер глаза и выглянул из кабины:

– Что, уже утро, товарищ старший сержант?

– Утро-утро, – подтвердил я, рассматривая лесную дорогу, а вернее – пытаюсь определить ее ширину.

– Малютов, у тебя точно инструментов нет?

– Ну что-то есть, но так... Мало, – смущенно отозвался ефрейтор.

– Доставай, плоскости снимать надо, не проедем мы тут, узко.

– Сейчас достану, – кивнул он и стал копаться в инструментальном ящике.

– Так, сержанты, сейчас крылья снимать будем, поможете. А то у нас сил не хватит.

– Поможем, товарищ старший сержант, – ответил за всех Морюхов.

Пока ефрейтор вытаскивал инструменты и складывал их на брезент, сержанты обступили ЛаГГ и принялись обсуждать его, восхищаясь красотой истребителя. Я же подхватил парашют и комбинезон, на котором спал, убрал их в кабину истребителя, после чего направился к инструментам.

– Вот это пойдет, остальное не нужно. Эй, молодежь! Начинаем! – окликнул я сержантов, пока Малюта убирал лишнее. У этого куркуля нашлось все что нужно.

Сержанты подошли и с интересом уставились на мой орден, сверкающий на груди.

– Товарищ старший сержант, а вам орден за пять сбитых дали? А почему этого в «Правде» не было? – спросил самый смелый, сержант Морюхов.

– За все дали. Ну, чего встали? Помогайте.

Правое крыло мы сняли часа за два. Левое – за полчаса, уже знали, что и как делать. Закрепив крылья в кузове, я спрыгнул на землю и спросил у помощников, пока ефрейтор заводил машину:

– Ну что вы, решили идти?

– Да, у нас ведь предписания, – ответил Морюхов.

Немного подумав, я сказал:

– Все авиационные части уже передислоцировались, так что идти в Минск вам смысла нет: или по дороге погибнете, или штаб не найдете, наверняка он сменил место расположения. Так что полезайте в кузов, доедете до моего полка, а там свяжутся с кем нужно. Но сперва документы, а то вчера ночью не видно ничего было, – велел я на всякий случай.

Метки от скрепок были на всех удостоверениях, так что, изучив предписания, приказал летунам залезать в кузов, сам сел в кабину и скомандовал:

– Поехали!

«А ведь сегодня тридцатое, а немцы Минск еще не взяли. Видимо, это я так повлиял, то есть мои разведданные, или все-таки другой мир?» – усиленно размышлял я, трясясь на ухабах.

Несмотря на то что дорога шла в основном параллельно фронту, на ней были войска, нам частенько приходилось пропускать встречные колонны или вливаться в те, которые шли в нужном направлении.

Когда до полка осталось около десяти километров, нас остановил патруль. Как только я их увидел, выглянул из кабины и крикнул сержантам:

– Приготовиться!

Кто такие немецкие диверсанты и как они действуют, я успел рассказать в красках, так что сержанты сразу защелкали курками своих наганов, а Малютов, управляя одной рукой, положил на колени карабин.

– Товарищ старший сержант, водитель в полуторке как будто убит, поза у него странная, – предупредил ефрейтор, когда мы подъехали совсем близко.

Взведя курок на маузере, я сказал:

– Выскакиваем и сразу берем их на прицел, что-то не нравятся они мне.

Так и поступили, я спокойно вылез из машины и резко вскинул руку, наведя пистолет на капитана, по виду командира:

– Руки! Если кто шевельнется, стреляю!

Капитан смотрел на меня как на идиота, покачал головой, демонстративно повернулся к кустам, делая успокаивающий жест рукой. Проследив за его взглядом, я увидел пулеметное гнездо и широкое дуло пулемета Дегтярева с блином диска наверху. На меня внимательно смотрели две пары глаз под выцветшими пилотками.

– Предъявите документы! – снова выкрикнул я, не опуская оружие.

– Семенов, дай ему удостоверение, – сказал капитан.

Стоящий у борта полуторки сержант легкой походкой рукопашника направился ко мне.

– Близко не подходить. Малютов, проверь, что там с водителем в машине.

Сержант остановился, не доходя до меня пары метров, и, достав из нагрудного кармана удостоверение, протянул мне, не обратив внимания на пробежавшего мимо ефрейтора.

Взяв корочки, я быстро отступил на два шага и открыл удостоверение, посмотрел и, почти сразу закрыв, вернул сержанту.

– Товарищ старший сержант, он просто спит! – выкрикнул Малютов. Водитель, что ввел нас в заблуждение, возмущенно посмотрел на стоящего рядом ефрейтора, явно собираясь высказать все, что о нем думает.

Убирая маузер в кобуру, я сказал:

– Извините, товарищ капитан. Наслушались, что немецкие диверсанты у нас в тылу творят, так на воду теперь дуем.

– Документы. Куда направляетесь? – приняв строгий вид, капитан требовательно протянул руку.

– Старший сержант Суворов, семнадцатый бап, – сказал я, протянув ему летное удостоверение и полетный лист.

– Самолет перегоняли?

– Да. Но с «юнкерсами» повстречался, сбил двух, да и сам в прицел попал...

Капитан быстро проверил документы и у меня, и у сержантов, выстроившихся у машины. Малютов предъявил предписание об эвакуации техники, что ему выдал командир. Вопросы у капитана были только к сержантам, почему они едут в обратную сторону. Тут пришлось взять слово мне и объяснить, что штаб ВВС фронта переехал и найти они его не смогут, а в полку связь есть, там быстрее свяжутся с кем надо.

– Ладно, документы в порядке, можете следовать дальше... Скажите, а вы не тот Суворов, что сбил пятерых немцев над Минском? – спросил вдруг капитан.

Пришлось признаться, что это я и есть, кивком головы указав на орден, на который капитан уже давно озадаченно посматривал.

– То-то я смотрю, лицо знакомое, где-то видел, а как сказали, что двух сбили, так сразу вспомнил. У меня был очерк о вас, да бойцы бумагу на курево пустили. Ладно, всего хорошего, – отдав честь, сказал капитан.

Помахав парням из патруля, мы проехали мимо полуторки и попылили дальше.

Примерно через пару километров впереди показался просвет между деревьями.

– Останови, посмотри, что там творится, – приказал я. И, выпрыгнув из остановившейся машины, крикнул в кузов: – Можно оправиться!

Где-то рядом явно работала авиация, были отчетливо слышны разрывы бомб и треск авиационных пулеметов.

– «Штуки» работают, – пробормотал я. После чего широким шагом направился к опушке.

На опушку я вышел осторожно. В двух километрах от леса шла дорога, забитая техникой, беженцами и скотиной, которую гнали на восток.

И вот на эту забитую дорогу, выстроившись в круг, и пикировали «юнкеры». Работали они пулеметами, было видно, что бомбы уже использованы и немцы добивают боезапас.

– Наши, – сказал кто-то срывающимся голосом. Овернувшись, рядом увидел всех сержантов, которые, широко открыв глаза, смотрели на побоище впереди.

Сержант Лапоть не ошибся – над видневшимся вдалеке городом появились пять точек, оказавшихся истребителями-бипланами.

– У них скорость почти одинаковая, разницы в сотню не будет. Не догонят, – хмуро сказал я.

– Как же так?! По людям, по скотине... А, товарищ старший сержант? Зачем? – срывающимся голосом спросил Морюхов.

– Смотри, сержант. Смотри на настоящую натуру немцев. Видишь, какие они рабочие-пролетариаты? Запомните все: немцев бить надо! Бить! Пока они руки не успели поднять! Ясно?! Общечеловеки, бл...! – добавил я, вспомнив свое время.

Меня самого воротило от того, что натворили немецкие летчики. Военной техники на дороге фактически не было. В основном беженцы, и по ним гитлеровцы нанесли бомбово-штурмовой удар, как будто это полноценное подразделение Красной Армии.

– Твари! – сплюнул я.

– Товарищ старший сержант... а что делать? Может, помочь?

– Для этого есть люди. Возвращаемся к машине... Не понял! Бойцы, кругом! К машине шагом марш!

Следуя за печатавшими шаг сержантами, я постоянно оборачивался на удаляющуюся опушку. «Юнкеры» уже закончили и, не обращая внимания на идущих на форсаже «чаек», выстроились в боевой порядок и направились на свой аэродром. «Чайки», так и не догнав немцев, беспомощно покружили над дорогой, после чего потянулись обратно.

– Что там, товарищ старший сержант? – спросил Малютов.

– Бойня там. Топорик давай, будем машину маскировать. Булочкин – в охранение, остальным – маскировать машину.

Когда мы выехали в поле, то были похожи на двигавшийся большой куст. На опушке я приказал повернуть сразу направо, проследовав дальше прямо по полю, рядом с лесом. Действия мои были обоснованны проще некуда. На дороге завал, который только-только начали убирать, да и уцелевшим беженцам в глаза смотреть не хотелось, и видеть, что натворили немцы, тоже большой охоты не было. Хотя, на мой взгляд, показать сержантам следовало бы, для злости.

– Товарищ старший сержант... вроде самолет, – сказал вдруг ефрейтор.

– Чего? – не понял я, так как в это время пристально рассматривал дорогу, наполовину скрытую дымами пожарищ.

– Самолет впереди, – повторил Малютов уже увереннее.

Присмотревшись, я тоже увидел загнанный в лес самолет. И хотя виднелся только хвост с нарисованной красной звездой на зеленом фоне, сразу определил в нем «ишачка».

– Тормозни около него, посмотрим, – приказал я.

Остановившаяся машина гармонично вписывалась в опушку, не привлекая к себе внимание. Спрыгнув на землю, я крикнул:

– Ко мне!

Впятером мы быстро осмотрели машину. В кабине был погибший летчик, мы осторожно вытащили его и отнесли в кузов ЗИСа, место там нашлось.

– Филиппов Геннадий Арсеньевич. Старшина. Одиннадцатый иап, – прочитал я документы вслух.

Самолет на вид был исправен, хотя потеки масла на моторе и дыры в кабине и на плоскостях навевали нехорошие мысли.

Сделав отметку на карте, мы сели в машину и поехали дальше. Город объехали – все подъезды к нему оказались забиты беженцами, и нам пришлось двигаться дальше по проселочной дороге, где было посвободней. Сержанты строго исполняли мой приказ и в пять пар глаз следили за небом, а при любой опасности стучали по кабине. Но как бы то ни было, к трем часам дня мы подъезжали к расположению полка.

Остановившись у часового с синими петлицами, я спросил, старясь перекрычать порывание грузовика:

– Где семнадцатый бап расположился?

Боец молча показал рукой направление, с интересом разглядывая нас.

– Погнали. Вон туда, где разлапистое дерево, – велел я ефрейтору, а сам при этом с любопытством разглядывал два десятка «чаек», замаскированных на опушке маленького леса.

– Не одни мы тут.

– Что, товарищ старший сержант?

– Я говорю, вон СБ стоит, видишь механиков рядом? Вот езжай к ним, наверняка наши. Первое, что я услышал, когда вылез из остановившейся машины, было:

– ...да я тебе эту железку в жо...у засуну! Ты что мне принес?

Хмыкнув, я тихо сказал:

– Вот я и дома.

Посмотрев на подходившего ко мне техника-лейтенанта, отдав честь, спросил:

– Товарищ лейтенант, не подскажите где находится штаб семнадцатого бомбардировочного полка?

– Знаю. Но не подскажу. Кто такие?

Доложив ему, кто я и откуда, получил указание, как добраться до нашего полка. Сам лейтенант был не из «наших», а из соседнего, истребительного.

– Малютов, машину отгони вот под то дерево и жди указаний. Товарищи сержанты, подхватываем вещи, и за мной.

Дождавшись, когда они построятся с чемоданами в руках, направился к штабу, расположившемуся в одном из уцелевших домиков пионерского лагеря.

И первым, кого я увидел, был Никифоров, с доброй улыбкой ожидавший меня у входа в штаб.

«Явно доложить успели», – подумал я и вздохнул.

– Товарищи сержанты, подождите, скоро начштаба полка освободится, а *вас*, товарищ старший сержант, я попрошу проследовать в мой кабинет.

– Суворов, на уколы, – крикнула из коридора санитарка тетя Вера.

– Иди, бедолага, – захохотал Сашка Турнин, летчик с разведсамолета, лежавший вместе со мной в палате. У него, в отличие от меня, пуля избородила ногу, но Лютикова решила оставить его в медсанчасти полка, ранение считалось не таким тяжелым, чтобы отправлять в госпиталь.

– Иду, – хмуро ответил я.

– Нечего было целоваться под бомбежками, вот теперь и смирись.

– Да иди ты!

Под хохот Сашки я вышел из палаты. Двоих наших соседей по койкам не было – ушли утром на озеро рыбачить.

В санчасти я уже семь дней, с того времени, как вернулся в расположение. Сержантов устроили в соседний полк. Правда, они все еще безлошадные, машин не хватало даже для опытных летчиков, однако парни жадно изучали матчасть, в основном моего ЛаГГа, который чинил Семеныч. Говорят, скоро новое сердце для него подвезут. Погибшего летчика, что мы привезли, с почестями похоронили, «ишачок» эвакуировали, на нем сейчас командир соседнего полка летает. Спасибо за него передавал. Командиры меня не ругали, так как уже знали все подробности боя, но долечиваться потребовали строго, так что я был как бы в изоляции. Кто такой Гора, мне так и не сказали, но Никифоров, судя по его виду, знал, кто это был.

Со скуки выпросил у особиста тетрадь, в которую стал записывать все, что помнил во взаимодействии бомбардировщиков и штурмовиков с истребителями. В заголовке большими буквами написал:

«Дневник летчика-истребителя Суворова: Дела, мысли, выводы».

Полностью разложил по схемам свои бои и до мельчайших подробностей расписал, где ошибся и как нужно было действовать.

Раскрываю себя? Да по фиг. Тут парни летают, горят в машинах, а я записал их же наработки, вплоть до сорок пятого года. СЕЙЧАС если внедрить все, что я написал в виде методички, получится огромный прорыв для авиации.

Выйдя в коридор, подошел к процедурной и опасливо заглянул в кабинет.

– Марина Викторовна, можно?

– Суворов? Ну заходи, – плотоядно улыбнулась докторша.

Еще раз опасливо взглянув на нее, я, закрыв за собой дверь, прошел к скамейке, обитой кожей. В нос ударил специфический запах лекарств, перебиваемый спиртом.

Наши слегка странные отношения, сердитые с ее стороны и опасливо-довольные с моей, длились уже второй день. А все началось с того, что объявили воздушную тревогу – к аэродрому подлетали «хейнкели». И так удачно совпало, что прыгнули мы с ней в одну противоздушную щель, причем только вдвоем, остальные заняли другие.

Ну как не воспользоваться было такой ситуацией, когда она испуганно прижималась ко мне во время близких разрывов авиабомб?! Короче, наш поцелуй длился почти все время бомбежки, то есть минут десять. Уж по привычке и юбку задрать начал – а что, спермотоксикоз

никто не отменял, а она мне действительно нравилась, – как получил кулачком в глаз и коленом в соединение ног.

Шипела она потом как кошка. Ответ я получил через два часа – мне поставила в задницу ТАКОЙ укол, что мой крик был слышен на другой стороне взлетной полосы.

Посверкивая фингалом, я вопросительно посмотрел на Лютикову.

– Снимайте штаны, – приказала она, вставая и выпуская струйку лекарства из шприца.

– Э-э-э. Марина Викторовна, а можно мне укол поставит кто-нибудь другой? А то воспоминание вчерашнего до сих пор бредит мне рану на за... э-э-э... на больном месте.

– Не беспокойтесь, больной. Я уж не так сердита, как вчера, так что ложитесь спокойно, – ответила она мне, улыбаясь под марлевой повязкой.

– Да? – я с сомнением посмотрел на нее.

– Ложитесь.

Марина не соврала, укол был хоть и в другую ягодицу, но нормальный.

Хромая обратно, повстречал рыболовов:

– Эй, контуженые! На процедуры!

– Живой!!! А я уж думал, что ты испугался и не пошел! – изумленно воскликнул Сашка.

– Не дождешься, – ответил я, ложась на кровать больным местом кверху.

– Что, сегодня спокойная? – спросил один из соседей-рыболовов.

– Нормальная.

От обоих несло тиной и рыбой, однако они спокойно собрались и отправились на процедуры.

Я снова стал мысленно пробегаться, как бы «подружиться» с нашим врачом. И план уже стал вырисовываться, но тут зашел Олег, переведенный в соседнюю палату – для среднего командного состава.

– Сев, ты сегодня писал что-нибудь?

– Нет еще, а что?

– Дай пока почитать. Никитин все равно только через пару часов придет.

«Да, точно, у меня же ее комполка хотел почитать взять!» – припомнил я.

– Да на, жалко, что ли? – достал я из тумбочки тетрадку и вручил ее Олегу. Тот присел на мою табуретку и углубился в чтение, буквально впитывая все мною написанное.

– Сев, а что это за рисунок? Вот, на последней странице?

– А, это истребитель истребителей. Я его так вижу. Предназначен для завоевания господства в воздухе.

– ...для завоевания господства в воздухе, – как зачарованный повторил он за мной, не отрываясь от рисунка Ла-5.

– Товарищ старший сержант, вас в штаб вызывают, – заглянул к нам в палату боец.

– Игорь, что нового слышно? – спросил Олег.

– Говорят, завтра передислоцируемся на другой аэродром, – ответил тот, понизив голос.

– На запад?

– Нет, товарищ старший лейтенант, на восток.

– Давай, боец, веди меня, – сказал я, красноармейцу прерывая беседу.

– Олег, убереешь потом обратно? – спросил я у него, имея в виду тетрадь, что он держал в руках.

– Хорошо, – кивнул тот.

То, что тетрадь не пропадет, я был уверен на все сто, так как точно знал – штурман работает на Никифорова, который наверняка не только изучил мои заметки вдоль и поперек, но и переписал.

– Сева, привет, – встретился нам на выходе майор Запашный, командир истребительного полка. Тот самый, который на найденном мною «ишачке» летает.

– Добрый день, товарищ майор, – ответил я, вытягиваясь, как и боец-проводной, только он еще и честь отдал, а у меня головного убора не было.

– Я твой дневник возьму? Мне интересны твои мысли об использовании «чаек» как штурмовиков, хотим переоснастить четыре машины подвесками с эрэсами и попробовать при штурмовке прочесать немецкие тылы.

– Берите, конечно, товарищ майор, его как раз Олег изучает.

– Опять он первый ухватил, ладно, я к нему тогда. Вечером верну.

Запашный был у меня в последние три дня частым гостем. Когда пришел за машину благодарить, увидел дневник и вцепился в него. Час рядом сидел, читал, потом каждый день приходить стал. Изучал. Причем не один, да и записи какие-то в свой блокнот делал.

Никитин встретил меня у штабной курилки. Заметив издали мои полосатые штаны и гимнастерку, наброшенную сверху, махнул рукой, подзывая.

– Боец, свободен! – скомандовал майор красноармейцу.

В курилке кроме комполка стояли комиссар и Никифоров. Начштаба не было.

– Суворов, тут такое дело. Ты в последнее время рядом с машиной капитана Кирьянова крутился?

– Ну да. Интересно же, товарищ майор. Представляете, оказалось, «пешку» создавали как тяжелый дальний истребитель, но переделали в бомбардировщик.

– И ты его изучал? – как-то отстраненно спросил Никитин.

– Изучал... с капитаном Кирьяновым, – пожал я плечами, с подозрением поглядев на собеседников.

– Поднять самолет в воздух сможешь? – поинтересовался Никифоров.

– Ну, как мне сказали, я пилот экстра-класса, летаю на всем, что летает.

– Капитан Кирьянов, как ты знаешь, погиб во время последней бомбежки, а нам нужно отправить разведчик. И кроме как «пешку», с ее мощной радиостанцией и скоростью, отправлять-то и нечего. Немцы прорвались, штабу фронта срочно требуются разведданные о силах немцев.

– А Лапин? – спросил я озадаченно, так как этот лейтенант успел с Кирьяновым сделать несколько учебных полетов.

– Лейтенант Лапин уже улетел. Связь мы сразу потеряли, как только он сообщил, что повстречался с «мессерами». Долететь до места прорыва он не успел. Так что лететь некому, «пешка» в единственном неповрежденном экземпляре есть, а вот лететь некому. Единственный вариант – это ты. Я был против, но это предложение... – не договорив, Никитин посмотрел на особиста.

– Я готов! – вытянулся я.

С пилотами на «пешки» действительно было швах, присланный инструктор, капитан Кирьянов, пробыл в полку всего три дня и погиб, так никого и не научив летать, кроме того же Лапина, хотя теоретическую учебу провести успел. Ребята старались, я тоже не отставал, когда удавалось сбежать из санчасти. Только, в отличие от их теоретических занятий, я «реально» летал на Пе-2. На симуляторе. Больше сорока часов налетал. А чего зимой делать? Вот и тренировался. Конечно, больше на истребителях, но и бомберы вниманием не обделил. Так что в себе был уверен, несмотря на задачу. «Пешка» в пилотировании удивительно сложный самолет. Хотя я «летал» на образце сорок четвертого года, а не сорок первого, но считал, что справлюсь – приборы с небольшими изменениями были те же.

– Точно справишься? Кирьянов, конечно, о тебе хорошо отзывался...

– Товарищ майор. На транспортном «Дугласе», который я до этого в глаза не видел, летал, и ничего, а тут бомбовоз какой-то, справлюсь, не волнуйтесь.

А вот тут после моих слов Никифоров буквально встал в стойку.

– «Дуглас»? – спросил он.

– Ну дали над аэродромом полетать, что тут такого? – отмахнулся я.

– Да, действительно, политрук. Выбора все равно нет. Вылет через двадцать минут. Штурманом пойдет Никифоров, он имеет опыт, а бортстрелком – сержант Степанов. Ясно? – сказал вдруг молчавший до этого комиссар. Видимо, у них действительно не было выбора, кому лететь. Но вот посылать пилота, о котором они ничего не знают, тоже о-о-очень странно.

– Ясно.

– Все свободны, через пятнадцать минут сбор у самолета Кириянова, он один тут после бомбардировки в порядке.

– Ясно. Разрешите выполнять?

– Да беги уже, – улыбнулся он.

Собрался я быстро, пока парни расспрашивали, куда меня отправляют, натянул собственноручно ушитые солдатские галифе, гимнастерку с орденом, проверил, на месте ли документы, застегнул ремень. Надел сапоги, повесил планшет и кобуру с маузером. Проверил, ровно ли сидит пилотка, и, выбежав из санчасти, чуть не сбив с ног Лютикову, успел мимоходом чмокнуть ее в губки и быстро удрать, пока не получил сдачи. Добежав до столовой, выпросил три плитки шоколада и буквально подлетел к самолету, уже выкатывающемуся на взлетную полосу.

У «пешки» стояло командование, пара механиков и мой экипаж. На Никифорова, уже закрепившего парашют, я глянул мельком, а вот на стрелка – более внимательно. Сержанта я видел в первый раз, так что попытался составить о нем личное мнение. Судя по упрямому подбородку, тот еще тип, а какой он в действительности, в воздухе увидим.

– Взлетаете по команде, – сказал Никитин.

Я в это время застегивал ремни парашюта, который мне помогал надевать один из незнакомых механиков, и только кивнул, после чего, пропустив вперед Никифорова, полез в кабину через нижний люк. Степанов уже занял свое место и с интересом крутил головой у одного из ШКАСов.

Подсоединившись к внутренней связи, я достал из кармана свои очки и надел их вместе со шлемофоном.

– Как связь, слышите меня? – спросил я.

– Норма, командир, – ответил штурман.

– Слышу хорошо, товарищ командир, – отозвался Степанов.

С помощью передвижного компрессора запустил сперва правый мотор, потом левый. Погоняв их на холостых оборотах, нетерпеливо посмотрел на Никитина. Тем более что Степанов как раз доложил:

– Товарищ командир, связь со штабом фронта установлена. Прием довольно четкий.

Как только майор резко махнул рукой, давая разрешение на взлет, я дал газу и стал разгоняться.

Оторвавшись от земли, убирал шасси и спросил у штурмана:

– Курс?

– Тридцать два.

– Поворачиваем, – сказал я бодрым тоном, хотя с меня градом тек пот. Машину я так и не смог почувствовать, не давалась она мне, и было впечатление, что долго ее не удержу.

– Как дела, командир? – спросил Никифоров.

– Плохие дела, товарищ политрук. Не чувствую я машину. Уже три минуты летим, на два километра поднялись, а машину я не чувствую! – Мне хотелось плакать: был такого мнения о себе, а тут такой облом!

Это самомнение я получил, пробуя летать на самых разных типах самолетов, и на первых же минутах сразу понимал, что и как можно с машиной делать. Чувствовал ее. Даже во время

авиашоу во Франции над аэродромом Серни-Ферте-Алле под Парижем в прошлом году на В-24 «Либерейтор», который мне разрешил пилотировать хозяин этого самолета. Так я почти сразу его «понял»! Несмотря на то что рядом сидел хозяин и с тревогой смотрел, что я делаю. Однако спор с дядей Жорой – что не справлюсь с бомбером – он проиграл. Мои возможности он знал хорошо, чем беззастенчиво пользовался.

– Возвращаться мы не можем... – начал было говорить Никифоров, но я досадливо перебил:

– Да не в этом дело! Я *пока* его не почувствовал, мне нужно время. Так что я сейчас буду делать небольшие маневры и виражи, вы внимания не обращайтесь, лучше за воздухом следите.

– Мы с курса сбились. Возьми на семь... это правее, – подсказал он.

– Знаю я, как ориентироваться, – пробурчал я, делая осторожный поворот направо.

Через некоторое время впереди показалась линия фронта. Благодаря дымам от горящей техники она была хорошо заметна.

– Курс семнадцать, – скомандовал Никифоров.

Повернув, куда он приказал, я внезапно для всех заорал:

– А-а-а! Есть! Чувствую машину!!! Чтоб ее... в... и...

– Командир, в чем дело?! – попытался докричаться через мой мат штурман.

– Я машину почувствовал!

– Все нормально? – осторожно спросил Никифоров.

– Норма! Все! Самолет мой! – И в подтверждение сделал бочку с выходом из пике.

– Командир, больше так не делай. Или лучше предупреждай, мы и так поняли, что у тебя все в порядке, – отчитал меня политрук под одобрительное молчание Степанова.

– Подходим к месту прорыва. Начинаем работу, – внезапно доложил штурман.

– Работаем, – ответил я.

Во время поворотов я внимательно осматривал землю, изредка отвлекаясь от наблюдения за небом. Особист постоянно бубнил, передавая данные о местоположении немецких и наших войск, количестве и вооружении. Честно говоря, что он там видел на изрядно задымленной земле, не понятно, но он не умолкал ни на минуту, при этом указывая, где и куда мне повернуть.

В километре от нас двенадцать «хейнкелей» бомбили наши войска, неподалеку висела «рама», от чего я крепко сжимал штурвал – так хотелось атаковать их.

– Командир, под нами мост и скопление войск. Штаб приказал разбомбить его, – сказал Никифоров, на миг прервав передачу данных.

– Ху...м, что ли?

Оба члена экипажа засмеялись.

– Нет. Думаю, вторым вылетом. Взять полную нагрузку и... Справимся?

– Не знаю, я истребитель. Не бомбил никогда. Попробуем.

Мы висели над войсками Вермахта еще минут тридцать, после чего ушли от места прорыва на юг, согласуясь со штабом фронта.

– Товарищ политрук, горючка на исходе, – сказал я особисту.

– Сейчас... Возвращаемся, нам дали разрешение.

Самое сложное – это посадка. К счастью, наблюдение за воздухом взяли на себя члены экипажа, так что отвлекаться мне не пришлось.

– Есть касание, – пробормотал я и стал притормаживать самолет, полностью убавив газ. Когда мы подкатили к месту стоянки, где нас уже ждали топливозаправщик, машина с бомбами и механики, я дал газу, лихо развернулся и заглушил моторы. От штаба к нам пылила полуторка с командованием.

Я последним вылез из машины и встал под ветерком, который остужал мое разгоряченное тело. Гимнастерка, вся в пятнах пота, стала слегка холодить тело. Сильно зачесалась спина, там, где рана. Потянувшись, я под гудение нагнетателя бензовоза и шум бензиновой струи, льющейся в бак, сказал присевшему рядом на снятый парашют Степанову:

– Хорошо-то как!.. Слушай, а нас кормить будут? А то есть охота.

– Не знаю, товарищ старший сержант.

– Будут, товарищ старший сержант, столовую предупредили... да вон уже несут! – потопился обрадовать один из ползающих по самолету механиков.

И действительно, от столовой к нам быстрым шагом, даже можно сказать трусцой, спешили две официантки с термосом и корзиной.

Особист вместе с фотоаппаратом убежал в штаб, оставив у машины капитана Смолина. Переговорив для начала с механиками, тот направился к нам.

– Так, товарищ старший сержант. Теперь составляем рапорт о вылете. – На свет появился лист бумаги.

Вздохнув, я встал и, используя крыло как стол, согласуясь с капитаном, быстро накидал черновик.

– Нормально. Теперь набело.

Покончив с рапортом, отдал его капитану. Тот прочел, посмотрел на меня озадаченно, что-то добавил и поставил свою подпись.

«По-русски же писал, что это он так на меня посмотрел?» – подумал я, глядя, как начштаба неторопливо шагает через поле.

– Кушайте, товарищи летчики, – раздался позади девичий мелодичный голосок.

– Что у нас сегодня, Любаш? – спросил я у знакомой официантки.

– Вареники.

– Вишневые?

– Нет, товарищ летчик. С творогом.

Вернувшийся без фотоаппарата особист присоединился к нам. Быстро пообедав, мы снова заняли свои места и, получив разрешение, пошли на взлет.

– Ну ни хрена себе!!!

– Что? – спросил особист.

– Да как ей управлять теперь?! Мы сколько взяли?

– Так механик же говорил...

– Да, говорил, что полную, а сколько это?

– По две двести пятидесятих на внешних держателях и шесть соток во внутреннем бомболоке.

– Тысяча шестьсот?!

– Да.

– Я-то думаю, что это мы так долго оторваться не могли!

– Все нормально?

– Да в принципе норма. Но все равно маленько не по себе.

– Курс шестнадцать, – выдал штурман, когда мы поднялись на три тысячи метров.

При подлете к мосту мы внимательно обшарили глазами небо.

Чисто, только «рама» вдали.

– Сперва бомбим, потом пикируем. Веди, – принял я решение.

– Я Сокол-семнадцать, вышли на цель... – забубнил в рацию Никифоров.

– На боевом!

«Блин, и свернуть нельзя!!!» – подумал я, когда буквально в десяти метрах под нами вспух очередной разрыв снаряда. Немецкие зенитчики не спали.

– Сброс!!! – заорал Никифоров, и почти сразу «пешка» скакнула вверх, освободившись от груза.

– Ну что там? – спросил я нетерпеливо, уходя противозенитным маневром.

– Падают... падают... Пока еще пада... Есть!!!

– Ну???

– Да не видно ни зги! Пыль одна... Сейчас... Черт! Мост цел! В скопление войск попали рядом с берегом, горит там что-то.

– «Мессеры» заходят с солнца! – вдруг закричал Степанов.

Смело повернувшись в ту сторону, я, чуть прищурившись, посмотрел на две пары немцев, которые с высоты падали на нас.

«Отлично подготовленная и исполненная атака. На пять баллов! Однако еще далековато, уйти мы не успеем, но вот спикировать – это да. Успеем!» – подумав так, дернул «пешку» вправо, вводя в пологое пикирование.

– Парни, держитесь, пикирую на мост! – закричал я, положив палец на кнопку сброса бомб.

Надрывно загудели так хорошо мне знакомые по симулятору моторы.

– А-а-а. Н-на! – выдохнул я, выводя машину из пике. – Стрелок, что там?

– На второй заход идут, – отозвался Степанов. – Первый раз они промахнулись, слишком резко мы вниз ушли.

– Щас на пары разобьются и снова атакуют. Штурман, что там с мостом?

– Две легли на мост рядом с берегом, метров на тридцать моста нет. Всю технику, что на нем была, снесло, да и другие пролеты покорило. Две остальные упали на берег. Мост поврежден, и сильно. Но лучше бы в середину попасть было.

– Ну спасибо! Я вообще на этом аппарате второй раз лечу, а вы от меня что-то хо...

– Немцы атакуют! – прервал наш спор Степанов, его пулемет стал огрызаться короткими очередями.

– Сейчас посмотрим, что это за тяжелый истребитель! – сказал я и, виражом увернувшись от первой, пошел в лоб второй паре.

– Я пустой! – устало выдохнул я, уворачиваясь от очередной атаки одного из «худых».

Этот нелегкий бой научил их осторожности. Два неосторожных догорали в бурьяне, подошедшая восьмерка «мессеров» не стала атаковать, а с интересом наблюдала наш бой с оставшимися двумя немцами.

– Я тоже все до железки! – откликнулся Никифоров.

У стрелка патроны закончились еще раньше.

– Что же они не атакуют? Все кружатся рядом, – спросил особист, глядя на «мессеры».

– Что-то замышляют, – ответил я, тревожно крутя головой. В это время рядом пролетела пулеметная очередь, из-за чего мне пришлось дернуть штурвал, поворачивая всю избитую «пешку» в сторону немецкого тыла.

– На свой аэродром гонят, поняли, что мы пустые, – хрипло сказал Степанов.

– Похоже, что так. Только я сомневаюсь, что долетим. Левый мотор вот-вот заклинит, уже дымит. Слушай, бортстрелок, а что у нас с рацией?

– В начале боя еще разнесло, так что связи нет, – откликнулся он.

– Понятно. Жопа, значит.

– На их аэродром я идти не хочу! – решительно заявил Никифоров.

– Да, а я хочу? Смотри, как нас эскортируют. Целых восемь «мессеров». Думать надо.

– Да что тут думать?! Прыгать! – выдал предложение Степанов.

– Да какое там. Со злости в воздухе расстреляют, – отмел я этот вариант.

– Смотри-ка, справа к нам один подлетел, что-то руками показывает, – вдруг сказал стрелок.

Повернувшись в ту сторону, я увидел, что «ганс» с улыбкой показывает на нас и на землю.

– Вот гад, еще и издевается! – возмутился особист.

Вспомнив так некстати «Хроники пикирующего бомбардировщика» и подивившись похожести сюжета, я сделал то же самое, что и пилот в кино. Показал на себя, на землю, потом фигу немцу. Ухмыльнувшись, тот ушел вверх.

Перед глазами продолжали стоять кадры из фильма, как летчики, которых привели на немецкий аэродром, бросили свою «пешку» на самолеты врага.

Но я не такой. Эти парни – настоящие герои, да, это так. Но я другой и погибать не хочу. Я врага хотел бить и жить. Да, жить, и сейчас судорожно искал выход из создавшейся ситуации.

Прибавив газу поврежденному движку, отчего он затрясся и задымил сильнее, я крикнул, как только мотор выбросил густой клуб дыма и появились языки пламени:

– Парни, есть идея! Держитесь крепче, мы пада-а-а-е-е-ем!

Летели мы на тысяче метров, поэтому мне пришлось использовать все свое искусство, чтобы вывести «пешку» из штопора на пятидесяти. Сбив носом верхушку березы, просевшая машина, ревя одним мотором, понеслась над лесом. Место для посадки, которое я разглядел, с высоты выглядело зеленым лугом у реки.

Выпустив закрылки, убавил газ и стал планировать, сбрасывая скорость. До опушки, где находился луг, оставалось метров сто, когда Степанов крикнул:

– Немцы с двух сторон заходят!

В это время лес кончился и под нами появилась сочная зеленая трава луга.

Отдав штурвал от себя, опустил «пешку» пузом на траву. Корпус затрясся на кочках так, что щелкали зубы. Справа и слева от нас в фонтанах грязи врезались снаряды пушек, несколько попали в левое крыло. Луг оказался заболоченной частью реки, и мы, разбрызгивая воду и куски торфа, неслись по ней, скользя на брюхе. Немцы после промаха ушли в набор высоты, чтобы снова атаковать. Похоже, мы сильно их разозлили.

– Держитесь, берег!!! – заорал я и уперся ногами в приборную панель. Было тесно и трудно, но управился за какие-то секунды.

В это время «пешка», проскочив болото, вылетела на открытую воду, подняв большой бурун, форсировала стометровую речку, врезалась в противоположный берег и взлетела по четырехметровой пологой песчаной круче вверх. Где и замерла хвостом в воде. Посмотрев на толстый ствол дуба, росшего в полуметре от разбитого носа бомбардировщика, я быстро скомандовал:

– Покинуть машину!

Сзади завозился особист и послышались щелчки пряжек. А вот у меня одну, похоже, заклинило.

– Твою мать!!!

– Что? – спросил Никифоров, откидывая фонарь.

– Ремень, бл...! О! Есть, отстегнул! – Я одним рывком вывалился из кабины на крыло, но не удержался на нем, а скользнул вниз и покатился по круче в воду. Когда вынырнул, ища дно ногами, увидел катящегося прямо на меня особиста. Рядом послышался шум падения – Степанов тоже выбрался из дымящейся машины.

– Ныряем, «мессеры» заходят! – успел я крикнуть обеим головам.

Пропитавшийся водой парашют резко потяжелел и стал тянуть меня на дно, пришлось его срочно скидывать. И как раз в это время послышались оглушающие удары по железу и по воде.

Оттолкнувшись от дна, я добрался до берега. Рядом отфыркивался Никифоров, а вот Степанова видно не было. Пришлось нырять за ним.

Повезло: рука сразу опустилась на его плечо, осталось только покрепче вцепиться в гимнастерку. Рывком приподняв сержанта над водой, мы с Никифоровым вытащили Степанова на берег, где он судорожно выплевывал воду, которой успел наглотаться. Подхватив его под руки, мы поднялись на кручу и скрылись среди деревьев.

– Скидывай парашют, он из-за него тяжелей стал в два раза.

Освободив сержанта от намокшего парашюта, мы присели кто где стоял. Степанов, продолжая тяжело дышать и кашлять, проговорил:

– Спасибо... вам! Я уж... думал... все, отлетелся...

– Да не за что. Блин, все промокло! – расстроенно сказал я, вынимая все бумаги и раскладывая их, чтобы просушить. Достав заодно шоколад, я одну плитку убрал, а остальные две разделил. Одну нам с особистом пополам, другую – Степанову.

– Ешь-ешь. Ты и так на ногах еле стоишь. Сейчас побегать придется, силы нужны будут, – сказал я, заметив, что он хочет отказаться от большей доли.

Закончив с вещами, принялся стягивать с себя одежду, бормоча:

– Хотел ведь сегодня искупаться сбегать, но никак не думал, что это произойдет так.

На относительное приведение себя в порядок у нас ушло минут пять: раздеться, отжать одежду, назначить ее условно сухой и натянуть опять. И пожалеть об оставшемся в сожженном немцами самолете НЗ...

– Уходить надо. Наверняка наземным войскам сообщили о нас.

«Хотя сейчас не середина или конец войны, могут и рукой махнуть. Но все равно лучше перебдеть!»

– Ну как вы? Бежим? – спросил я, укладывая вещи обратно в планшет и карманы.

– Ты куда? – с подозрением поинтересовался Никифоров, заметив, что я собираюсь бежать на запад.

– Туда.

– Нам в противоположную сторону надо. На восток.

– До фронта шестьдесят километров пешком топать? Да ну, товарищ политрук! Тут до немцев километров восемь осталось. До аэродрома, я хотел сказать.

– У тебя есть какое-то предложение? – нахмурившись, спросил особист.

– Ну да! Идем на аэродром, выбираем самолет, который готовится к взлету, и...

– Думаешь, получится?

– Год назад «мессер» у них угнал, и ничего, стреляли, конечно, вслед... Да ладно, давно это было.

Сказал я это не просто так. В санчасти давно уже обдумывал, за кого себя выдать – за советского-то не получится. Из-за незнания жизни в это время спалюсь на мелочах. Поэтому оставался единственный выход – эмигрант из Франции, благо по-французски балакаю чисто. Сирота, родители погибли во время бомбежки при захвате немцами Франции. По мелочам еще не продумывал, но основную версию выработал и даже заучил. Но главный ответ – родители погибли, сирота, начал новую жизнь, про старую не спрашивайте, не скажу. Где-то так.

– Очень интересно, а вам не кажется, ТОВАРИЩ старший сержант, что нам надо поговорить?

– О чем? – я сделал вид, что не понимаю.

– О жизни. Так, Степанов, а ну-ка отойди метров на сорок.

– Товарищ политрук, сейчас тут немцы будут, а вы все о своем. Бежать надо, и быстро. К тому же я все равно ничего не скажу!

– Это еще почему?

– У меня новая жизнь. Старой нет, все, – развел я руками.

– В полку поговорим. Так, насчет твоего плана, самолет угнать сможешь?

Я только возмущенно фыркнул в ответ.

– Товарищ политрук, побежали, в полку через два часа ужин. Пельмени. Мне Люба сказала.

– Хорошо. Вперед.

И мы побежали. Степанов довольно быстро запыхался, и нам приходилось то и дело переходить с бега на шаг.

– Очкиними. Бликуют, – подсказал Никифоров.

– Ах ты черт, я про них совсем забыл! – досадливо ответил я, стянув со лба очки и убирая их в карман галифе.

К аэродрому мы вышли со стороны леса. И судя по тому, что тут была натянута тревожка в виде проволоки с консервными банками, не первые тут оказались. Да и пулеметные гнезда, где дежурили пулеметчики, навевали сомнения в нашем плане.

– Банки-то, наши, – тронув одну, тихо сказал Степанов.

– Угу. Похоже, тут наш аэродром был, вон, где здания, разбитая «сушка» лежит.

– Там еще зенитная пушка, – указал рукой особист на мелкокалиберную зенитку.

– Уходить надо, – буркнул Степанов.

– Согласен, ничего не получится, охраняют тут крепко.

– Ну да, если шумом и стрельбой, то, конечно, хрен они нам что сделать дадут, но я про это и не говорил.

– По-тихому? – поинтересовался особист.

– Ага. Видите, во-о-он там транспортник стоит, в который мешки грузят из машины? Заметьте, он готов к взлету, моторы уже запущены. Значит, в течение пятнадцати минут он взлетит. Если по-быстрому пробежим по лесу и выйдем вон там, то можно по-пластунски добраться до него. А уж там...

– Попробуем, все равно другого выхода нет.

– Да. Жаль, что мы не в летных комбинезонах, временно, пока близко не подошли, можно было прикинуться своими, но в гимнастерках, мне кажется, это вряд ли получится. Ладно, чего ждать, побежали.

И тут случилось то, на что я никак не рассчитывал, даже не задумывался. Мы встретили своих. Буквально выскочили на них.

– Стоять. Хенде хох! – тихо выдохнул сержант-пограничник, держа меня на прицеле карабина, так как я бежал первым. Под его ногами лежали два тела в знакомой серой форме. Видимо, патруль.

– Свои, мать твою... .. – От испуга я загнул такой коленец, что даже сержант заслушался, однако карабин не опустил, продолжая держать меня на прицеле.

– Кто такие? – послышался вопрос справа: из-за куста выглянул лейтенант тех же войск.

– Летчики сбитые. Ребята, там транспортник под парами, мы его угнать хотим. Не успеем, если вы нас задержите. Слышите, моторы у него гудят?

– Подожди, а там места много? – спросил быстро лейтенант.

– Ну, его грузят, вес неизвестен, а что?

– У нас шесть раненых. Возьмете?

– Захватить поможет – возьмем, – ответил вместо меня особист.

Мы успели. Как это ни странно, но мы успели. Или немцы задержались? Не суть. Пограничники, пользуясь тем, что их скрывает высокая трава, подползли к самолету и взяли в ножи не только солдат-грузчиков, но и пилотов, куривших у хвоста.

«Повезло, что, похоже, они только заняли эту площадку, день-два, не больше, а то так бы легко не было. И вообще, где они все? А! Время же ужина! То-то я смотрю, народу мало!»

– Вперед! – скомандовал лейтенант, и мы поползли к транспортнику, волоча носилки. Захватившие самолет бойцы, пользуясь тем, что от остального персонала аэродрома они

закрыты корпусом «юнкерса», занялись разгрузкой. Когда мы подползли, они уже освободили салон и дали нам возможность попасть внутрь.

– Товарищ политрук. Самолет пустой. Мы можем взять их всех, – прокричал я в ухо Никифорову, помогавшему грузить раненых.

– Веса хватит взлететь?

– На пределе, но думаю, взлетим, их же всего семнадцать с ранеными.

Пока шла загрузка, я пробрался в кабину, вытащил из кресла труп немецкого летчика, скинул на гофрированный пол и показал на него одному из пограничников.

С приборами разобрался быстро, так как, летая на «мессере», был вынужден запомнить все надписи.

– Ну как? – втиснулся ко мне Никифоров.

– Норма. Жду, когда дадут разрешение на взлет.

– Чего?!

– Да шучу я. Все сели?

– Да.

– Тогда полетели!

Включив динамик салона, я четким дикторским голосом произнес:

– Уважаемые товарищи военнослужащие. Авиакомпания «Люфтганза» выполняет внеплановый чартерный рейс с аэродрома номер один на аэродром номер два. Командир корабля и экипаж просят вас воздержаться от курения на борту и пристегнуть привязные ремни.

Мой пассаж был встречен смехом и улюлюканьем, хорошо различимыми через открытую дверь.

Рева моторами, транспортник стал разгоняться по полосе, однако какого-либо беспокойства среди немцев это не вызвало, кроме того, что меня стали ругать по рации.

Показав пальцем на наушник сидящему на месте второго пилота особисту, продолжил взлет.

Когда шасси оторвались от полосы, Никифоров что-то забормотал в микрофон, явно успокаивая дежурного.

«Ого, он еще и по-немецки говорит!» – подумал я, наращивая скорость. Летели мы на запад, а как только аэродром скрылся из виду, развернулись по большой дуге на восток.

– Товарищ политрук, что там с курсом?

– Сейчас... – Слышимость в наушниках была просто изумительная по сравнению с нашими, так что болтать можно было спокойно, не напрягая связки.

Набрав полную скорость, я на бреющем полетел в полк.

Линию фронта мы пересекли спокойно, а вот при приближении к нашему аэродрому встретили пару «мессеров», недоуменно закрутившихся рядом.

– Странно. Они же должны были найти убитых, – сказал я особисту.

– В эфире этого не было. Я его внимательно слушаю.

В это время немцы наконец-то развернулись и отправились по своим делам, видимо, приняв нас за везущий диверсантов транспортник.

– Уф-ф, ушли!

– Не радуйся, посмотри на сорок пять, – обломал меня Никифоров.

К нам приближались три самолета, в которых легко опознавались «чайки». И я был более чем уверен, что они из полка Запашного.

– С нашими свяжитесь.

– Частоты не те, не получается.

– Вот, блин, попали! Они же сейчас нас атакуют!

– Садись!

– Что?

– Садись немедленно!!!

– Да понял я. Им, чтобы нас догнать, надо минуты две... Сколько нам до аэродрома?

– Минут десять.

– Тогда садимся. Вот дорога, где наша войсковая колонна идет, в поле и сяду.

Сбросив скорость и выпустив закрылки вместе с шасси, я стал планировать вниз. Бойцы, которые шли по дороге, сперва недоуменными фигурками застыли, глядя на нас, но потом бросились в поле, видимо, поняв, что мы собираемся сделать.

– Держитесь, сейчас будет трясти! – крикнул я в салон.

И не обманул, трясло нас преизрядно.

– Фу, сели... – Выступивший на лице пот заливал глаза. Пришлось снять очки и утираться рукавом.

В это время снаружи послышались крики – в основном матерный русский – и рев моторов. Когда я выбрался из салона, вокруг машины, уже сверкая улыбками, стояла толпа человек в триста, а лейтенант-пограничник что-то говорил. Прислушавшись, понял, что он в подробностях рассказывает, как мы захватили самолет у немцев.

Пехота была непуганая, шла к фронту, поэтому и встретила нас так спокойно. О немецких диверсантах они пока еще не задумывались.

Проведя рукой по волосам, я надел шлемофон, помахал «чайкам», делавшим очередной круг над нами, и подергал особиста за рукав:

– Товарищ политрук, к ужину опоздаем!

– Сейчас, нужно раненых вытащить.

– А зачем? Царица полей пехом идет, техники у них я не вижу. Лучше к нам, там хоть Лютикова.

– Думаю, что ты прав. Подожди, – быстро сказал он и направился к майору, командовавшему «взявшими» нас в «плен» бойцами.

«Чайки», сделав последний круг, улетели к себе, и Никифоров махнул рукой:

– Взлетаем!

К моему удивлению, пограницы тоже вернулись в салон, видимо, не желая бросать своих.

На аэродроме были в шоке, когда на их полосу нагло приземлился немецкий «юнкерс». «Чайки» только что сели, и персонал еще ничего не знал, так что к нам они бежали вооруженные чем попало. Один даже с поршнем в руке.

Поэтому, когда у остановившегося транспортника открылась дверца и оттуда выпрыгнул особист одного из полков, которого все знали очень хорошо, народ охренел.

После того как «юнкерс» замер и моторы заглохли, я просидел в кресле еще минут пять, отходя от того дикого напряжения, что было у меня за все время полета. Вздохнув, провел рукой по лицу вверх, сдирая заодно наушники. Повесив их на штурвал, отстегнул ремни и со старческим кряхтением встал. Последние пассажиры уже покинули салон, так что кроме пятен крови, пары мешков, что были использованы вместо подушек для раненых, и забитого в угол труп немецкого летчика, который так никто и не удосужился выкинуть, в салоне никого и ничего не было.

Посмотрев на маленькую желтую кобуру на поясе мертвого немца, хмыкнув, быстро содрал ее и сунул в карман галифе, затем, подхватив один из маленьких мешков с отчетливо шуршащей внутри бумагой, вышел на свежий воздух. В это время как раз отъезжали две полуторки, куда погрузили раненых, и мое появление прошло незамеченным.

– Да ты весь мокрый! – удивился сидящий под крылом Степанов. Вокруг бурлил народ, так что я не очень четко разобрал слова, но смысл понял.

– Товарищ старший сержант, а как?.. Расскажите, откуда это? – развел руками один из бойцов БАО в звании сержанта. Насколько я помню, он был оружейником в нашем полку.

– Рассказать? Ну слушайте. – Я закинул мешок обратно в самолет – вдруг там что важное.

Понемногу к нам стали подходить люди, прислушиваясь ко мне. Особист сразу скрылся с глаз с командованием полка, по бледному виду Степанова было件нятно, что многого он не расскажет, так что отвечать, то есть отдуваться, пришлось мне.

– Значит так. Вылетели мы на бомбежку. Отбомбились нормально, мосту конец пришел, а тут раз – и двадцать «мессеров»! Степанов кричит: «Со стороны еще тридцать заходят!» Но я же истребитель, хоть и на бомбовозе. Поэтому развернулся и атаковал их. Первого сбил, второго. На вираж – и еще сразу четверых. В общем, всех сбили, но один летит. Я подлетаю, на гашетку нажимаю, пулеметы молчат. Патроны кончились. Тогда я его крылом *бац* по хвосту!

– И что? – спросил один из «черных духов» с улыбкой – люди сразу поняли, что я заливаю, но слушали с интересом.

– Хвост в щепки, но летит, зараза. Тогда я пропеллером левого мотора по крылу...

– И-и-и? – не выдержал все тот же. Среди толпы слышались смешки.

– Крыла как не бывало, но летит!.. – развел я руками. – Тогда я крылом по фюзеляжу...

– Ну и-и-и?

– Фюзеляж вдребезги, немец на моторе сидит, как-то управляет, но летит!

В толпе слышался откровенный смех. Кто-то отчетливо сказал:

– Во заливает! Ну, комик, ему бы в артисты!

– Тогда Степанов говорит: «Командир прижмись к нему, я сейчас!» Ну я крыло подвел к немцу. Смотрю – Степанов вылез наружу и с сапогом в руке по крылу к немцу ползет. Подполз, *бац* ему сапогом по голове, ну тот вместе с мотором в пикирование и в землю врезался. Вот так вот храбростью и находчивостью сержанта Степанова и был сбит пятидесятый «мессер». Ну а пока мы гнали последнего немца, оказалось, что забрались далеко в тыл к немцам, только хотели было развернуться, как тут опять «мессеры» налетели... э-э-э... м-м-м? – завис я на миг.

– Сто? Двести? – подсказал чей-то голос.

– Двести? Чего врать-то? Сто пятьдесят было. Окружили они нас. Ну, я думаю, все, будем принимать последний бой, только собрался броситься на таран, как горючее кончилось, и мы в пике и врезались в землю.

– Разбились? Насмерть?

– Не-е. В болото упали. Вылезли, а куда идти?

– И куда?

– Тут мы вспомнили, что рядом есть немецкий аэродром, и мы туда. Прибегаем – немцев на нем видимо-невидимо! Ну я роту охраны схватил левой рукой, правой колочу им по мордасам. А сам кричу экипажу: «Захватывайте самолет, а то улетит сейчас!» Смотрю, а тот действительно на взлет пошел, тут наши подбегают и за хвост его держат. Ну я с охраной разобрался, стволы у пулеметов и пушек в узел завязал и побежал на помощь. В общем, выкинули мы немцев из самолета и домой полетели.

– А пограничники?

– А-а-а, э-э-э?.. А!!! Так летим мы, значит, смотрю – внизу наши идут и рукой машут. Подвези, мол, ну а мы что? Не русские, что ли? Подобрали, и вот здесь. Кстати, а ужин был уже?

– Был-был. Если поторопишься, то успеешь, столовая собирается – и на машины. Перелдислоцируемся мы.

– Ну я побежал тогда... – И действительно побежал.

Заскочив в санчасть, подхватил свой сидор, сунул в него очки и, закинув на плечо, отмахавшись от соседей по палате, тоже собиравшихся, помчался в столовую.

– Теть Вер, как насчет поесть?

– Ой, матушки! Суворов! Ты же с вылета не вернулся, говорили, вас немцы сбили! – всплеснула руками повариха в столовой.

– Сбили-сбили. Так как насчет поесть?

– Только холодное оста...

– Да мне пойдет. Там еще особист и сержант Степанов не кормленные.

Мне наложили холодных пельменей, которые я стал с урчанием поедать. Минут через семь пришел Степанов и присоединился ко мне. Никифорова не было, но одна из официанток унесла куда-то судок.

Когда я почти закончил и пил чай с вареньем, в столовую вошел капитан Смолин.

– Суворов, а кто за вас рапорт писать будет?

– Сейчас, товарищ капитан! – кивнул я и, вытерев руки салфетками, взял карандаш.

– Пиши только правду, а не то, что ты у «юнкерса» заливал.

Капитан внимательно читал все, что выходило из-под моей руки. Кое-где делал пометки на черновике, но молчал.

– М-да. Покрутило вас. Двух сбили?

– Да. Один – я. Другой – Степанов.

– Понятно, их трудно будет провести по бумагам, но попробуем. Пиши теперь чистый лист.

Переписав все набело, я отдал рапорт начштаба, который, внимательно прочитав, расписался, достал из кармана печать и, хэкнув на нее, прижал к листу.

– Через полчаса вылет. Ты летишь на «юнкерсе», его уже заправляют и грузят имуществом. Раз нам достался такой подарок, то грех не воспользоваться такой возможностью.

– Товарищ капитан, а мой истребитель?

– Ах да. Совсем забыл. Мотор привезли, но поставить не успели, так что твой ЛаГГ вместе с мотором и горючим погрузили на две освободившиеся машины и готовят к эвакуации.

– Ясно, товарищ капитан. Спасибо.

Кивнув, Смолин развернулся и вышел из столовой. Допив холодный чай, отдал стакан и блюдо с вареньем Любаше и побежал в санчасть. Лютиковой, когда собирался, не было, видимо, возилась с ранеными, и сейчас я надеялся застать ее.

– Можно? – спросил я, заглядывая в ее кабинет. Марина была там, собиралась.

– Суворов? Что-то случилось?

– Нет, товарищ военврач. Вот подарок вам, лично снял с тела немецкого летчика, – сказал я, протягивая желтую кобуру.

– Это с которого? Не с того ли, который на моторе летел? – спросила она с любопытством.

– Ну вот зачем так меня оскорблять? Нет, оружие того летчика у Степанова. Это с пилота «юнкерса».

Подарок она приняла, но от попытки обнять ее и поцеловать ловко увернулась. Однако не стукнула, и это обнадеживало, поэтому я, выходя, обернулся и твердо сказал:

– А ведь все равно вы будете моей! – и выскочил, увернувшись от брошенной склянки, которая звонко разбилась о дверь.

За время, пока обедал, салон вымыли и привели в порядок. Тела немецкого летчика, как и мешков, не было, зато везде лежали папки, ящики и другое имущество. Только лавки по бокам были свободны – судя по посадочным местам, со мной летят еще и десять пассажиров. Прикинув грузоподъемность, только вздохнул: взлетать мы будем на пределе. Как всегда.

Выпрыгнув из «юнкерса» на землю, осмотрелся. Вдали формировалась автоколонна, где-то там был мой ястребок. Степаных уже подбегал, доложил об эвакуации, так что тут я был спокоен.

От санчасти в моем направлении потянулись раненые с личными вещами в руках. Последней шла Марина, неся два чемодана. Увидев ее, побежал навстречу и перехватил груз. Судя по звяканью и тяжести, там были медицинские препараты. Шедшая рядом санитарка тетя Галя несла что-то из медицинского оборудования.

– Вы что, со мной?

– Да. Смолин приказал грузиться, он, кстати, с нами летит, – ответила Лютикова.

– Понятно. О, наши к взлету готовятся. Четыре аппарата осталось. М-да.

Бомбардировщики поднялись в воздух и в сопровождении одиннадцати «чаек», оставшихся в истребительном полку за последние дни горячих боев, направились на новый аэродром под Могилевом.

– Заводи! – издали махнул рукой Смолин. Посмотрев, как он трусцой бежит к самолету, я залез в салон и, протиснувшись между пассажирами, добрался до кабины. На старте стоял «ишачок» Запашного с крутящимся пропеллером. Вот он взревел мотом, стронулся с места и пошел на взлет.

Все три двигателя уже ревели, прогреваясь, когда Смолин сел на место второго пилота и, надев наушники, спокойно сказал:

– Можно взлетать. Майор Запашный будет нас сопровождать.

«Ишачок» к этому времени, крутясь над аэродромом, набирал высоту, явно собираясь прикрывать нас.

Выведя «юнкерс» на начало полосы, дал газу и повел транспортник на взлет.

Путь до нового аэродрома был спокойным, где-то сбоку мелькали чьи-то самолеты, но нас они то ли не видели, то ли не обратили внимания, так что долетели мы без проблем. После посадки быстро стемнело, но новое место оказалось подготовленным. К моему удивлению, и полк Запашного тоже передислоцировался с нами, так что мы селились фактически в соседние землянки. На аэродроме никого не было, даже охраны, так что пришлось выставить ее из летчиков и членов экипажа. БАО ожидался нескоро.

Меня опять определили в санчасть, так что караульная служба не грозила. Как и остальным раненым.

Аэродром располагался у города Шклов на краю большого лесного массива. Землянки были вырыты на расстоянии ста метров от опушки и вполне могли уберечь от бомбардировок. Да и поле отлично подходило для ВПП, я уже убедился в этом, посадив тяжелый транспортник, который на следующий день угнали куда-то в тыл.

Пощипанная автоколонна нашего полка пришла после обеда следующего дня, другие встретили это событие радостно, а вот у меня возникли новые проблемы.

Очередная почищенная картофелина полетела в таз с водой.

– Товарищ старший сержант, вы потоньше чистите, а то смотрите, какая кожура толстая, – учил меня молоденький боец, тоже, как и я, получивший наряд вне очереди. Только один, а не два, как я.

– Боец, я картошку в первый раз в жизни чищу, что ты хочешь? За один наряд не научишься.

– Ничего, товарищ старший сержант. Пять нарядов, и научитесь, я же научился.

– Спасибо, обрадовал. Мне и двух нарядов вот так хватило, да еще и шагистики Страхова.

– Да, старшина – зверь. Вот у меня никак не получалось поворот налево, так он меня за полдня научил.

– Что? Тоже хворостиной по ногам стегал? – спросил я после очередного бульканья. Гора нечищенной картошки понемногу уменьшалась, а таз наполнялся.

– Ага.

– Ну что, молодцы, почистили?.. Так, половину я на борщ забираю, а вы продолжайте, – сказала тетя Вера и, подхватив ведро с результатами нашего труда, ушла в столовую.

– Товарищ старший сержант...

– Ну чего тебе еще, боец?

– А за что вам второй наряд влепили?

– За то же самое.

– А?

– Спросил, за что, – пояснил я, бросая в ведро очередную картошку и беря следующую.

Нож я использовал свой, тот самый, снятый с поляка. С первого человека, которого я убил. Мне нравилась удобная рукоятка и возможность пальцем придерживать лезвие.

Эти наряды, что я получил позавчера, были, на мой взгляд, странными. Ну обратился я не совсем по уставу к командиру. Одно дело – уставы будущего, которые я более-менее знал, другое – образца сорок первого, который со скуки пробежал, когда была возможность. Не знаю, виноват ли тут наш особист, пропавший три дня назад, – с того момента, как он вылез из «юнкерса», я его больше не видел. То ли действительно довел командира. Да и просьба-то была обычная – допустить меня к полетам, в связи с тем что чувствую себя хорошо, да еще мой ЛаГГ починили и провели все тестирования. Однако командир мгновенно вспылил и отправил меня на работы и занятия шагистикой у местного «зверя» по этой части – старшины Страхова. Проще говоря, влепил наряд, потом второй. В общем, создалось такое впечатление, как будто меня изолировали.

Закончив с картошкой, подхватил ведро с грязной водой и, отойдя от землянки, рядом с которой стояла наша походная кухня, широким жестом вылил воду. В это время мое внимание привлекло гудение моторов небе. Гул был незнакомым, такой я еще не слышал, поэтому, поставив ведро на землю, направился к опушке.

Там стояли несколько командиров и смотрели в небо, где шла тридцатка самолетов.

– Вроде немцы, – обратился один из них ко мне.

– Да. «Дорнье», – ответил я, опознав силуэт. Опустил голову, снова посмотрел на небо и с чувством добавил: – Твою-ю-ю ж-ж-же-е мать, а?!

И было отчего. Вопрос прозвучал на французском, ответ – на нем же. Меня банально подловили. Посмотрев на ухмыляющегося парня, я увидел рядом и Никифорова. А из стоящей неподалеку «эмки» вылез майор – нет, не майор, а дивизионный комиссар, я спутал ромбы со шпалами, да и нарукавные знаки не сразу разглядел – и направился к нам.

Поскольку головного убора на мне не было, честь комиссару я не отдал.

– Ну что, гражданин Суворов? Пора поговорить?

– Пойдем поговорим, – вздохнул я.

Меня как-то быстро обхлопали, извлекли нож из-за голенища и повели вслед за комиссаром, уверенно направившимся куда-то в глубь леса. ЗАП, что стоял тут до нас, неплохо все оборудовал, понятное дело, была и землянка для особиста. Она находилась отдельно от остальных, метрах в пятидесяти в стороне, и, судя по тому, как уверенно шел комиссар, он тут уже бывал. Заметив в стороне группу наших летчиков, я быстро сложил руки за спину и, повесив голову, продолжил идти.

Землянка оказалась большой, даже с перегородкой, за которой стоял топчан для особиста. Посмотрев на окна под самым потолком, дававшие не так много света, как хотелось бы, комиссар достал из кармана галифе спички и поджег фитиль, вставленный в расплюснутую гильзу из-под мелкокалиберного снаряда.

– Садитесь, – показал он мне на табурет перед сбитым из ящиков столом.

Кроме комиссара, меня, Никифорова и еще одного гэбиста в землянку больше никто не вошел.

– Я заместитель начальника политотдела фронта дивизионный комиссар Макаров. Теперь представьтесь и вы, гражданин. То, что вы не Суворов, мы выяснили еще неделю назад, как и то, что вы не являетесь гражданином Советского Союза.

Беседа была в доверительным тоне, поэтому я попробовал поддаться:

– Зачем вам это, товарищ дивизионный комиссар? Двадцать второго июня у меня началась новая жизнь, которая мне вполне нравится. Присягу я принял и сейчас служу в Красной Армии. Мне у вас нравится.

– Понимаешь, какое дело. Сейчас нужны громкие победы в воздухе, и ты на это дело подходишь как никто другой. Десять зарегистрированных сбитых, угон самолета у немцев, отлично проведенный разведполет. После первой победы над Минском начали было освещать, как ты заметил, твои победы, но выяснилось, что ты появился из воздуха. Вот и был приказ от начальника Военного Совета фронта выяснить о тебе все, пока попридерживая прессу. Вот мы и выясняем. Случайная оговорка об угоне самолета и твои незнания элементарных мелочей, которые знают все, кто живет в Союзе, дали понять нам, что ты, можно так сказать, эмигрант. Догадаться, откуда ты, труда не составило, была проведена проверка, и вот теперь хотелось бы знать. Ты кто?

Комиссар говорил спокойным, даже немного усталым тоном, меня даже потянуло все рассказать ему.

«Психологи, блин!» – подумал я и, задумчиво посмотрев на потолок, согласно кивнул:

– Я буду рассказывать, вы спрашивайте, если что.

– Хорошо.

Никифоров стал стенографировать за мной.

Тщательно выбирая слова и следя за языком, я начал рассказывать про «свою жизнь»:

– Отец у меня был из мещан. В четырнадцатом пошел добровольцем в армию. Три года воевал за Россию во Франции в одной из бригад, там получил офицерское звание. Когда началась революция, он тогда и остался вместе с другими офицерами во Франции. Отвоевал в Иностранном легионе, после чего женился на моей матери, она с семьей эмигрировала, там они и встретились. В двадцать четвертом родился я.

– Так значит, тебе действительно семнадцать лет?

– Да, два месяца назад исполнилось. Но для всех мне восемнадцать, а то еще выпрут куда-нибудь в запасной полк.

– Фамилия Суворов?

– Мама – один из дальних потомков знаменитого полководца. Суворов – фамилия бабушки.

– А настоящая фамилия? Не хочешь говорить? – спросил комиссар, заметив мое отрицательное качание головой.

– Семью я похоронил, не стоит их тревожить. Я же сказал: начал жизнь с чистого листа.

– Продолжай, – едва заметно улыбнувшись, сказал он.

– В двадцать втором, еще до моего рождения, вернулся из России дядя Женя, брат моей матери. Он за Колчака воевал, ранен был. Так вот жили мы не сказать, что богато, но на жизнь хватало. Когда отец заметил, что меня интересуют самолеты, то помог с этим. Так что с десяти лет вся моя жизнь связана с авиацией. Сперва планеры, потом легкие одномоторные самолеты, а вот когда с Испанской войны вернулся один знакомый дяди Жени, то вот тогда началась настоящая учеба.

– Что за друг?

– Военный летчик. Он летал на «мессершмиттах». Говорил, что имел семь сбитых, два из них – И-16. Он воевал с немцами, добровольцем.

– Фамилия?

– Жак Деверо, он погиб в небе Франции в сороковом году. Двух немцев сбил и сгорел в самолете.

Такой летчик действительно существовал. Я видел его фотографии на Стене героев, на аэродроме, где летал.

– Продолжай.

– Он учил летать меня. Техника воздушного боя мне давалась сразу, так что когда началась война, я был уже неплохим пилотом, как мне говорили, но кто пустит мальчишку в небо? Поэтому я устроился на военный аэродром в качестве чернорабочего. Что-то вроде «принеси, подай, иди на хрен, не мешай». За неделю до окончания войны на город, где мы жили, был налет авиации. Там находились части пехотной дивизии, артиллерия, в основном вот по ним и нанесли удар. Однако вылетевшие истребители атаковали их, и немцы скинули бомбы на город, не долетая до цели. Мои родители, младшая сестра погибли под этими бомбами. Они спустились в подвал, когда объявили воздушную тревогу, и погибли там. Бомба попала в дом, пробила крышу, пол второго этажа и разорвалась на первом, обрушив потолок подвала. Я почти неделю откапывал их, пока мы не достали тела. Врачи говорили, что они погибли мгновенно. Я месяц прожил рядом с развалинами, никак не мог поверить, что их уже нет. Там и нашел меня дядя Женья. Он воевал в бронетанковом полку, командиром автороты, пока не закончилась война. Неожиданно быстро закончилась. Он быстро настроил меня на нужный лад – нужно мстить. Поэтому мы стали вроде маков.

– Кем?

– Маки, макизары, французские партизаны. Хотя какие они партизаны? Плевок в сторону патруля – геройский поступок, а уж если мост поджечь, так диверсия на всю страну. Но мы были не такими, если уж диверсия, то так, чтобы... ух!

– Ясно, продолжайте.

– Эта тайная война продолжалась месяца три, пока нас не предали. Те кому, мы доверяли. Англичане, которые поставляли нам оружие, боеприпасы и снаряжение, сдали наш отряд. Я не знаю почему, так как не был допущен к подобным сведениям. Немцы практически полностью уничтожили отряд, но нескольким удалось уйти, в том числе и мне. Поездом я смог уехать в Польшу, где поселился у одной приятной вдовушки в Варшаве. А когда понял, что немцы концентрируют войска, то решил перебраться в СССР. И вот двадцатого июня я смог это сделать.

– Как именно?

– И смех, и грех, как говорится. К границе вообще подобраться было невозможно. Постоянные патрули, огромное количество войск. Я там почти неделю лазил, благо дядя Женья, бывший пластун, многому меня научил. И вот случайно я увидел на поле немецкий самолет «шторьх» и трех человек рядом. Пилота и двух механиков. Там еще мотоцикл стоял. А у меня кроме пистолета ничего не было. Судя по всему, «шторьх» сел на вынужденную, вот механики его и чинили, там капот был поднят. Ну а дальше понятно – подобрался я поближе и стал ждать, пока починят. Они закончили с ним, когда начало темнеть. Механики сразу уехали, а летчик стал устраиваться в кабине. Я сперва думал, лететь собрался, оказалось – спать. Там немецкая часть рядом была, поэтому я решил действовать тихо, подошел, разбудил летчика, оглушил его рукояткой, сел в самолет и взлетел. Взлететь-то я взлетел, но почти сразу мотор стал сбывать, что-то они там не доделали, так что через пятнадцать минут он у меня совсем заглох, пришлось планировать. Плюхнулся в болото. Чуть не утонул, пока выбирался. Выбрался, а где я, понять не могу, то ли на нашей территории, то ли еще у немцев, но утром меня разбудили...

Я рассказывал монотонным голосом, заново переживая все, что со мной случилось. Только сделал вставку насчет капитана Борюсика – откуда я его знаю. Мол, нашел летчика, у которого в планшете была фотография с именами на обратной стороне.

Комиссар частенько задавал мне вопросы, пытаясь поймать на несоответствии – какой аэродром, где я учился, какие там заведения рядом.

– Откуда у тебя такие пилотажные способности к незнакомой технике? К тому же ЛаГГу или Пе-2?

– Это врожденные способности. Я командиру полка солгал, сказав, что умею летать на истребителе, но никак не думал, что он так труден в управлении. Думал, что он мне дастся быстро, но... – развел я руками.

– А сбитый «мессер» на взлете – это как?

– Чистая случайность. Успел ударить по гашеткам, когда они пролетали рядом. Просто хороший глазомер. Специалисты воздушного боя увидели бы, что со вторым первое время я не вел воздушный бой, а пытался справиться с машиной, уворачиваясь от атак. А вот когда я ее почувствовал, тогда да, я начал вести бой. Но все равно ЛаГГ – очень сложная машина, мне такие еще не встречались, очень трудно было привыкнуть.

– Хм, возможно.

– Товарищ дивизионный комиссар, а можно мне начать жизнь с нового листа? Ну там, из глубинки, сын полка, воздушный самородок. Новая жизнь – она и есть новая жизнь. Не хочу к старой возвращаться.

– Это решаю не я. Продолжай службу, решение будет принято. Кстати, вот ты поешь песни, которые уже не только полк поет, но и вся дивизия. Их много. Откуда они? Особенно вот эта, последняя. «Я – ЛаГГ-истребитель».

– Я, товарищ дивизионный комиссар, с детства стихи для песен пишу. Как-то берутся они в голову. А эту я в санчасти написал.

Я действительно стал устраивать концерты, которые все больше становились востребованными. Летчикам после вылетов тоже хочется отдыхать, и я давал им такую возможность, исполняя тщательно подобранный репертуар. «Истребитель» спел вчера на вечернем концерте.

– Да, я видел черновик, там много что было зачеркнуто и переписано заново.

Поговорив еще около часу, в основном о месте, где я жил, меня выпустили на свежий воздух.

Глядя вслед отъезжающей машине, увозившей комиссара, я спросил у Никифорова:

– И что теперь будет?

– Скоро узнаем. Кстати, приказ отстранить тебя от полетов все еще действует. Так что продолжай отрабатывать наряды.

И действительно, эти три дня, что прошли с отъезда Макарова, были заняты изучением устава, шагистикой или отработкой нарядов, которые сыпались на меня как из рога изобилия. Ну по крайней мере и в этом была хорошая сторона: я научился чистить картошку и перезнакомился со всеми залетчиками в обоих полках.

Вызвали меня к особисту вечером десятого июля. Я как раз отвечал на вопросы начштаба, когда у него зазвонил телефон, и после короткого разговора Смолин сказал, положив трубку:

– Ну хорошо. Считай, что знание устава ты сдал, а теперь иди к Никифорову, он тебя ждет.

Четко отдав честь, я развернулся и, сделав три уставный шага строевым, вышел из землянки.

– Читай, – политрук кивнул мне на папку, одиноко лежащую у него на столе.

Взяв ее, я присел на стул у окна и развязал тесемки. И облегченно вздохнул при первых же словах.

«Они поверили мне. Черт возьми, они мне поверили!» – именно так я думал, глядя на свою новую биографию в личном деле.

Первым мне на глаза попался приказ номер восемнадцать:

«27 июня 1941 г. г. Минск

п. 1

В соответствии с “Положением о порядке прохождения военной службы в РККА” призвать на военную службу прибывшего в добровольном порядке гр. СУВОРОВА Вячеслава Александровича 1923 г. р., урож. русского, образования среднего, присвоить воинское звание “КРАСНОАРМЕЕЦ”.

Красноармейца Суворова В. А. зачислить на все виды довольствия и направить для прохождения военной службы в 1 ав. эскадрилью на должность летчика-истребителя.

Закрепить за красноармейцем Суворовым В. А. самолет ЛаГГ бортовой номер 17.

Начальнику строевой части капитану Соломину подготовить в срок до 30 июня 1941 г. необходимые документы на красноармейца Суворова В. А. как летчика.

Политруку Давыдову в срок до 30 июня привести к воинской присяге красноармейца Суворова В. А.

Командиру 1-й эскадрильи капитану Капитонову принять у красноармейца Суворова В. А. зачет по знанию вверенной авиационной техники и летной подготовке, завести летную книжку...

п. 5

За успешное проведение воздушного прикрытия ж./д. станции города Минск 26 июня 1941 г. и сбитые в бою с превосходящими силами противника 5 самолетов, три Ю-87 и два Ме-109, летчику-истребителю 1 ав. эск. красноармейцу СУВОРОВУ Вячеславу Александровичу присвоить воинское звание “СЕРЖАНТ”.

Начальнику штаба в течение сегодняшнего дня подготовить материалы к награждению сержанта СУВОРОВА В. А. орденом Красной Звезды.

Командир в. части № 3167–23 майор Никитин».

«Класс. Все оформлено строго как надо. Почитаем биографию!» – подумал я и стал листать документы, пока не нашел свою новую биографию.

– Учи, чтобы от зубов отскакивало. Понял? – спросил Никифоров, заметив, что я читаю.

– Товарищ политрук, а тут в приказе написано, что я сержант, но я ведь...

– Старшего сержанта вам, товарищ старший сержант, присвоили за двух сбитых во время пергона истребителя, там приказ в конце. Ясно?

– Ясно, товарищ политрук.

Учил свою биографию я до утра, не выходя из землянки, и пока Никифоров не убедился, что все запомнил, даже имена летчиков, с которыми учился, а также друзей в школе, не отпускал меня.

– Завтра придешь, повторим. А пока свободен. Иди, отсыпайся, – сказал он, тоже, как и я, зевая.

Я шел и размышлял: «Вряд ли они мне так доверчиво поверили, но чтобы проверять, затрачивая силы на выяснение моих слов, тоже нужно много времени. Поэтому они и поступили так логически. Летаю я, сбиваю, так какие проблемы, летай и дальше. Похоже, именно поэтому принципу они и решили. А это значит, я должен оправдать их доверие и увеличить количество сбитых!»

На следующий день меня разбудили к обеду. Подкрепившись, я сходил к Никифорову и, подтвердив, что все помню, направился в штаб, где капитан Смолин по приказу майора Никитина включил меня в боевой график. Оттуда я пошел к своему ястребку, на котором никто так и не летал – не было подготовленных пилотов.

– Ну что, товарищ командир, закончилась ваша «ссылка»? – спросил меня мой механик.

– Ну что вы, Виктор Семенович. Это просто я довел командира, упрашивая, чтобы он допустил меня к полетам. Лютикова сказала, что я еще не годен, вот он меня в наряды и сунул. Чтобы не мешал.

– А-а-а, понятно. А мы-то уж думали... А что это вас товарищ особист к себе вызывал?

– А вот это, товарищ старшина, не ваше дело... Ну ладно, скажу уж. Интересовались они, откуда я умею летать на немецком самолете.

– А вы?

– Так я им так и сказал, что я и «пешку» до этого в глаза не видел, так летал же! Мне какая разница, что за самолет, главное, что на нем летать можно, вот так-то.

– Это бывает. А летчики из соседнего полка сказали, что вас арестовали.

– Это когда мы к особисту шли?

– Да.

– Так я их видел и решил подшутить, вот и изобразил арестованного. М-да, зря, наверное.

– Да пусть их! Ну что, давайте аппарат смотреть? От винта?

– От винта!

Любовно проведя ладонью по борту своего ястребка, я потрогал пальцами десять белых звездочек, нарисованных на фюзеляже рядом с большой красной звездой, показывающих количество моих побед. Десятый сбитый на «пешке» мне все-таки засчитали, несмотря на все препоны. Никифоров подтвердил, что лично видел, как были сбиты «мессеры». Еще бы – он сам в этом участвовал. Семеныч стоял рядом и с легкой улыбкой смотрел, как я здоровался с машиной после долгой разлуки. Для меня три дня – это долго.

– Звезды я вчера нарисовал, должны уже высохнуть, – сказал он.

– Высохли. Трафарет сами вырезали? – спросил я.

– Горкин, писарь в штабе. А что, что-то не так?

– Да нет. Хорошо. Спасибо, Виктор Семенович.

Я сам попросил нарисовать звезды, а то сбитые есть, а подтверждения этого на самолете нет. Семеныч тянул с этим, видимо, ждал разрешения Никитина, а получив, нарисовал их.

– Ну что? Давай проверим технику, а то вдруг сегодня вылет.

– Не должно, сегодня полетов нет. Командование дало день на отдых и приведение себя в порядок. Может, ребята из второго взвода приведут за это время в порядок те три машины, – указал он подбородком на несколько бомбардировщиков разной степени разукомплектованности, стоящих в укрытии и под маскировочными сетями, которых облепили люди в черных комбинезонах.

– Будем надеяться. Ну что, давай смотреть. – Я помог Семенычу скатать маскировочную сеть с истребителя.

ЛаГГ стоял в капони́ре, так что, убрав средства маскировки, мы стали делать проверку всем узлам истребителя.

После ужина, когда стемнело, я пробрался в землянку, где квартировала Лютикова, там меня ждал горячий прием, после которого меня утром вытурили наружу.

Командование не обмануло, полку действительно дали отдохнуть целые сутки. Учитывая напряженность боев, это было трудным для них решением, но оно дало нам хоть немного прийти в себя. В строй вернули еще два СБ, доведя количество машин до семи штук, на очереди стояли четыре. А вчера вечером с мест вынужденной посадки притащили еще две. Причем не нашей части. Подобное «воровство» случалось частенько. Если нет охраны, значит, брошенный, именно так оправдывались наши эвакуаторщики под молчаливое одобрение командования полка. Самолетов не хватало, получили один раз семь машин без экипажей из одного полка, отправляемого на переформирование и пополнение в тыл, и все, так что выжили хоть так.

Зала для получения задания в полку не было, поэтому получали приказ на опушке, рассевшись на траве. Некоторые сидели на планшетах, некоторые, вроде меня, самые умные, – на принесенных с собой парашютах.

Задачу ставил командир полка майор Никитин. Разбомбить переправу и войска, скопившиеся перед ней. Затем слово взял комиссар полка, ведущий группы:

– Заходим со стороны солнца. Леонтьев первым заходом накрывает зенитные средства. Второй волной идут остальные. Ведущий я. Построение стандартное. Воздушное прикрытие осуществляет старший сержант Суворов. Если кто не знает его...

– Все его знают, – раздались многочисленные голоса. Были слышны отчетливые смешки.

Комиссар, когда поглядывал на меня, постоянно морщился, наконец не выдержал и сказал:

– Суворов, что у вас за вид? Мало того, что есть один синяк под глазом, так откуда еще один взялся?

– Ночью до ветра пошел, об косяк ударился. Не видно ничего было, – смущенно ответил я.

– Два раза?

– Второй раз – когда возвращался, – ответил я мрачно.

По летчикам прошелся ветерок смеха. Едва слышно донеслось:

– Знаем мы этот «косяк»...

– Вопросы есть? – спросил комиссар.

– У меня. Мне неизвестна система вашего построения. Высота полета. Также мое место при сопровождении. У нас разные скорости, а это значит, что сопровождать я вас рядом не смогу. Поэтому вы часто будете терять меня из виду. Также преимущество в охране – это сопровождение на высоте, – сказал я и сел на свое место.

– Хм. Высота три тысячи. Идем двумя звеньями. Я ведущий. При подходе к цели вперед выходит машина Леонтьева и атакует зенитные батареи. Насчет сопровождения вы, товарищ старший сержант, насколько я знаю, более компетентны в этом вопросе, так что мы вас слушаем.

Встав, я посмотрел на парней, которых буду прикрывать, и начал говорить:

– ЛаГГ – машина своенравная. У нее есть свои недостатки, как и преимущества. Поэтому нужно вести сопровождение так, чтобы использовать именно свое преимущество и недостатки машин противника. А это значит...

Первый вылет меня разочаровал. Он был какой-то... обыденный, что ли?

То есть взлетели, я занял свою позицию на километр выше группы и сопровождал их до места бомбардировки. Лететь пришлось «змейкой». Это и скорость меньше, и для немцев проблема атаковать при таком полете, так что летел спокойно. Бомбардировку смотрел краем глаза. Больше за воздухом наблюдал. Но кроме «костыля» ничего так и не увидел. А вот при возвращении, оставив за спиной горящие понтоны и берега, забитые техникой, заметил на трех километрах двух охотников, которые шли в сторону моих подопечных. Комиссару пришлось брать левее и спускаться ниже, чтобы не попасться на глаза немцам, так что ушли они спокойно. Меня немцы видели, но атаковать не стали, ушли на свою территорию, вот и весь вылет. Не так я себе его представлял, не так.

После посадки был разбор полетов. Пока Семеныч осматривал машину, загнанную в капонир, я слушал комиссара, который давал оценку нашему вылету.

Во время лежания в санчасти как-то не обращал внимания на работу полка. Сейчас он мне казался странным. Изучал я в основном сорок четвертый и сорок пятый годы войны. Там не было одного или, в крайнем случае, двух вылетов в день. Пять-шесть, не меньше. То есть работали на износ, ели не вылезая из машин, справляли нужду рядом с самолетом, лезли

обратно и снова взлетали бомбить. Тут же не так: один вылет, ну, максимум два, и все. Такое впечатление, что они воюют по стандартам мирного времени. Не настроились еще люди на подобную работу. Летчики-то были готовы, но командование еще нет. Полк того же Западного делает не менее трех вылетов в день, но и это не предел, почему же они это не видят?

Похвалив меня за прикрытие, комиссар отпустил нас отдыхать, пока механики осматривали технику. Сдав парашют, я под гул садившихся «чаек» направился к ЛаГТу.

– Как аппарат? – спросил у Семеныча.

– Норма. Бензина привезли три бочки, шестьсот литров, все, что смогли пока достать. Через три дня обещали еще подвезти.

– Хорошо. Комиссар сказал, что, возможно, сегодня еще вылет будет. Нужно быть наготове.

– Будем.

– Я, если что, обедать.

После столовой направился в санчасть. Из нее меня уже выписали и поселили в землянке с первой эскадрилей, так что шел к Лютиковой. Поболтав о том о сем, вышел от нее и увидел суету у штабной землянки.

Как я и думал, вечером был вылет, и вот он не прошел так гладко, как первый.

– Сокол-два, со стороны солнца на вас заходит четверка «мессеров». Будьте готовы. Атакую! – Вылетев из-за облака, за которым прятался, я бросил свой ястребок в глубокое пики.

Немцы хотели перехватить строй бомбардировщиков, шедших на двух тысячах с полной загрузкой, на подлете к цели.

«Наверняка из прикрытия колонны!»

Летели мы бомбить, насколько я понял, длинную артиллерийскую колонну, которую засекли «чайки» майора Западного, возвращаясь со штурмовки другой цели. Моя идея использовать их как штурмовики нашла горячий отклик в сердце Западного, особенно когда он вернулся с первого вылета с шальными глазами и, захлебываясь восторгом, рассказывал, как они обрабатывали эрэсами пехотные колонны противника.

Судя по длине, это была бригада или что-то похожее. И почему-то она оказалась под воздушной охраной. Хотя, может, немцы куда по своим делам летели, но встреча таки состоялась.

Строй бомбардировщиков сплотился, ожидая подлета «худых», которых они пока не видели.

Немцы разочаровали. Честно. Нет, меня, конечно, плохо было видно, я постоянно укрывался за облаками, но то, что они совсем меня не засекли, – это ни в какие ворота!

«Мессеры» были в пятистах метрах от строя бомбовозов, когда я тихой сапой пристроился к ведомому задней пары и открыл огонь, уравнив скорости.

Гитлеровцы поняли, что их сбивают, только когда второй задымил, клюнул носом и пошел вниз. Дав по газам, я, стреляя короткими очередями, стал догонять первую пару «худых», которые тоже включили форсаж. Видимо, пилот второго сбитого успел крикнуть по радиации, первый-то точно не успел – очередь прошла по кабине.

Ни о какой атаке бомбардировщиков речи уже не шло, оба «мессера» скользнули под огрызающийся строй, пытаясь уйти из-под удара.

На горизонталях «худые» помедленней ЛаГТа, чем я и воспользовался, быстро догнав ведомого и обстреляв его. Удивительно верткий истребитель уходил из-под атак, и мне приходилось постоянно удерживая его в прицеле, крутить фигуры высшего пилотажа, и тут немцы разделились. Задумка была удачная, хвост мне никто не прикрывал, и ничто не мешало ведущему подойти ко мне сзади.

«Тренироваться надо!» – думал я, когда очередная очередь прошла мимо.

В это время ведущий зашел ко мне в хвост, и у нас получилось этакая цепь. «Мессер», за ним я, следом – другой «худой», висающий на моем хвосте.

Я достаточно быстро бросил попытки сбить преследуемый «мессер» и теперь просто держался за ним, пытаясь не попасть в прицел заднему немцу.

«Квалификация-квалификация, а попасть не могу!» – думал я, когда рядом снова пронеслись огненные струи, от которых еле-еле увернулся.

И тут вспомнил про капитана Титаренко, который в сорок третьем на Курской дуге попал в такую же ситуацию. Правда, на Яке, но особой разницы не было. И поступил точно так же. Нажав на кнопку выпуска шасси и рычаг выпуска закрылков, рывком сильно снизил скорость. Не ожидавший этого «ганс» проскочил мимо. Но я уже поднял нос в ту сторону, где он должен был появиться, и нажал на гашетки.

Дав короткую очередь, пулеметы замолчали, закончились боеприпасы, однако «мессеру» хватило и этого. Ключнув носом, он понесся вниз и врезался в землю. Судя по тому, что не дымил, погиб пилот. В это время четвертый воспользовался случаем и скрылся на большой скорости. С сожалением посмотрев ему вслед, я убрал закрылки и шасси и с разворотом пошел к своим подопечным, под их крылышко. Теперь, когда боезапас у меня закончился, настала их очередь защищать.

– Сокол-два, я Малой. Работу закончил, иду к вам.

– Малой, вас понял, встречаем, – услышал я ответ радиста комиссара.

Пока мы с «мессерами» играли в догонялки, бомбовозы успели разгрузиться и повернули обратно.

«Ого, как немцы близко! Не ожидал, быстро они двигаются!» – подумал я, посмотрев на думы на месте бомбардировки. Вдруг среди них вспух огненный клубок.

«Машина с боезапасом рванула, а то и не одна!»

Пристроившись рядом с бомбардировщиками, уравнивал с ними скорость и так и дошел до аэродрома, благо больше мы ни с кем не встретились.

– Как аппарат? – спросил Семеныч, как только заглох мотор.

– Мировой.

Подчиненные Семеныча быстро вкатили самолет в капонир вместе со мной и стали его маскировать срубленными ветками.

– Боезапаса нет. Все отстрелял, до железки, – сказал сержант Оленев, наш оружейник.

– С немцами встретились? – спросил тревожно Семеныч, помогая выбраться из кабины. У меня, честное слово, сил на это не было.

– Ага. Четыре охотника. Заходили на наших со стороны солнца. Ну я на них сверху и...

– Сколько сбили? – спросил механик.

Меня заметно шатало, поэтому пришлось опереться о крыло.

– Трех. Только я тебя прошу, Виктор Семенович, нарисуйте только две звезды, не надо мне тринадцать.

– Нарисуем. Главное, чтобы засчитали, а то знаете ли...

– Да знаю... Смотри, двадцать минут с момента боя прошло, а меня все равно еще бьет.

– Это нервное перенапряжение, бывает.

– Бывает... Ох и погоняли они меня там, ох погоняли!.. Ладно, я в штаб, мне еще рапорт писать. Напишу – и купаться, вода всю усталость снимает. Посмотрите, есть ли пробойны, а то мне кажется, были удары по корпусу.

– Посмотрим, товарищ командир, – успокоил старшина. Развернувшись, я направился к штабной землянке, где уже собирались летчики после вылета.

Рапорт у меня приняли без особого удивления. Оказалось, комиссар уже рассказал о сбитых, правда, он видел только двух, но и это хлеб. В рапорте, как обычно, я достаточно подробно написал, как сбивал и что делал.

Устно доложив майору Никитину результаты вылета и ответив на его вопросы, я взял сменную форму, то есть комбинезон, и направился на речку. Купаться. Благо теперь мне это делать можно.

Вернувшись, когда стало совсем темно, заскочил в столовую, поел и направился к самолету. Узнать, как там дела.

– Три дыры в левом крыле, товарищ командир. Бак пробит. Но мы за ночь заклепаем, не волнуйтесь.

– Спасибо. Я – спать. Утром еще забегу.

Утром был вылет на бомбардировку переднего края по заявке одной из стрелковых дивизий. По их предположению, перед ними в глубине немецких позиций, в небольшой роще сосредоточивалась крупная механизированная часть для прорыва обороны. По крайней мере гул множества двигателей они слышали отчетливо.

Привычно заняв свое место на километр выше строя, я расстроено осмотрелся. Небо было чистым. Укрываться в облаках не получится.

До расположения дивизии мы долетели спокойно, там нам показали сигнальными ракетами, в какой стороне бомбить. Сам я был на четырех тысячах над землей, как работали бомберы, не смотрел – все внимание сосредоточил на наблюдении за воздухом, поэтому мне показалось, что самолеты крутятся над целью слишком долго. Потом, уже на аэродроме узнал, что это действительно было так. Они никак не могли обнаружить немецкую технику, пока лейтенант Ларин не засек их в соседнем леске. Танки были хорошо замаскированы, и их не сразу можно было рассмотреть.

Делая большой круг над нашими, я летел привычной «змейкой», наблюдая не только за подопечными, но и за своим хвостом, так что неожиданного нападения у немцев не получилось.

Увернувшись от атаки пары охотников, спикировавших на меня с высоты, я неожиданно услышал:

– Малой, я Сокол-два, атакован немецкими истребителями. Требуется помощь.

«Видимо, на бреющем подобрались, а я их не заметил, наблюдая за верхней парой».

– Сокол-два, я Малой, веду бой с двумя охотниками, иду на помощь.

Двумя словами я сказал: «Иду на помощь, продержитесь немного, могу опоздать», думаю, комиссар меня понял.

В пологом пикировании догнал пару «мессеров», что атаковали меня, и на попытке уйти на вертикаль левым разворотом срезал ведущего.

«Смотри-ка, а стреляю все лучше и лучше!» – мелькнула мысль. Тут, конечно, перехватил себя – просто выдал заградительную очередь, в которую немец сам влетел. Сбить я его не сбил – с легким дымком он, теряя скорость, пошел в сопровождении ведомого на свою территорию, а я бросился к своим, где мелькали хищные худые силуэты еще четырех врагов.

– Суки-и-и!!! – заорал я, увидев, как один из СБ, густо дымя, пошел к земле.

Первым в прицел мне попал увлекшийся атакой на отбившийся бомбардировщик и оторвавшийся от напарника одинокий «мессер». Очередь вспорола его от левого крыла до кабины, видимо, убив пилота, так как самолет скользнул вниз и врезался в землю. Резко развернувшись, я чуть было не сорвался в штопор, от которого при подобных маневрах страдали все ЛаГГи, но смог удержаться, так как прекрасно знал о такой мерзопакостной привычке любимого ястребка.

– Малой, двое к тебе сзади заходят, – пришло предупреждение от радиста комиссара.

Развернувшись, я сам пропустил немцев мимо себя и бросился в атаку, навязав им бой на горизонталях. Самое плохое, что третий «худой» продолжал атаковать сплотившийся и огрызавшийся огнем строй оставшихся бомбардировщиков.

Слетанность у пары была просто изумительной, поэтому, понимая, что крутиться мы можем долго, я резко ушел от них и, вырвавшись из клубка, на всей скорости понесся к нашим. Немец, что атаковал их, видимо, получил предупреждение по радиации, так как резко со снижением ушел в сторону, а потом полез в набор высоты, явно намереваясь атаковать нас сверху. Ну что ж, хорошая задумка.

От восьми машин осталось только шесть. Одного сбили – сам видел, как он, густо дымя моторами, шел к земле. Да и Сокол подтвердил это, когда я, отогнав немцев, крутился вокруг наших бомберов, словно сторожевая собака около раненого хозяина. А тройка оставшихся «мессеров» кружила, будто волки вокруг отары – боялись волкодава, но все равно пытались резко наскочить и оторвать кусок добычи. Так продолжалось, как мне показалось, не меньше часа, а то и двух. Потом выяснилось, что всего минут десять. Вот и дергался, то отбивая атаки пары, то огрызаясь заградительным огнем на одиночку, постоянно атаковавшего меня сверху, пока я не подшиб его и он не плюхнулся на вынужденную неподалеку от дороги, где шли наши войска. Как они его вытаскивали из кабины, уже не видел. Как мог отбивался от разозлившихся немцев и одновременно не пускал их к бомбовозам. Внезапно «гансы» резко встали на крыло и пошли к себе, а через пять минут показался родной аэродром, где солдаты из БАО засыпали свежие воронки на взлетном поле.

Заняв позицию, я следил за воздухом, пока наши по одному спокойно шли на посадку.

Тут что-то странное привлекло мое внимание. Присмотревшись, понял, что это пара «худых» на бреющем, дав форсаж, идут к аэродрому. Их цель – явно беспомощные бомбардировщики.

– Сокол-два, я Малой, на вас с севера заходит пара немцев, будьте готовы к встрече. Я атакую.

Ведущий немец попытался увернуться, уйдя влево, но получил очередь и свалился на опушке, где-то в районе наших землянок. А второй, у которого я повис на хвосте, проскочив через взлетное поле, попытался уйти на вертикаль, но тоже напоролся на мою очередь и с оторванным крылом, крутясь вокруг своей оси, рухнул. Переведя ястребок в горизонтальный полет, я пошел на посадку.

Подогнав самолет к своему капониру, заглушил двигатель и посмотрел Семеныча, который показал мне большой палец.

Улыбнувшись ему, без посторонней помощи вылез из машины и, скинув парашют, забросил его на крыло ЛаГГа, который уже начали закатывать в капонир.

А старшине сказал:

– Попадания были. Посмотри, хорошо?

– Посмотрим, товарищ командир.

– Ладно, я на доклад.

– Никитин со всем штабом у немецкого летчика, – указал он на группку людей, что-то рассматривающих рядом с обломками «худого» на взлетной полосе.

– Летчика? Что за летчик? – не понял я.

– Так это с «мессера», что вы сбили. Выпрыгнуть-то он прыгнул, да парашют не открылся.

– А, ясно, ну я туда тогда.

Вскочив на подножку бензовоза, ехавшего в нужную сторону, я спрыгнул на ходу и, пробежав несколько шагов, чтобы погасить скорость, направился к группке людей, рядом с которой стояла черная «эмка». Сделав несколько уставных шагов, обратился к полковнику авиации, стоявшему рядом с Никитиным и Запашным:

– Товарищ полковник, разрешите обратиться к товарищу майору?

– Обращайтесь.

– Товарищ майор... – Я быстро доложил в отсутствие комиссара результаты совместного вылета, в конце добавив: – Всего за время вылета сбито четыре Ме-109 и один подбит. У нас тоже есть потери. Докладил летчик-истребитель старший сержант Суворов.

Однако ответил не Никитин, а полковник:

– Уже не старший сержант, а младший лейтенант. Вчера был выслан наградной лист для награждения младшего лейтенанта Суворова... званием Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», за десять сбитых, важный разведвылет и угон самолета с немецкого аэродрома.

Паузу полковник сделал просто замечательную, даже у меня сердце чуть не остановилось в ожидании продолжения. Что тут было-о!.. Меня хлопали по плечам и спине, выражая свою радость, кричали, поздравляли, а я стоял и глупо улыбался, с трудом веря, что я – я!!! – буду Героем Советского Союза. Нет, ждал, конечно, но все равно это известие как пыльным мешком по голове ударило.

– ...это будет первый Герой Советского Союза в нашей дивизии с начала этой войны, – услышал вдруг, поняв, что вокруг уже тишина и все внимательно слушают командира нашей авиадивизии. Полковник оказался именно им.

После чего с подошедшим комиссаром мы направились в штаб полка, где комдив слегка отругал Никитина, что я служу в его полку, и велел перевести меня в истребительный полк Запашного, который, оказывается, входил в нашу дивизию. Разговор велся, конечно, не при мне. Но я стоял у штабной землянки и прекрасно все слышал.

– Суворов, зайди, – велел вышедший Смолин.

– Ну вот он, герой, – сказал полковник, осматривая меня еще раз.

– Сколько у тебя сейчас на счету сбитых?

– Семнадцать, товарищ полковник. Если четыре последних засчитают, – ответил я комдиву.

– На моих глазах сбил, – подтвердил Тарасов.

– Да и я тоже не слепой. Ах, как ты его на вираже поймал! Сказка! Никогда такого пилотажа не видел! Где учился?

– У майора Ларина, – ответил я. Именно так было написано в моей биографии.

– Ларин? М-м-м, Ларин, Ларин? Нет, не припомню такого. Где служит?

– Под Москвой, товарищ полковник, в ПВО.

– Хорошо, а теперь, лейтенант, расскажи-ка мне подробно про все свои бои, а лучше зарисуй еще и схемы, – вдруг попросил комдив.

– Так у меня все есть, товарищ полковник, кроме последнего боя. Разрешите принести?

– Разрешаю, – с легкой улыбкой ответил комдив.

Выскочив из штабной землянки, я поспешил к своей, однако навстречу попался один из моих соседей по койкам, сержант Власов.

– Ну ты, Севка, и снайпер! – не очень довольный сказал он, заведя меня.

Что он имел в виду, я понял, только когда добежал до землянки, а вернее до того, что от нее осталось.

На месте нашего жилья была яма с торчащими из нее бревнами настила и хвостом сбитого мною «мессера».

Вокруг ходили парни из первой эскадрильи и качали головами.

– Там был кто-нибудь? – испуганно спросил я.

– Нет, все вышли вас встречать, – ответил комэск-1 капитан Ларионов и добавил расстроенно: – У меня же там все вещи были.

– Извини, я не специально.

– Да ладно, всякое бывает! – отмахнулся капитан.

Один из летчиков сказал, ковырнув носком сапога дерн рядом с землянкой:

– Странно, что он не загорелся.

– Может, летчик был убит? – предположил другой.

– Вытащим – узнаем, – буркнул комэск.

– Блин, у меня же там вещи и дневник!

– Через час разберем завал, посмотрим, что уцелело, – ответил капитан Ларионов и стал командовать подошедшими бойцами. В стороне послышался рев трактора, ехавшего сюда, чтобы вытащить самолет.

«Быстро работают. Черт, у особиста же наверняка копия есть!» – вспомнил я и рванул обратно к штабу.

С помощью дежурного вызвав Никифорова, я быстро объяснил ему про землянку, но, оказывается, он об этом уже знал, только что сообщили.

Сходив к себе, политрук принес копию дневника со всеми необходимыми для работы с ней штампами.

– Держи, – протянул мне.

Поблагодарив его, я глубоко вздохнул и вошел в землянку. Разговор с объяснениями и показыванием на модельках самолетов, которыми выступали обычные щепки, занял почти два часа, пока удовлетворенный рассказом полковник не отпустил меня, оставив дневник при себе. Как его забрать обратно – это уже не мои проблемы, а Никифорова.

Почесав мокрый лоб, покрутил головой и направился в столовую, откуда на миг заглянул в санчасть, а потом – к своей землянке, которую уже привели в порядок и сейчас обустраивали внутри.

Рядом была свалена куча вещей, найдя свои, где был и дневник, я посмотрел – вроде все цело. От землянки уходили следы трактора и волочения – похоже, «худого» утащили куда-то подальше.

Поглядев на другие вещи, спросил у сидящего на одном из бревен старшины Гатина, стрелка-радиста в экипаже комэска, который, куря папироску, наблюдал за работами:

– Про наших не слышно?

– Оба сели на пузо. Федоров уже едет сюда, а вот с Секалиным плохо, стрелка, сержанта Темина, убили, остальные побились при посадке, в дерево воткнулись, хорошо, что живы, в госпиталь везут. Машина за техникой и запчастями уже послана.

– Да-а, не доглядел, – ответил расстроенно я, вспомнив Темина, а особенно – как классно он плясал.

– Да ты-то что мог один сделать, тем более ты с другими резался? Может, ждали?

– Не, точно нет. Те, что на меня сверху свалились, из другой части, по маркировкам было видно. Просто не повезло.

– Да, дела. Да, кстати, поздравляю вас, товарищ младший лейтенант.

– Спасибо, – ответил я и со вздохом добавил: – Меня в полк Западного переводят.

– А вот это плохая новость. Когда?

– Сегодня, комдив приказал.

– Значит, опять без прикрытия будем летать. А знаешь, мы ведь уже привыкли, что ты где-то рядом и если что, придешь на помощь... М-да. Тяжело будет, – погрустнел старшина.

– Это да. Я вещи пока тут оставлю, занесешь на мою койку, ладно? – попросил я Гатина, сложив свои вещи аккуратной кучкой.

– Чего спрашиваешь? Занесу, конечно.

– Спасибо, если что, я у своего ястребка.

– Ага.

Я был несколько ошарашен сегодняшними событиями, поэтому до меня не сразу дошло, а вот когда дошло... Я резко остановился и задумался. Перспективы открывались не самые

радужные. Получалось, что попадал в полк со своим уставами и наставлениями. То есть прощай вольность и здравствуй строй. Стопроцентно меня включают в какую-нибудь эскадрилью, где окажусь на вторых ролях, и мои успехи там будут мало что значить, и не смогу творчески действовать. Нет, майор Запашный, конечно, потихоньку вводит новые приемы, но не так, как нужно бы делать. Слишком медленно.

Посмотрев на капонир, до которого не дошел метров пятьдесят, развернулся и побежал к штабу – если есть возможность исправить ситуацию, то надо торопиться.

Мне повезло, комдив еще не уехал и разговаривал с командованием обоих полков у своей машины. Подойдя к командирам, я у полковника спросил разрешение обратиться к майору Никитину.

– Товарищ майор, разрешите поговорить наедине?

Как только мы отошли метров на двадцать, я быстро изложил ему свои мысли. Он сразу ухватил суть, ведь это и его касалось, и даже расширил мою идею. Как только мы договорились, он поспешил к комдиву, оставив меня на месте.

Смысл был в том, чтобы создать в полку майора Запашного отдельное подразделение, ориентированное исключительно на сопровождение бомбардировщиков, в виде усиленного звена из шести самолетов, разбитого на три пары. И временно придать это звено полку Никитина. Летчиками я решил взять тех молодых сержантов, которые так и остались в полку Запашного. Думаю, им это придется по душе и они с охотой расстанутся с постоянными дежурствами, да и мне их учить будет проще.

Встав у березы, я напряженно смотрел, как Никитин что-то доказывает хмурающему лоб полковнику.

Остальные командиры тоже прислушивались к негромкой беседе, некоторые одобрительно кивали, некоторые, наоборот, отрицательно.

«Не согласится. Черт, хмурится! Значит, точно не согласится!» – с досадой думал я. В это время Никитин обернулся и помахал мне рукой, подзывая.

– ...давайте послушаем автора идеи, – услышал я, подходя.

– Излагай, только коротко, – приказал полковник.

Глубоко вздохнув, поймал взгляд Никифорова и начал говорить, разжевывая по косточкам все, что успел осмыслить.

– Хорошая идея, но... Где взять самолеты? Вот ты говоришь, лейтенант, что вам «ишачки» пойдут в самый раз? Правильно?

– Да, товарищ полковник. Я думаю, будет пополнение частей техникой, за это время проведу теоретическую подготовку для пилотов, это тоже хорошо.

– Пополнение частей? Хм, да, мне пообещали некоторое количество машин... Знаешь, лейтенант, ты меня убедил, очень уж ты хорошо подвел теорию для создания подобного подразделения. А самолеты будут... Да, будут. Майор! – обратился комдив к Запашному. – Штаб дивизии подготовит необходимые приказы, а ты пока оформляй все должным образом и помни, что это подразделение прикрепляется к полку Никитина временно. Так что действуй.

Когда машина с полковником уехала, я негромко спросил у Никитина:

– Товарищ майор, а я сейчас в каком полку-то?

Чем вызвал хохот у всех, кто меня услышал.

– У меня пока, но документы готовить начали, – ответил Никитин.

– То есть официального приказа еще нет? – уточнил я.

– Будет часа через три.

– Ясно. Разрешите идти, товарищ майор?

– Свободен. Рапорт о вылете сдать не забудь.

– Есть сдать! – ответил я и направился к начштаба.

Через час я сидел в тени одинокой березы и размышлял. Моя задумка удалась, это не могло не радовать, теперь нужно выяснить, кого поставят командовать звеном. Что меня, вызывало большие сомнения. Скорее всего, какого-нибудь капитана, а меня – его замом, это будет правильным решением, трудно не признать. Главное – это ужиться с командиром.

– А, вот ты где! – услышал я голос майора Западного. Попытался вскочить, но был остановлен: – Сиди-сиди.

Присев рядом на уже пожухлую траву, он сорвал травинку и, сунув ее в рот, сказал:

– Знаешь, ты меня с этой своей задумкой сперва разозлил, а потом я понял, какой это шанс. И не малый, тут ты молодец.

– Кто командиром группы будет? – спросил я. Разговаривали мы, как говорится, без чинов, по-простому.

– Старший лейтенант Сомин, да ты знаешь его.

– Это тот, который мертвую петлю над аэродромом сделал?

– Он самый. Немного лихач, но командир он хороший. Тебя замом, и вам дают еще четверых, как ты и просил – из новичков.

– Хорошо. Когда приступить?

– Как только приказ получишь, так сразу. Для вашего подразделения готовят отдельную землянку, так что можешь уже переселяться. Да и документы фактически готовы, так что ты теперь числишься в моем полку.

Встав, он посмотрел на взлетное поле и сказал, мельком глянув на меня:

– И получи форму у старшины в соответствии со своим званием. В семь вечера чтобы был в штабе.

Сходив на стоянку самолетов и с час повозившись с ястребком, заглянул к Лютиковой, немного поболтал с ней и направился к своей землянке. По дороге попалась группа летчиков, нагруженных вещами. В них я сразу распознал пилотов, с которыми буду служить. Впереди – старший лейтенант Сомин с плащом и чемоданом в руках. Выяснив, что они направляются в выделенную нам землянку, поспешил за своими вещами.

– Прощайте хлопцы, – расстроено прощался я со своими уже хорошими знакомыми, с которыми жил несколько дней. Обняв напоследок старшину Гатина, который, как и остальные, вышел прощаться со мной, подхватил вещи и, вздохнув, направился к новому месту службы.

Сделав двадцать шагов, подошел к соседней землянке, где стояли мои новые сослуживцы, наблюдая за моим прощанием, и сказал им:

– Разрешите представиться, ваш новый сослуживец младший лейтенант Суворов.

– Иди вещи ложи, клоун, – кивнул Сомин на открытую дверь.

Заняв нары слева от входа, поднялся наверх и, отдав честь командиру, спросил:

– Товарищ старший лейтенант, разрешите сходить получить новую форму и сдать удостоверение на замену?

– Разрешаю, – кинул он и повернулся к сержантам: – Через полчаса ужин, а пока отдыхайте.

Штаб двенадцатого истребительного полка располагался в трехстах метрах от штаба Никитина. Там меня уже ждали, поэтому сдача удостоверения много времени не заняла – не пришлось разыскивать начштаба майора Синицына.

– А фуражка?! – возмутился я, когда мне протянули пилотку.

– Нету, товарищ младший лейтенант! – с непритворным огорчением развел руками старшина. – Из места первой дислокации не вывезли, все сгорело.

– Ясно, ладно, и это пойдет.

Подхватив ворох полученных вещей, заторопился к себе – нужно за короткое время привести форму в полный порядок. Как – научили, пока лежал в санчасти. Подумав, решил заняться этим после ужина и отправился в столовую.

– Красавец! – коротко сказал Сомин, когда я переоделся.

– Это точно... – Новенький орден гордо поблескивал в свете самодельной лампы, складки гимнастерки согнаны назад, ремень затянут до невозможности. – Товарищ старший лейтенант, когда учебу начнем? Чем раньше начнем, тем сильнее станем и целее будем. Как говорится, «тяжело в учении – легко в бою», хотя я считаю, что это глупая фраза, но немного согласен с ней. Нужно учиться.

– Наконец-то! Я уже думал, никогда не спросишь, – вскочив с лежанки, мой новый командир широко улыбнулся.

– Проверяли, да?

– Ну лично с тобой пообщаться возможности не было, а узнать, кто ты, нужно. Сержанты ничего сказать не могли, только лепечут, что «хороший командир», и все.

– Понятно.

– Ладно. По приказу майора, ты теперь официально числишься инструктором полка по боевому пилотированию. Где учиться будем?

– Снаружи. Бойцы, ко мне! – рявкнул я.

С интересом прислушивающиеся к нам сержанты подорвались с лежанок и подскочили ко мне.

– Значит так, первый приказ. Подготовить место для теоретической учебы. Старшим назначаю сержанта Морюхова. Помогают ему сержанты Горкин и Лапоть. Сержанту Булочкину – отдельное задание: подготовить макеты наших и немецких самолетов десятисантиметровых размеров. Вопросы?

– Товарищ младший лейтенант, а где устраивать класс?

– Поляну в сорока метрах помните?

– Это где землянка вашего... ой, то есть особиста бомбардировочного полка?

– Именно. Выполнять!

– Товарищ младший лейтенант, а как эти макеты делать? – спросил оставшийся Булочкин.

– Сержант, как хочешь, это твои проблемы. Приказ есть, значит, выполняй. Да, и чтобы они были полными копиями настоящих.

– Молодец, по крайней мере командовать ты умеешь. Ладно, продолжай дальше, я в штаб, – сказал Сомин и, развернувшись, направился в штаб полка.

Кроме утреннего, больше вылетов не было. К вечеру вернулся экипаж лейтенанта Федотова, что было встречено с радостью – все-таки тяжело терять боевых товарищей. Сержанты закончили под моим командованием устраивать класс и стали помогать Булочкину в создании моделей. Сержант Лапоть даже притащил откуда-то краски и раскрасил их, нанеся заодно и маркировку.

– Товарищ младший лейтенант, вас товарищ особист к себе вызывает, – подбежал ко мне знакомый боец, который, как я знал, находился в подчинении Никифорова.

Я никак еще не мог привыкнуть к кубарям в петлицах, поэтому немного запоздал с ответом:

– Хорошо, иду. Бойцы, продолжайте. Сделайте еще шесть «ишачков» и три ЛаГГа. Лаптежников и «худых» достаточно.

В землянке кроме самого Никифорова находился особист из полка майора Запашного – лейтенант госбезопасности Кириллов, тоже в форме политрука.

– Проходи, садись, – указал мне на стул Никифоров. Стоящий у полок с книгами Кириллов, обернувшись, посмотрел на меня, потом вернулся к своему занятию.

«Во дает! Из трех книг никак не может выбрать нужную!» – мысленно восхитился я, устраиваясь поудобнее.

– Неплохая идея насчет истребительной группы, жестко ориентированной на сопровождение бомбардировщиков, я сразу оценил ее. А теперь давай поговорим о переводе...

Выйдя из землянки особиста, я отряхнул пилотку, надел ее и, посмотрев на звездное небо, направился к себе. В землянке мы с парнями допоздна обсуждали тактику и стратегию воздушных боев. Я больше слушал, приглядываясь – кого-то из них придется выбрать своим ведомым, да и выяснить общий уровень знаний тоже следовало. Сомин, похоже, занимался тем же.

Собственно учеба началась утром. После зарядки и завтрака мы собрались в «классе». Говорил и показывал я, остальные слушали и смотрели, даже старлей. Так что начало было положено.

В десять часов был вылет, моей задачей по-прежнему являлось сопровождение бомбардировщиков, как будто ничего не случилось. Сомин с ребятами остались на земле, раз за разом повторяя пройденное. Уроки я вел для боев на «ишачках», объяснив Никифорову, заинтересовавшемуся этим вопросом, что понял возможности машины, пока летел из немецкого тыла. Да и учитель-француз тоже о них упоминал.

Слетали, отбомбились и вернулись. Никаких эксцессов. А вот второй вылет, часов в шесть вечера, чуть не закончился для меня трагически – проглядел пару охотников.

Спас радист комиссара Тарасова, успевший крикнуть:

– Малой, немцы снизу!!!

Едва я дернул штурвал в сторону, как по левой плоскости как будто дятел прошелся, настолько она оказалось в многочисленных дырках и торчащих кусках обшивки.

После атаки немцы не спешили сближаться, наблюдая за мной со стороны.

«Ах вы суки! Значит, смотрите, поврежден я или нет! Ну получите!»

– Сокол-два, я Малой. Я подбит, не могу удержать машину, иду на вынужденную.

Поиграл управлением, из-за чего казалось, что ястребком управляет пьяный, заодно проверяя, зацепили они что-нибудь важное или нет. Как я и думал, радист немцев слушал нашу волну и передал охотникам, что им было нужно. Чтобы подстегнуть их, стал потихоньку опускать нос, как будто собираюсь планировать, и они с левым разворотом пошли ко мне.

– Малой, я Сокол-два, планируй к нам, прикроем, – услышал я тревожный голос радиста.

– Не могу, управления совсем нет...

«Три! Два! Один! Старт!!!» – мысленно заорал я и, выпустив закрылки, пропуская мимо и очереди немцев, и их самих, открыл огонь. Пистолетная дистанция не подвела: оставляя черный дымный хвост, ведомый «мессер» понесся к земле.

– Малой! Приказываю двигаться ко мне!

– Я Малой, со мной все в порядке, брал на живца. Наблюдайте за воздухом, пока я вторым занимаюсь.

– ...устрою ему живца, дай только на аэро... – мелькнул в эфире голос комиссара.

Немец ушел от меня на вертикали. С досадой посмотрев ему вслед, я развернулся и поспешил к своим подопечным, стараясь особо не напрягать самолет – кто его знает, что за повреждения он получил.

На подлете как всегда занял позицию прикрытия, ожидая окончания посадки, и, получив разрешение по радиации, повел ястребок вниз. Нажав на кнопку выпуска шасси, услышал вызов штаба полка:

– Малой, я Липа, посадку запрещаю! Как слышишь меня? Запрещаю!!! У тебя не вышла одна стойка шасси!

Чиркнув колесом по взлетно-посадочной полосе, взял ручку на себя и стал набирать высоту.

«Черт, точно! Лампочка мигает! Не заметил! – подумал я, делая круг над аэродромом. А тут еще и бензин почти закончился. – Что делать? Прыгать?..» – метались мысли в голове, и почти сразу, вторя им, Никитин приказал по радиации подняться и прыгать.

– Понял. Выполняю, – не успел я сказать это, как двигатель зачихал, но потом снова стал работать ровно.

«Нужно быстрее подняться!» – сообразил я и, приподняв нос, дал газу, однако на десятой секунде мотор опять зачихал и заглох. Посмотрев на замершую лопасть, потом на высотомер, понял – придется садиться. До земли было всего двести метров.

– Липа, я Малой, закончилось горючее, видимо, был поврежден бак, сажусь на пузо, – доложил я штабу и стал через левое крыло планировать по большому кругу, рассчитывая дугу так, чтобы в нижней ее части выйти как раз на начало ВПП.

«Главное, чтобы пары вытекшего бензина не вспыхнули» – думал я.

«Есть касание! – Самолет бешено затрясло на неровностях полосы. Вдруг с хрустом отлетела часть поврежденного крыла, оставшись за хвостом. – Все! Амба! Хрен его теперь отремонтируешь!»

Как только мой разбитый ястребок замер, я растегнул ремни и, с трудом сдвинув заевший фонарь назад, стал вылезать. Ко мне уже бежали со всех сторон. Ревя мотором, подлетела полуторка, в кабине которой сидела Мариночка.

– Цел? – не успев вылезти из машины, крикнула она.

– Нормально! Хорошо плюхнулся, – ответил я, отстегивая парашют. Потом стал обходить и осматривать самолет. Как и думал – только на запчасти, фюзеляж «ушел».

– Цел? Жив? – захлестнула меня волна служащих аэродрома.

– Норма, – смеясь, ответил я. Хотя хотелось плакать. Ястребок было жалко до слез.

– А ну разойдись! – вдруг рявкнул кто-то. Люди расступились, и я увидел рядом с полуторкой чужую «эмку». Она была точно не наша – у никитинской крыша прострелена.

«Это еще кто?» – подумал я, сердце сжалось от нехороших предчувствий.

Рядом с машиной стояли трое командиров в форме НКВД.

– Младший лейтенант Суворов? – спросил старший по званию, капитан. Двое других, лейтенант и старший лейтенант, молчали.

– Да, – ответил я несколько растерянно, кинув взгляд на слегка бледного Никифорова. Кириллов был тут же и тоже молчал. Видимо, документы у приезжих были на уровне.

– Вы проедете с нами. Сдайте оружие.

Толпа ахнула. В военное время это значило одно – я уже не вернусь обратно.

– Есть сдать... – Я стал снимать ремешок с кобурой, но тут мне пришла мысль побарахтаться. Просто какое-то наваждение.

– Товарищ капитан, а можно ваше удостоверение посмотреть? – твердо сказал я, прекратив снимать оружие.

– Вы что, лейтенант, не поняли? Сдать оружие! – выпятив челюсть, резко приказал он.

– Кому? – нагло спросил я. Меня уже отпустило от неожиданности.

– Мне!

– А вы кто?

– Лейтенант, вы издеваетесь?! Я уже предъявлял удостоверение вашему командиру и особисту, – кивнул капитан на Никифорова и стоящего рядом Никитина.

– Удостоверение личности, пожалуйста, – протянул я руку, сделав два шага вперед.

Окружающие напряглись, не исключая обоих особистов, их тоже что-то встревожило. Капитан это заметил, поэтому, усмехнувшись, растегнул клапан нагрудного кармана и достал удостоверение.

– Ваша бдительность достойна уважения, младший лейтенант. – Показалось мне или нет, но в его голосе была угроза.

Открыв удостоверение, мельком осмотрел его. Сомнений не было, как и следа от скрепки.

– Фальшивое, – растерянно сказал я и, не успев ничего осознать, улетел назад – кто-то дернул меня за воротник, а перед глазами блеснул хищный клинок финки.

«По горлу метили», – мелькнула мысль. Дальше я уже ничего не видел – на меня навалилось чье-то безвольное тело, – но зато все слышал. Часто хлопали пистолеты, один раз протрещал автомат, где-то вдали несколько раз хлестко ударила винтовка. И множество криков, в основном мат.

Скинув с себя тело бойца из БАО, я, доставая маузер, принялся одновременно осматриваться. Моей помощи уже не требовалось – пока барахтался, все закончилось. Из «эмки» свешивалось тело красноармейца, рядом на земле валялся ППД, который на моих глазах подхватил кто-то из аэродромной obsługi. Капитан с развороченной грудью лежал в двух метрах от меня, глядя мертвыми глазами в небо. Старший лейтенант – у заднего колеса полуторки, в его руках были зажаты два ТТ со сдвинутыми назад затворами. Отстреливался до последнего. Вокруг суетились бойцы и командиры, проверяя, кто жив, а кто нет. За полуторкой были слышны крики, там явно кого-то допрашивали. Встав с помощью подскочившего бойца на ноги, я, держа в руке маузер, пошел посмотреть, что происходит за машиной. Там оба особиста допрашивали лейтенанта, тыкая ему в рану на ноге стволом пистолета. Вернее, это Кириллов тыкал, Никифоров просто орал, прижимая окровавленную тряпочку к боку. «Лейтенант» же что-то полубоморочно бормотал в ответ.

«Допрос в боевых условиях!» – отстраненно подумал я.

Обернувшись, посмотрел на тела десятка людей, без движения лежавшие на сухой, пыльной земле. Мое внимание привлекла плотная фигура в командирском френче. Как раз один из бойцов, что осматривали и уносили куда-то мертвых, перевернул его, и я увидел остановившийся взгляд капитана Борюсика.

На подножке полуторки со стороны водителя сидел майор Никитин, которому капитан Смолин делал перевязку руки. Лютикова суетилась у тяжелых.

«Что я натворил?!» – Эта мысль крутилась у меня в голове раз за разом, как будто испорченная пластинка. Если бы не я, то парни были бы живы. Заметив, что продолжаю держать пистолет, дрожащими руками спрятал его в кобуру. И глубоко вздохнул.

– Одиннадцать убитых! Восемнадцать раненых! Это что такое?! – орал комдив, довольно шустро прилетевший в наш полк на У-2.

– У них было подстраховка, и она вступила в дело, когда с поля донеслись выстрелы, товарищ полковник, – морщась от беспокоившей его раны, отвечал Никитин.

Это действительно было так. Группа немецких диверсантов имела приказ на мой захват. Причем пленный рассказал, что велели доставить только живым, а в случае невозможности – уничтожить. Работали не в первый раз, свое дело знали, а тут из-за меня осечка. Группа подстраховки из восьми человек была на полуторке, вот они-то и вступили в бой, чтобы дать уйти группе захвата. Когда поняли, что уже поздно, просто ушли, бросив одного своего и девяти-рых наших. В результате у нас четыре трупа, один пленный и две машины. Свою полуторку диверсанты почему-то не забрали, оставили недалеко в лесу и ушли пехом. А наткнулись на нее наши только через полчаса.

Именно это и докладывал Никитин полковнику.

– А вы чего молчите? Стыдно? – грохнув кулаком по столу, спросил комдив у обоих полковых особистов, которые тоже присутствовали при разное.

Я сидел позади всех в землянке и с интересом слушал, до сих пор не понимая, зачем здесь нужен. Кроме командования обоих полков больше никого не было.

– Документы у диверсантов были изготовлены очень высокого качества, просто отличные. Для проверки было слишком мало времени, проводная связь была перерезана до их приезда. Скорее всего, ими же. Так что установить принадлежность к немецким подразделениям было довольно тяжело, – спокойно ответил Никифоров.

– Установить тяжело? А мальчишка сопливый, только заглянув в документы, сразу определил, что они фальшивые, это как по-вашему? – орал полковник, тыкая в меня пальцем.

Никифоров уже подходил ко мне с подобным вопросом, и я подробно объяснил, как определил фальшивку, рассказав, что меня научил этому один из пограничников, когда ходили по немецким тылам. На вопрос «Кто?» я осторожно сдал Слуцкого.

– Мы уже выяснили, кто научил лейтенанта определять подмену. Так что мы теперь тоже в курсе, – коротко ответил Никифоров.

– А сами, значит, были не в курсе? – едко поинтересовался комдив. Он действительно переживал. Погибло на земле – не в воздухе, а на земле – семь летчиков, это не могло не расстраивать.

– Теперь знаем!

– Знают они... Выяснили причину нападения?

– Да. Их целью был младший лейтенант Суворов, присутствующий здесь. По заявке Люфтваффе, которые страдали от его полетов, был приказ выкрасть Суворова. Его фотография у них была, так что в лицо они лейтенанта знали.

– Откуда фото?

– Из газеты.

– Почему именно он?

– На счету Суворова, как сообщил диверсант, шесть сбитых асов Люфтваффе. Четыре из них имели по двадцать сбитых на счету. Так что командование Люфтваффе разозлилось не на шутку. Кстати, возможно, что сегодняшняя атака на него была также спланирована для уничтожения.

– Как они поняли, что это он?.. Ах да. Единственный на нашем фронте ЛаГГ. Да, тогда это все объясняет. Значит, немцы объявили его врагом?

– Пока только неофициально, но потом, скорее всего, объявят. Среди погибших асов был сам Хайнц Бэр «Притцль», на счету которого двадцать семь побед. Недавно он получил Железный крест, но погиб от рук нашего Суворова.

– Нечего было к нам лезть, – буркнул я тихо у себя в углу.

– Суворов! – посмотрев на меня, окликнул комдив.

– Я!

– Ты ведь у нас теперь безлошадный?

– Да, товарищ полковник!

– Самолеты обещали дня через три, так что усиль тренировки, а пока отдыхай. Свободен!

Выйдя наружу, я только пожал плечами. Ну на хрена был там нужен-то? Видимо, комдив имел на меня какие-то планы, но передумал.

Осмотревшись, я зашагал к нашей землянке. Около нее на бревнышке сидела вся группа. Баюкающий перевязанную руку сержант Лапоть – он попал под выстрел, когда был у моего ястребка, – обернулся и увидел меня.

– Наказали, товарищ лейтенант?

– За что?!

– Да крики полковника даже тут было слышно, – пояснил он.

– Нет, это не меня. Кстати, он сказал, что через три дня самолеты обещали нам перегнать.

– О-о-о! – сразу приняли весть летчики.

- Где Сомин? – Командира группы не было.
- Так с ужина не вернулся. Мы-то быстро, а он задержался.
- Ужин? Черт, а поесть-то я и забыл! Если что, я в столовой.
- Хорошо, товарищ лейтенант.

Обойдя штабную землянку по большому кругу, влетел в столовую, то есть на поляну, где она находилась, и спросил у поварихи:

- Где мой самый вкусный ужин на свете?
- Сейчас положим, садись пока, – отозвалась та с легкой полуулыбкой.

Сомина в столовой не оказалось, поэтому, пока накрывали стол, я просто крутил головой. По идущей неподалеку дороге ехало два грузовика, вот они остановились у штаба, и из них стали высаживаться бойцы в такой знакомой форме. У меня непроизвольно рука потянулась к кобуре. Услышав шум рядом, обернулся и увидел, как трое вскочивших из-за стола летчиков стояли уже с пистолетами в руках и напряженно наблюдали за бойцами НКВД. Положив маузер рядом, на столешницу, я, не спуская взгляда с прибывших, занялся наконец-то принесенным ужином. Летчики, поняв, что это свои, тоже продолжили трапезу.

Поев, я ходил к своему капониру – узнать, что там с ЛаГГом: в душе все-таки теплилась надежда, что все будет хорошо. Однако Семеныч разочаровал: ремонт невозможен из-за отсутствия запчастей, которых нет и не будет. Нужно заказывать из-под Москвы. Так что машину только на запчасти... Да кому они нужны? Обрадовав старшину, что идет новая техника, направился к Лютиковой. Увы, Марина занята – отправляла раненых в госпиталь. Пришлось разворачиваться и топать к своей землянке. Там, собрав учеников, к которым присоединились летчики из полка майора Запашного, направился вместе с ними в класс.

- Начнем с главной формулы истребителя, с которой я начинаю свои уроки, – это...

– Высота, скорость, маневр, огонь, – хором ответили ученики знаменитую формулу, которую вывел советский ас Покрышкин.

– Молодцы, теперешний наш урок – это тактический прием под названием «скоростные качели». Идем на «место боя» – так называлось место, на котором мы устраивали, как выразился один из летчиков, «игры с самолетиками».

В самой середине урока, когда на пару сержанта Лаптя сверху падала четверка «худых» из летчиков Запашного, я увидел комдива, стоявшего в окружении командования обоих наших полков и с искренним любопытством наблюдавшего за нами.

Увидев, что я заметил его, он жестом велел продолжать занятия.

Постояв минут десять, полковник также молча удалился с задумчивым лицом.

А вечером, когда почти стемнело, были похороны. Теперь я знал, где лежит прадед Лехи, но легче от этого мне не стало. Я навсегда запомнил эти одиннадцать холмиков на окраине леса. На всю жизнь запомнил.

Утром, когда оба полка по приказу комдива передислоцировались на другое место, я узнал, чего от меня хотел полковник. Никитин проговорился, и слух разнесся по полку. Оказалось, у соседей сохранилось несколько Пе-2, вот комдив и хотел меня временно посадить на одну из машин, но почему-то передумал.

Три дня мы с рассвета и до заката занимались учебой. Я даже велел ходить ребятам парами, чтобы они привыкали друг к другу. Себе в ведомые взял сержанта Лаптя – он неплохо реагировал на нештатные ситуации. Горкин – ведомый Сомина. Морюхов – ведущий третьей пары, Булочкин у него ведомый. Так мы определились с организацией, пора было определиться с машинами, но их все не было.

Самолеты прибыли только через два дня. Семнадцатого июля. Увидев, кто садится, я только рот открыл от удивления. Группу я учил теории совершенно на других машинах.

- Товарищ майор, а что это?

Моей растерянности и удивлению не было границ. Ладно МиГи, я их узнал. Четыре таких знакомых силуэта, порывая моторами, катились по ВПП, гася скорость. Но шесть других смутно знакомых двухмоторных силуэтов, которые пока еще крутились над аэродромом, казались мне странными.

– Не знаю, лейтенант. Сам их в первый раз вижу, – с легкой озадаченностью ответил майор Запашный, вместе с остальным командованием полка встречающий новую технику.

Вздыхнув, я уставился на непонятные машины.

Все разъяснилось, когда к нам подошел один из перегонщиков в звании капитана и доложил о доставке новейшей экспериментальной техники.

– Слушай, Сев, а он мне нравится! Штурмовик-истребитель, – словно пробуя на вкус, проговорил Сомин, сидевший в кабине ТА-3.

Я, стоя на приставной лесенке, хмурил лоб, с интересом изучая расположение приборов и органов управления.

– Хорошая идея. Можно не только расчищать воздух для бомбардировщиков, но и уничтожать зенитные средства перед налетом.

– И я о чем! Нужно облетать ее. – Старлей принялся двигать туда-сюда ручку сектора газа, проверяя, удобно это или нет.

– Пойду поговорю с перегонщиками, хочу узнать летные характеристики обоих типов машин. – Спустившись на землю, я энергично зашагал к группе командиров, стоявших у одного из МиГов.

Летные характеристики этих истребителей меня мало интересовали, я их знал, но все равно с дотошной подробностью расспрашивал пилотов об обоих типах самолетов.

Когда технику растащили по укрытиям, замаскировав в таких же капонирах, как и мой, – майор Запашный быстро оценил преимущества капониров – мы направились в столовую отметить поступление техники и отблагодарить перегонщиков.

Откуда взялись ТА-3, выяснилось к вечеру, когда прилетел комдив. Оказалось, что один из конструкторов приходится ему близким родственником и попросил помочь с продвижением машины в боевых условиях. Ну а куда ее отправлять, как не в известный среди летчиков полк, в котором служу я? Мне об этом рассказал Никифоров, вызвавший меня к себе, чтобы пропесочить за отношения с Лютиковой.

– Садись, – хмуро кивнул он на табурет.

Прикрыв дверь, я спустился на две ступеньки, сел и вопросительно посмотрел на Никифорова.

Несколько секунд политрук с интересом рассматривал меня, после чего, вздохнув, спросил:

– Ты в каких отношениях с военврачом Лютиковой?

– В дружеских, – осторожно ответил я, уже догадываясь, о чем пойдет разговор. В обоих полках царила какая-то атмосфера целомудрия – к девушкам ни-ни! Разговоров о них в землянках хватало, а вот завести отношения, вроде моих с Мариной, почему-то боялись. Нет такой легкости, как в моем времени – перепихнулись и разбежались. Я был сперва удивлен, узнав, что все женщины у нас в полку живут в одной землянке. Ну кроме Марины, конечно, которой сделали исключение, но потом понял, что так они пытаются свести знакомства к минимуму.

– Я понимаю, что в дружеских. Но попытайся сделать их такими, чтобы их не обсуждали в обоих полках. Ты понимаешь, в какое положение ставишь нас, да и саму Марину Викторовну?

– Не совсем...

– Я не знаю, как у вас во Франции, но... спать с одной женщиной и заигрывать с другими... У нас так нельзя.

– Подождите, а почему вы пришли к такому выводу? – спросил я уже заинтересованно.

– Понять, что у вас с Мариной Викторовной, было несложно. Многие видели, как ты после бомбежки выскочил из противовоздушной щели и бегал вокруг санчасти, спасаясь от Лютиковой. Ладно хоть бегаешь хорошо, не догнала. Синяк, да и дежурный видел, как ты выходишь из ее землянки рано утром. Так что сопоставить некоторые факты было нетрудно.

– Глупости это. То видел, это видел. Недоказуемо... и вообще, это наши личные с Мариной Викторовной отношения.

– Пусть так. Но то, как обращаешься с официантками? Это как?

– А что не так?

– Улыбочки, цветочки, комплименты?

– Ой, насмешили! «Улыбочки, цветочки, комплименты». Ну вы даете! – я откровенно смеялся.

– Не вижу ничего смешного, – хмуро ответил особист.

– Ну почему же? Ладно, давайте серьезно. И парторгу об этом скажите, а то он уже ходил, обещал мне проблемы по комсомольской линии. С Лютиковой у меня все серьезно. Это без комментариев, закрыли вопрос. Насчет официанток, я вам расскажу такой случай. Зашли мы как-то с командиром полка в столовую, так как вы думаете, кого обслуживали две официантки, а кого одна? Да, я нахожусь в хороших отношениях с девушками-официантками именно из-за того, что люблю вкусно поесть. То есть мне несут все самое вкусное, свежее и быстро.

Сказав это, я хотел было откинуться на спинку, но в последний момент вспомнив, что сижу на табурете, только повел плечами.

– Более-менее понятно. Ладно, что у вас там по новой технике? – спросил Никифоров после недолгого размышления.

– Двое перегонщиков остаются в полку, будут учить нас, но судя по характеристикам, что они мне сказали, группу разобьем на две части. Я на МиГах, двумя парами на высоте, иду в охранении, а Серов на шести ТА-3 – в непосредственном сопровождении. В случае воздушных схваток мы падаем сверху, атакуем и, не ввязываясь в бои на малых или средних высотах, лезем обратно наверх и снова атакуем. В общем, прикрываем наших от атак сверху. Майор Запашный уже подбирает летчиков из безлошадных. У меня сегодня два вылета, хочу обкатать обе машины, посмотреть, что они могут.

– Ладно. Это понятно.

– Товарищ политрук, а откуда эти штурмовики?

– А тут такая история... – хмыкнул Никифоров...

Когда я выходил, он спросил у меня:

– Почему именно Марина Викторовна? Много же девушек красивых...

Помедлив несколько секунд, я честно сказал:

– Я молодой, мало что умею... опыта набираюсь. – И, не дожидаясь следующего вопроса, вышел.

Вздыхнув свежего лесного воздуха, энергично зашагал к новым самолетам, где уже присмотрел себе один. На ходу я думал, что с Лютиковой конкретно пролетел. Она вообще ничего не умела. Нет, мужчина у нее до меня был, но все равно! Проявлять инициативу постоянно приходилось мне. А я и встречался-то со взрослыми женщинами только из-за того, что работать в постели не приходилось – лежи, получай удовольствие, они сами все сделают. И как ни странно, учить ее мне понравилось! Сейчас, после той первой ночи, я не делал попыток к следующему сближению, профессионально опутывая ее сетью внимания и подарков. Нужно дожидаться, чтобы она была готова к следующей встрече, это легко определить по глазам, а сейчас она пока не готова, слишком быстро у нас все произошло. Я бы сказал, внезапно, и Марине нужно было время, чтобы прийти в себя.

– Как аппарат, Виктор Семенович? – спросил я у своего механика, подходя к МиГу под номером восемь.

– Трудно сказать, я, как и вы, эту машину в первый раз вижу, но мне помог летчик, что ее перегонял, так что все в норме. Будете опробовать?

– Ага. Сейчас в штаб сбегая, разрешение получу. – И я уже развернулся, чтобы уйти, как Семеныч меня остановил:

– Товарищ лейтенант, Смолин сообщил, что запчасти к ястребку везут. Послезавтра будут, восстановим мы вашего любимчика.

– Хорошая новость, Виктор Семенович. Спасибо.

– Ну так, работаем понемногу, – ответил тот.

Место, куда мы передислоцировались пять дней назад, очень напоминало то, где случилось происшествие с диверсантами, разве что там не было деревеньки в двух километрах от леса. За эти пять дней много что произошло. В том числе по моей инициативе с немецких самолетов, упавших или севших на вынужденную вблизи расположения обоих полков, стали снимать прицелы и радиостанции. И сейчас радисты из одиннадцати привезенных аппаратов собирают пять. К нам даже прибыл начальник связи дивизии, его очень заинтересовала эта идея, и если все получится, опыт передадут в другие части. Но как бы то ни было, место, где собирались радисты и даже радиолюбители, окутывалось запахом канифоли, матом обжегшихся и бормотанием над вскрытыми корпусами. Насколько я знал, три штуки уже были готовы. Одну сделали стационарной, ее уже установили у штаба и сейчас тестировали. Две другие собирались установить в самолеты. Одну – майору Запашному в его «ишачок», другую – Сомину. На подходе были еще две, первую же поставят мне. С прицелами возникли какие-то проблемы, сейчас с ними прибористы возьмются...

– Товарищ лейтенант, а концерт во сколько сегодня будет? – отвлек меня от размышлений чумазый паренек примерно моих лет в комбинезоне и с ведром в руках.

– Сегодня пораньше. Полдевятого, перед закатом, – ответил я задумчиво.

– Спасибо, товарищ лейтенант!

Вот еще одна проблема. Если раньше я давал импровизированные концерты от случая к случаю, то в последнее время, распробовав такие незнакомые и привлекательные песни, которые мои слушатели тщательно конспектировали, был вынужден давать их каждый день по просьбе политуправления полка, то есть по просьбе комиссара Тарасова. Дошло до того, что мой график командованием полков был составлен на две недели вперед, есть даже выезд в соседние части, были такие просьбы, присылали к нам делегатов.

Получив разрешение, я вернулся к МиГу и стал готовить его ко взлету. Стоявший на крыле лейтенант Лазарев, один из тех, кто пригнал технику, показывал, какие нужно проводить предполетные проверки и подготовку ко взлету.

Выведя самолет на взлетную полосу, дал газу. По сравнению с ЛаГГом длина пробега была заметно больше, да и управление такое же сложное. Нарезая круги над аэродромом, набирал высоту. На семи тысячах пожалел, что не догадался заранее обсудить декомпрессионный костюм – нужно будет заняться этим при посадке, а пока попробуем, на что способен этот аппарат.

Сперва я осторожно делал виражи, но поняв, что машина «держит», стал крутиться более жестко и уверенно.

– Малой, я Липа. Курс двенадцать. С северо-запада на девяти тысячах идет дальний разведчик, приказываю уничтожить.

– Липа, я Малой, вас понял. Курс двенадцать.

Выйдя из мертвой петли и дождавшись, пока перестанут перед глазами крутиться звездочки, повел самолет в сторону цели.

«М-да, полегче надо было. Все-таки высота, а я сразу из штопора петлю Нестерова сделал. Нужно озаботиться костюмом, нужно!»

Дышать на десяти тысячах, где оказался разведчик, можно было благодаря кислородному аппарату, но вот в одной только гимнастёрке было холодно, я даже стал замерзать.

«Взлетел на пятнадцать минут покрутиться, а тут такое. Блин, не превратиться бы в пингвина!»

Однако повезло, длинный инверсионный след четко показывал положение цели. И шла она вовсе не на предельной высоте. Может, не успела набрать?

«Ну сейчас собьем – и быстренько домой! Греться!» – подумал я, беря ручку на себя, чтобы донабрать высоты и встретить немца.

Скорость была о-го-го, когда я подошел к нему со стороны хвоста. Увернувшись от очереди стрелка-радиста, нажал на гашетки. Длинный дымные трассы потянулись к «Ju.86P-2», однако пилот ловко увел разведчик из-под моего огня, пришлось уйти в сторону, чтобы не попасть на прицел к стрелкам. Насколько я помнил, на подобных машинах стояло аж семь пулеметов. Пришлось подняться еще выше и заходить со стороны солнца, чтобы не дать стрелкам прицельно оборонять самолет. И снова неудача – на этот раз мои очереди прошли по крылу. Рисковать зря я не собирался. Мне мой самолет нужен был невредимым. Спина, несмотря на холод, взмокла от пота, когда я заходил снова. На этот раз немец, несмотря на то что постоянно крутился, не смог уйти, и его левый мотор задымил от попаданий. Дальше было проще – длинная очередь по кабине, и сорвавшийся в штопор «юнкерс», оставляя дымный след, понесся вниз.

– Липа, я Малой. Разведчик сбит. Падает в квадрате шесть-одиннадцать. Визуально наблюдаю два парашюта, вышлите поисковую группу.

– Малой, я Липа. Вас поняли. Возвращайтесь.

– Липа, я Малой, вас понял, возвращаюсь.

Мне пришлось снизиться до трех тысяч, чтобы лететь в более-менее нормальных условиях.

«Сажусь – и сразу горячего чая. Хотя...»

– Липа, я Малой. Просьба при посадке организовать горячего чаю. Очень замерз.

– Малой, я Липа. Вас понял. Встречаем.

Садиться пришлось тоже на высокой, как мне показалось, скорости. Такова уж была особенность МиГов. Подогнав самолет к капониру, я быстро выбрался из кабины, схватил кружку с чаем, что мне подала Люба, и с урчанием стал поглощать, пока меня ощупывала Марина, проверяя температуру.

– Осторожно, горячий! – с запозданием предупредила меня Люба.

– Ничего, самое то, – ответил я с улыбкой.

– Как аппарат? – спросил осматривающий МиГ Семеныч.

– Хреново. Я на этот... девушки, прошу прощения, заткните уши... Ага, спасибо. Так вот, я на этот еб...й разведчик три раза заходил. Что за хрень там с оружием? Такое впечатление, как будто из пистолета стрелял, тот же эффект. Пока двигатель не поджег, никак сбить не мог, хотя попадания были, и немало.

В это время к нам подошел Сомин со всеми летчиками нашей группы, и завязался разговор о тактике применения МиГов. В конце концов мы сошлись на мнении, что на все аппараты надо поставить авиационные пушки и пусковые установки для эрэсов.

– Смолин идет. Сейчас опять рапорт требовать будет, – сказал я и, допив вторую кружку, отдал ее Любе, после чего встал и оправил форму, готовясь встречать начальство. Пока оно подходило, напомнил Сомину про необходимость узнать о механиках для ТА-3 – нам в их внутренности лезть запрещалось. Для этого должны были прибыть работники КБ, причем в тот же день, что и машины. И до сих пор не прибыли.

Вылететь на ТА в ознакомительный полет мне не разрешили – без предполетного осмотра выпускать летчика в воздух было запрещено.

– Темнеет, товарищ лейтенант, – посмотрев на пока еще светлый небосклон, сказал сержант Лапоть, когда мы шли от стоянки самолетов.

– Точно. Ладно, иди отдыхай, а мне еще к концерту готовиться. Запашный хочет наших гостей-перегонщиков удивить. Так что нужно выложиться на все сто.

– Ага, отдыхай. Прошлый раз не успел, так все лучшие места заняли, пришлось на дерево лезть.

– Тогда иди место занимай. Концерт начнется через сорок минут.

– Ага, ясно. А кто девушек встречать будет?

– Каких еще девушек?

– У нас тут рядом медсанбат расположился, так их комиссар Тарасов пригласил, познакомиться, да и музыку послушать, неужто не слышали?

– Не слышал. Как-то не до того было. Хм, пойду к парням, начну подготавливаться.

У меня уже была своя группа. Трое умеющих играть на музыкальных инструментах. Мы быстро разучили простые мелодии, так что теперь у меня было музыкальное сопровождение из гитары, баяна и трех барабанов, что сумел сохранить один из бойцов музыкального взвода. Не фонтан, конечно, но мне хватало.

Когда почти полностью стемнело, мы, подхватив свои инструменты, направились к большой поляне в глубине леса, которую выбрали несколько дней назад для концертов. И от аэродрома два километра, и свет можно зажигать, правда специально назначенные бойцы сразу глушат светильники при любом подозрительном шуме.

Сперва мы услышали гам собравшихся людей и только потом вышли на открытое место, где стояла сколоченная бойцами из досок сцена. По самым смелым прикидкам, народу собралось тут не меньше чем четыреста человек. И если учитывать, что я никогда не собирал больше трехсот, значит, было много пришлых. В первых рядах на лавках сидело начальство с важными гостями, я там заметил пару незнакомых майоров и наших перегонщиков. Девушки в основном кучковались у больших, незнамо откуда привезенных громкоговорителей рядом с несколькими фонарями, освещающими танцевальную площадку. Пока парни проверяли инструменты, я, подхватив подаренную мне три дня назад гитару, подошел к микрофону и, постучав по нему, просто сказал:

– Добрый вечер, товарищи. Начинаем наш концерт...

Для меня нет тебя прекрасней,
Но ловлю я твой взор напрасно,
Как виденье, неуловима,
Каждый день ты проходишь мимо.
Как виденье, неуловима,
Каждый день ты проходишь мимо.
А я повторяю вновь и вновь:
Не умирай, любовь, не умирай, любовь,
не умирай, любовь!²

Я не пел военных песен. Люди и так на войне. Я пел простые жизненные песни, которые отвлекали людей от смерти и потери.

² Юрий Антонов.

Выйду ночью в поле с конем.
Ночкой темной тихо пойдем.
Мы пойдем с конем по полю вдвоем,
Мы пойдем с конем по полю вдвоем...
Ночью в поле звезд благодать.
В поле никого не видать,
Только мы с конем по полю идем,
Только мы с конем по полю идем³.

Закончил Кобзоном:

А у нас во дворе
Есть девчонка одна.
Между шумных подруг
Неприметна она.
Никому из ребят
Неприметна она.

Я гляжу ей вслед,
Ничего в ней нет,
А я все гляжу,
Глаз не отвожу.

Есть дружок у меня,
я с ним с детства знаком.
Но о ней я молчу
даже с лучшим дружком.
Почему-то молчу
даже с лучшим дружком.

Я гляжу ей вслед,
Ничего в ней нет,
А я все гляжу,
Глаз не отвожу⁴.

Двухчасовой концерт закончился в полдвенадцатого ночи. На этот раз тоже повезло – его не прерывали. Гости из других частей уезжали вполне довольные и радостные. Мы с парнями возвращались на аэродром, когда шедший слева Олег Мясоедов, барабанщик, спросил:

- Товарищ лейтенант, а откуда у вас эти песни?
- Нравятся?
- Да, особенно эта, про коня, или вот «Алиса».
- Пишу да пою. В голову приходят, вот я их в тетрадку-то и записываю, а некоторые нет...
- А сколько вы песен написали? Вот мы тридцать слышали, вы только их поете.
- Я пою те, что попроще. А так у меня их не меньше двухсот написано.

³ Группа «Любэ».

⁴ Иосиф Кобзон.

– Ого! – загалдели спутники. Шли мы толпой человек в сорок. Тут были и мои музыканты, и слушатели из моей группы, и другие присоединившиеся... Вот все вместе и принялись упрашивать спеть что-нибудь, чего они не слышали.

– У меня горло пересохло, хриплю уже.

– Ну пожалуйста, товарищ лейтенант! – узнал я голос нашей официантки Любы.

– Ну хорошо, слушайте эту.

Мы расположились где-то в двухстах метрах от наших землянок, и я, глотнув воды, поданной мне кем-то в темноте, спел им «Дрессировщика», благо хрипел почти как Боярский. Что ни говори, а они таки заставили спеть ее на «бис» и только потом скрепя сердце отпустили. И почему все концерты заканчиваются так одинаково?

Утром приехали специалисты из КБ, которые, устроившись в специально приготовленных для них землянках, стали возиться с самолетами. Старшим у них был сам авиаконструктор и создатель этих машин Таиров.

Пилоты, назначенные на машины, осматривали их, восхищаясь огневой мощью вооружения, все-таки оно состояло из одной крупнокалиберной пушки ШФК-37 калибра тридцать семь миллиметров, двух двадцатитрехмиллиметровых пушек и двух пулеметов ШКАС, а это не фунт изюма. Блин, мне эти машины нравились все больше и больше.

– Всеволод Константинович, когда вы все-таки дадите разрешение на ознакомительный вылет? Мне хотелось бы погонять его на виражах, проверить устойчивость и систему управления – не сложна ли она для переучивания на новую машину? – спросил я у Таирова.

– Через полчаса. Сейчас Павел закончит осматривать «шестерку», и вполне можете пробовать.

– Хорошо. Вы не знаете, что там с установкой трофейной радиостанции на самолет?

– Этим Борис Фельдман занимается. Это его специфика, насколько я знаю. Там есть некоторые проблемы, но они решаемы, все самолеты будут радиофицированы, если будут радиостанции.

Вылетов пока не было, и я, пользуясь этим, решил облетать один из ТА-3. Пока самолет готовили, поболтал с конструктором.

Оказалось, опытных машин было создано десять, то есть без моторов, вооружения и оснастки, но только две из них – доукомплектованные – допустили к испытаниям. Из-за войны их опробование понемногу стали сворачивать, вот Всеволод Константинович и подсутился с боевой проверкой с помощью своего родственника и товарищей в штабе ВВС, которые подали докладную записку Сталину. Именно Иосиф Виссарионович приказал отправить все машины в наш полк, видимо, из-за меня. Таиров прямо не сказал, просто намекнул. И только по счастливой случайности оказалось, что дивизией командует родственник конструктора. Быстро дооснастив машины и погнав их, Всеволод Константинович отправил самолеты своим ходом на наш аэродром, а сам двинулся со своими людьми поездом и машинами.

– Смотрите, в штопор свалился! – выкрикнул кто-то из прикомандированных.

Сотрудники КБ с Всеволодом Константиновичем тревожно следили за всеми маневрами едва видневшегося самолета, и срыв в штопор заставил всех поволноваться. ТА-3 был детищем не только Таирова, но и их тоже, и работники переживали не меньше отца машины.

– Не видно, упал, похоже, – тоскливым голосом выдохнул один из спецов, когда самолет скрылся за деревьями. Все ожидали толчка земли или звука взрыва, но вместо этого, неожиданно, ревя обоими моторами, над ними пронеслась стремительная тень и, крутнувшись вокруг своей оси, стала снова набирать высоту. Вдруг у самолета заглох один мотор. Было видно, как пилот пытается справиться со сразу ставшей неуклюжей машиной, сменившей свои элегантные порхания на резкие рывки.

– Черт! Рации нет, нужно немедленно дать приказ на посадку! – громко скомандовал кто-то рядом. Обернувшись, Всеволод Константинович увидел командира одного из полков, с которым познакомился всего пару часов назад.

– Дежурный, ракету! – скомандовал майор Запашный.

Самолет в это время, выпустив шасси, пытался набрать высоту, но после ракеты стал планировать на ВПП. Вот он коснулся полосы и покатился по ней, но тут вдруг неожиданно запустился заглухший мотор, и «тройка» снова полезла вверх. На трехстах метрах у нее снова заглух двигатель, но на этот раз другой, уже правый.

– Да он тестирует полетные характеристики при одном работающем моторе! – догадался кто-то.

– Спасибо, я уже понял, – ответил конструктор.

Покрутившись над аэродромом еще минут десять, Суворов повел машину на посадку, но и тут он не обошелся без привычного «выпендрежа», как сказал один из местных. Крутнувшись почти у самой земли чуть ли не на кончике крыла, лейтенант, показывая великолепные летные данные, посадил тяжелый истребитель на три точки.

Подогнав машину к капониру, я заглушил оба двигателя, позволив истребителю катиться и притормозив только у места стоянки.

– Ну как? – Это было первым, что я услышал, как только откинул фонарь. Подставляющий к корпусу лестницу один из инженеров с вопросительным выражением на лице ожидал моего ответа, как и остальные.

– О! – показал я большой палец, что вызвало вздох облегчения у всех работников КБ.

– Что скажешь, Суворов? – спросил подошедший Запашный. Не знаю почему, но смотрел он на меня не совсем по-доброму.

– Нормально, товарищ майор. Доложиться?

– В письменном виде непременно. А пока устно.

– Есть устно.

Спустившись на землю и отойдя в сторону, запрыгнул на ящик из-под патронов, осмотревшись, спрыгнул, поставил еще один и снова залез. И только потом начал докладывать сразу всем заинтересованным:

– Самолет хороший. Это одним словом. А теперь начну говорить, что так и не так. По моему мнению, со свободным рулем он продольно устойчив при всех летных центровках, имеет большую поперечную и положительную путевую устойчивость. Это хорошо. Нагрузки на рули и элероны в полете несколько велики. Велика и нагрузка на руль высоты при посадке. Бафтинг на самолете отсутствует. На одном моторе с выпущенными шасси самолет идет со снижением. Полет на одном моторе с убранными шасси возможен. Кабина летчика просторна, обзор вперед и вверх хороший, вбок недостаточный, вниз неудовлетворительный, назад отрицательный. Винтомоторная группа самолета работает надежно. Подходы хорошие. Охлаждение моторов на всех режимах достаточное. Посадочные приспособления – шасси, щитки, тормоза – работают надежно. Что мне нравится в этой машине – это мощное стрелково-пушечное вооружение, сильное бронирование экипажа, высокая живучесть винтомоторной группы за счет установки двух моторов воздушного охлаждения, способность производить все фигуры высшего пилотажа. Безопасность при потере скорости, нет тенденции к сваливанию на крыло, возможность продолжения полета с убранными шасси на одном моторе. Что не понравилось – это значительные усилия на ручку руля высоты при посадке, большие нагрузки на ногу без пользования триммером при полете на одном моторе, плохое конструктивное и производственное выполнение фонаря, ухудшающее обзор, плохой обзор в стороны и назад. По моему личному мнению, такой самолет пригодился бы не только для борьбы с немецкими мотомехколоннами, но и для обеспечения ночных рейдов самолетов дальней авиации, блокировки аэродромов противника.

Подавление ПВО, в авиации ВМФ – при выполнении задач по дальнему прикрытию морских конвоев, разведки и бомбоштурмовых ударов по малоразмерным судам противника. В общем, самолет мне понравился. Хороший аппарат. У меня все.

Пожав руку Таирову за машину, я направился в штаб, откуда после составления докладной записки пошел обедать. Вернувшись, приступил к занятиям по воздушной тактике и стратегии – мы решили произвести первый совместный полет, благо работники КБ привезли немало запасных моторов. Уж не знаю, откуда их добыл Таиров.

Что и говорить, первый блин оказался комом. Усложняло учебный полет еще и то, что радиостанции стояли только на моей машине и Сомина, чего было явно недостаточно. Немецкий шлемофон в сеточку плотно облегал виски, и четкость передачи была просто изумительна, по крайней мере, слышимость была получше, чем у наших радиостанций. По моему совету у штаба повесили динамик, и теперь любой мог слышать наши переговоры. Как же я пожалел о своем совете, когда мы приземлились! Оказываться, ругаться могу не только я, но и командиры...

– Так, все собрались? – Запашный обвел всю группу, всех десятерых пилотов взглядом. – Ну что, начинаем разбор первого учебного вылета. Сомин, есть что сказать? Нет? Суворов? Ну кто бы сомневался! Приступай, лейтенант.

Встав так, чтобы меня все видели, я быстро разнес все, что произошло в первый наш учебный полет. Про лететь парами даже не заикался: первый – он и есть первый, летчики знакомились с машинами, и если к тем шести, что летали на «тройках», у меня особых претензий не было, то к тем, что летали на МиГах, были, и немало.

– Блин! Я же вам объяснял, какое на МиГах дубовое управление! Это не «ишачки», которые реагируют на каждое движение! Это МиГи!!! Забудьте, чему вас учили на «чайках» и «ишачках»! Тут совсем другое управление. Я, блин, командую разворот «все вдруг», так время на это потрачено было!.. Я даже голос сорвал. Давайте все заново. Сейчас все садятся в кабины своих машин и привыкают к управлению, многократно повторяя все те движения, что вы должны делать во время полета, чтобы хоть немного выработался рефлекс... Да, даже вы, товарищ старший лейтенант, тоже должны последовать примеру своих подчиненных. А я спать.

За день все-таки был один вылет бомбардировщиков на поддержку наших наземных войск, но без меня. Командование решило не прерывать наши тренировки. Порадовало одно – завтра прибывают запчасти к ЛаГТу. А в девять вечера меня разбудили – приближалось время очередного концерта.

Пять дней нам дали на ознакомление с машинами и совместные полеты. С моей легкой руки ТА-3 обзавелись тремя названиями – «таиры», «тройки» и «троечки», что прошло на ура.

За это время на все МиГи поставили радиостанции, что существенно повышало сплоченность пар и облегчало учебу в воздухе. На «тройки» успели поставить только три – Сомину и ведущим пар.

Полки вели боевую работу, были потери, были победы. Кто-то не вернулся, кто-то прихромал или приехал на попутной машине, но нас не трогали. Пришло шестнадцать новых машин, переданных из внутренних округов. Они немедленно включились в работу и под прикрытием «чаек» Запашного уходили на бомбежку.

Я видел, что к концу четвертого – началу пятого дня выполнять виражи пары стали все увереннее и увереннее. Прочувствовать и получить уверенность в себе помогли сами немцы, устроив налет на наш аэродром, причем идиоты выбрали такое время, когда мы были в воздухе.

Обе группы в это время тренировались согласно ранее намеченному плану, в атаках на тихоходный разведчик Р-5, выделенный Запашным. И надо сказать, что парни действовали все более четко, а не как раньше. Первые атаки – парами, а потом, в азарте, уже кучей малой. И

никакие ведь вопли на них не действовали! Нам с Соминим с трудом тогда удалось успокоить подчиненных, и все равно то один, то другой вырывался из строя, но через некоторое время возвращался на место. Умнеют, паразиты. Не любят они наряды.

– Кубик, я Лето. К «точке» на пяти тысячах четырьмя звеньями подходят двенадцать «Хе». В сопровождении четырех Ме-109 выше на триста метров. Приказываю атаковать, – послышался в эфире голос дежурного. Не знаю, что наши инженеры сделали с экранированием моторов, но помех почти не было.

Позывной «Кубик» принадлежал Сомину, и так как он старший, вызов шел к нему.

«Вот сейчас и узнаем, чему я вас научил!» – подумал я, выравнивая МиГ.

– Малой, я Кубик. Прикрытие на вас. Командуй. Я беру «хейнкелей». Устроим им «град» и «карусель». «Тройки», за мной.

– Я Малой, вас понял. «Синие», за мной. Карп, первым атакуешь «мессеры», работаем «качелями», мы во второй очереди.

На МиГах были теперь свои экипажи. Командир звена я с сержантом Лаптем в ведомых. И старший сержант Карпов из безлошадных, которого нам дал майор Запашный. Ведомым у него сержант Валиков, тот, который не попал к нам при первом наборе. Дав газу, мы вырвались вперед и стали с ходу набирать высоту. На восьми тысячах пришлось использовать дыхательные аппараты. Чтобы приказать что-нибудь, мне приходилось вытаскивать мундштук, после вставлять обратно. Но как бы то ни было, опередив сбросившие скорость «троечки» на километр, мы первыми оказались над аэродромом, на который уже надвигался строй «хейнкелей». Наши цели беспокойно крутились чуть в стороне, двумя километрами ниже, но вот они с разворота стали тоже набирать высоту. Пройгнорировав бомбардировщиков, мы бросились к «худым».

Карпов с ходу спикировал на не успевших набрать скорость немцев. Атаки не получилось – пара, на которую он нацелился, ушла в сторону, но хотя бы перестала набирать высоту. Пользуясь преимуществом в скорости, Карпов, выйдя из пике, полез вверх, снова занимая позицию для атаки, это и называлось «качелями». Следующими были мы.

– Атака!

Бросив МиГ в пике, я нажал на гашетки. И, в отличие от Карпова, не промазал.

– Карп! Добей подранка! Мы другой парой займемся.

Вторая пара, та самая, на которую первым пикировал Карпов, уже почти набрала высоту, и я поспешил к ним, бросив быстрый взгляд на строй «хейнкелей». Строя уже не было. Судя по всему, Сомов уже устроил им «град» – это означало, что «тройки» подошли и на минимальной дистанции разом выпустили все эрэсы. От двенадцати бомбардировщиков осталось пять, которых сейчас и гоняли наши «таиры», разбившись поодиночке. Сомов уже голос сорвал, пытаясь собрать их вместе. На моих глазах огненным комком вниз полетел очередной «хейнкель».

«Мессеры» решили помочь своим. Та пара, к которым мы шли, неожиданно через крыло пошла вниз, к «тройкам».

– Кубик, я Малой. К вам пара «мессеров» идет. Перехвачу их на подступах, но все равно один может прорваться.

– Понял. Жду. Я Кубик. Все ко мне!!! ... к ... чтобы вас ...!!!

– Лапа, я Малой. Атакуем поодиночке. Твой ведомый, мой ведущий. Понял? Атакуем!

Мы уже падали на пару «гансов», которые были ниже нас почти на полкилометра. Перехватить мы их смогли на встречном курсе, у клубка воздушного боя, или, проще говоря, избивения боксером младенца. Именно так выглядел бой между немецкими бомбардировщиками и «таирами».

Как я и рассчитывал, перехватили мы «худых» почти у строя. Мой, вспыхнув, понесся вниз огненным комком, а вот ведомый, которого атаковал сержант Лапоть, хоть и дымил, но летел, правда, уже не к бомбовозам, но все равно.

– Лапа, добей его, – приказал я и пристроился к ведомому, защищая с хвоста.

– Карп. Доклад.

– Подранка сбили. Сейчас со вторым возимся. Упертый черт, никак не догоним.

– Принято.

Лапоть со своим никак не мог закончить. Похоже, от волнения все очереди шли мимо.

– Лапа, убери пальцы с гашетки. Убрал? Ага, вижу. Теперь глубоко вздохни, еще раз. И спокойно прицелься – он уже потерял скорость и не может так маневрировать. Огонь!.. Молодец! Поздравляю с первым сбитым!

С первым сбитым поздравить пришлось не только сержанта Лаптя, но и других молодых летчиков, у которых это был первый учебно-боевой вылет со встречей с противником. Старший сержант Карпов сбил два «мессера» – наверное, с испугу он все-таки догнал второго. Один, правда, ему засчитали, как в группе, все-таки подранок был, а вот второй серьезно его. Сколько сбили «таиры» Сомина, подсчитать было трудно, залп эрэсами поставил крест на этом, но то, что ни один из самолетов немцев не вернулся домой – это факт. Мне вообще казалось странным количество сбитых реактивными снарядами – точно знаю соотношение расхода ракет и сбитых. А тут – одним залпом!.. М-да. Это или везение, или все равно везение, опыта подобной стрельбы у них не было, я спрашивал.

Последнего свалили в тридцати километрах от аэродрома. Карпов же и сбил, когда «худого» догнал. Повезло, что у немца проблемы с управлением какие-то были, а не то бы ушел, точно бы ушел.

Наши с аэродрома наблюдали большую часть боя, только концовка ушла далеко в сторону, но одно то, что на ВПП упало три самолета, говорило, что учеба шла как надо.

После того как «тройки» сели, настала наша очередь. Когда я подогнал свой МиГ к капо-ниру, мне сообщили еще одну новость, уж не знаю, какую по счету. Запрет на интервью был снят, и надо же было такому случиться, чтобы военные и не только корреспонденты прибыли в наш полк именно тогда, когда мы взлетали. Так что воздушный бой шел фактически на их глазах. Не знаю, сколько пленки они извели, но из всей пишущей братии только один фотограф был доволен – у него была профессиональная камера с мощным объективом. Думаю, именно ему повезло сделать самые лучшие снимки. Порадовало одно – теперь у пишущей братии кроме меня было еще девять «жертв». Пусть тоже отдуваются.

От меня не отстали. Сняли на крыле так, чтобы были видны двадцать звездочек на фюзеляже и пририсовывающий еще одну Степаныч. Правда, его со спины сняли, но он и этому был рад.

Постоянные вопросы, щелчки затворов фотоаппаратов, общие снимки, одиночные, на фоне горящих обломков сбитых «хейнкелей»... Меня мурыжили часа полтора, пока после обеда не удалились жутко довольные таким репортажем.

– Даже поесть нормально не дали, – недовольно сказал я, посмотрев вслед уезжающему автобусу.

– Так, бойцы. А кто за вас рапорты писать будет? – послышался со спины голос капитана Смолина.

Поскольку нас переподчинили полку Никитина, то и все бумаги по вылетам шли через его штаб, так что мы направились вслед за капитаном. В штабе же выяснилось, что журналисты уехали ненадолго – тут где-то рядом упали сразу шесть бомбовозов. Это, наверное, те, по которым «таиры» эрэсами залп дали. Акулы пера оставались на мой концерт, про который уже знали во всех подробностях.

– Можно мне вот тут встать? – оторвал меня от написания рапорта чей-то нежно-девичий голосок.

Удивленно подняв голову, я, как и все, посмотрел на непонятно откуда взявшуюся девушку-репортера.

– Вот тут можете встать, тут будет удобно, – сразу же заулыбался «вечный дежурный» Виктор. Который действительно стал «вечным». Не знаю, как он упросил оставить его в полку, но должность дежурного у нас теперь была занята надежно. Три дня назад он сломал руку, когда сел на вынужденную на нейтральной полосе. Самое смешное, при посадке он врезался в подбитый танк. Так в рапорте и написал причину травмы: «из-за тарана танка», что стало причиной долгих споров в полку и шуток на эту тему.

Девушку я вроде видел среди репортеров. Точно – она брала у меня интервью о личной жизни. Но как-то тихо, несмело, в отличие от остальных наглых и напористых, быстро оттерших ее в сторону.

«А ниче так, симпатичная. В моем вкусе. Главное, чтобы Мариночка не заревновала, а то уже вроде как и не встречаемся пока, а молнии глазами мечет. Нет, чую, пора переходить в активную фазу. Ой, пора!» – подумал я, возвращаясь к рапорту. Поскольку рука уже была набита, закончил первым – начал с белого листа, а не с черновиков, как остальные.

– Вот, товарищ капитан, закончил, – сказал я, вставая и отряхивая галифе от налипшей травы.

Написание рапортов происходило на свежем воздухе, что было правильно – штабная землянка, конечно, большая, но всех все равно не вместит.

– Ну-ка... Да, все правильно. Можете идти отдыхать, – разрешил Смолин, изучив плод моего творчества.

– Я на стоянку, узнаю, что там с моим МиГом.

– Ладно. Никитин поговорить с тобой хотел. Так что далеко не исчезай.

– Хорошо.

Девушка, что-то писавшая в большой – формата ближе к А-3 – альбом, резко закрыла его, когда я подошел к ней. Вернее, не к ней, а к Сомину.

– Нужно поговорить. Я на стоянке буду, – тихо шепнул я командиру, проходя мимо.

На стоянке все было в норме. Ходили оружейники, таща длинные ленты крупнокалиберных патронов для МиГов. Сустились механики, осматривая машины; бегали бойцы хозчасти, списывая утраты. Все работали. Присев в тени своей машины, где возились Семеныч с мотористом, что-то подкручивая под капотом, достал из планшета блокнот и на восемнадцатой странице принялся выкладывать свои мысли.

– Чего звал? – присел рядом Сомин. Кроме него подошли мой ведомый и еще несколько пилотов. К этому времени я закончил и подал блокнот.

– О как? – только и сказал старлей, когда прочитал вступление, но потом только удивленно качал головой.

Пока он изучал мой план, я встал, чтобы размять ноги, и тут же увидел ту девчонку-репортера, тихой мышкой устроившуюся у хвоста самолета с неизменным альбомом.

– Девушка, вы что-то потеряли? – спросил я. Судя по удивленным лицам парней, они тоже ее только что заметили.

– А? Н-нет. Можно мне тут посидеть? Я не помешаю? – с робкой улыбкой спросила она.

– Не помешаете... Да нет, что я говорю?! Помешаете, конечно! Вы, девушка, сходите пока... – наклонившись к Сомину, который не отвлекался даже чтобы послушать наш разговор с девушкой, поинтересовался: – Слушай, а если она из этих?

– Из кого? – не понял он.

– Ну те, что пальбу устроили на аэродроме? А? Вынюхивает?

Мы оба повернулись к корреспондентке и с подозрением посмотрели на нее.

– Да не может быть, их же проверяли, – с сомнением проговорил Сомин.

– Тех тоже проверяли, и что? Лучше при ней ни о чем не говорить.

– Согласен. А куда? Я не дочитал...

– А к Никифорову и пойдем, к тому же он неплохие советы по этой теме дать может.

– Да что он понимает?! Хотя да, лучше подстраховаться. Пошли.

– А можно мне с вами?

«Интересно, сколько ей лет? Восемнадцать наверняка, студентка какая? Непонятно. Но черт возьми, она все-таки в моем вкусе, знают немцы, кого подсылать!»

– Да, конечно. Пойдемте, – подхватив ее под локоток, я ответил с шикарной улыбкой и тут же увидел Лютикову. Сцена была та еще.

– Вот, блин!.. Извините!

– Что? – не поняла репортерша.

– Девушка, извините, мы не представлены, Вячеслав Суворов.

– Дарья... Миронова. Корреспондент «Комсомольской правды», – с легкой заминкой ответила она.

– Да? Ну приятно познакомиться. Вы пока пройдите с товарищем старшим лейтенантом, а у меня тут важное дело-о-о, – крикнул я уже на бегу. Марина уже почти скрылась с глаз за густым кустарником. Судя по ее лицу, когда она резко развернулась, чтобы уйти, у нас будет серьезный разговор.

Догнал я ее у бензовоза, который загнали под кроны деревьев, и, настроившись на ее шаг, стал сочувственно вздыхать.

– Ну что еще? – остановившись, сердито спросила она.

– Да вот хочу пригласить вас, несравненная Марина Викторовна, на луну полюбоваться в эту прекрасную ночь, – издали начал я.

– Тебе этих вертихвосток не хватает, которые постоянно около тебя на концертах крутятся? Даже не подойдешь к тебе, сразу шипеть начинают. Или эта малолетняя соплячка? Я тебе зачем?

– Потому что ты мне нравишься. Ну Марин, давай серьезно, что не так?

– Да?.. – остановилась она, стрельнула куда-то глазками и вдруг прижалась ко мне и поцеловала в губы. Но мне только предложи – минут пять длился поцелуй среди деревьев.

И только когда нам не стало хватать воздуха, мы оторвались друг от друга. Увидев, что она смотрит куда-то мне за спину, обернулся. Там были спины удаляющихся бойцов и синее платье репортерши, которая постоянно оглядывалась. Показалось мне или нет, но на ее глазах блестели слезы. Отбросив эти мысли в сторону, снова попытался привлечь Марину к себе, но был бит по рукам.

– Что? – не понял я. То целует, то отгоняет.

– После концерта у меня, – сказала она и, развернувшись, скрылась среди деревьев. Почесав затылок, я пожал плечами и направился к опушке, находившейся метрах в пятидесяти от того места, где мы целовались.

«Сдвинулось-таки с мертвой точки!»

Посмотрев на заходящее солнце, я отправился вслед за остальными ребятами – пора до конца проработать налеты на немецкие аэродромы. Нанести, так сказать, ответный удар.

Неожиданно мой грубый набросок плана вызвал в части резкий резонанс среди начальства. Примчался командир нашей дивизии полковник Миронов и взял все в свои руки. Были подключены контрразведка и госбезопасность. План переработали и расширили. Заодно я случайно выяснил, что полк майора Запашного, а вернее наша группа, была экспериментальной. За всеми моими нововведениями тщательно следили и документировали. Теперь было понятно, почему все, что я предлагал, так легко вводилось в жизнь. Все очень просто – наш опыт собирались использовать для переформирования всех воздушных сил. Истребительных, я имел в виду.

С помощью трофейной радиостанции, посадив за нее двух пленных летчиков под приглядом переводчиков, стали прослушивать эфир. У немцев был свой сленг, который переводчики учили не отходя от радиопоста. Усилили посты ВНОС. В общем, работа пошла. И это

за один день. Охрану аэродрома тоже усилили, я даже видел, что кое-где мелькали фуражки пограничников. Также перед самой темнотой прибыли две батареи тридцатисемимиллиметровых зенитных автоматов.

Вечером бойцы моего звена с Соминим нашли меня в радиоземлянке, где я читал перехваты и пытался создать схему структуры подразделений противника. Судя по данным, сведения, предоставленные контрразведчиками, хоть и устарели на два дня, но оставались актуальными. На нашей полосе фронта работали два крупных немецких аэродрома, я их уже пометил буквами «А» и «Б».

– Концерт начнется через полчаса. Гости уже направились на поляну, – постучав по стеклу часов, сказал Сомин, но в это время в землянку спустился командир радиовзвода лейтенант Лазарев и сообщил:

– Только что расшифровали. Сегодня пополудни на точку «А» села кампфгруппа. Судя по радиосообщению, она передислоцировалась с Украины, чтобы уничтожить советского летчика Суворова, позывной «Малой».

– Пора менять позывной, раз его уже немцы знают, – сказал я недовольно, мысленно пробегаясь по методам противодействия.

– Состав известен?

– Нет. Сообщили только о прибытии.

– Угу. Немедленно эти данные командованию. Я к полковнику.

Однако к полковнику я не успел, меня перехватили по пути. Нужно ли говорить, в каком состоянии я начинал свой очередной концерт? Ладно хоть успел шепнуть Сомину, чтобы он нашел Миронова.

По просьбе командования полков выложился полностью, отдавшись всем тем чувствам, что бурлили в крови. Танцплощадка была забита танцующими парами, кружившимися под медленную музыку. Несколько песен мне пришлось спеть на «бис», многим понравились «Зима» и «Таежные звезды».

Именно последняя пришлась по душе старшему поколению. Когда я спустился со сцены по завершению концерта, мне впервые подарили цветы, и кто? Та самая девчушка, которая оказалась еще и дочерью командира дивизии. Мне об этом Сомин сказал, когда выяснил, кто она такая, у Никифорова.

– Спасибо. Как-то даже непривычно, у нас обычно бывает наоборот, – улыбнувшись, поблагодарил я ее, пытаясь рассмотреть при свете редких фонарей.

– Пожалуйста... – хотела было еще что-то сказать, но тут я увидел полковника Миронова и рванул к нему.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться?

– Обращайтесь.

– Товарищ полковник, вы получили данные последнего радиоперехвата?

– Да, получил. Я так понимаю, у вас есть что предложить по этому поводу?

– Да, товарищ полковник. Превентивный удар.

– Пройдемте в штабную землянку, – приказал комдив более строгим тоном и в сопровождении своей свиты направился в сторону аэродрома.

Меня попридержал за локоть майор Запашный и тихо спросил, что я имел в виду. Быстро, на ходу, следуя за командирами, я объяснил суть идеи, которую он ухватил очень быстро.

– Хорошая идея, но вылетать нужно... – посмотрел он на часы, – через пять часов, иначе будет поздно. Я прикажу, чтобы пилоты легли спать немедленно.

Моя идея заключалась в том, чтобы нанести удар по одному из аэродромов всей собранной мощью. Причем целью первого удара должны стать жилые постройки летного и технического состава. Без пилотов самолет не взлетит, так что, по моему мнению, это была правильная мысль. И я даже сумел убедить в этом командование. Уничтожить самолеты на стоянках,

конечно, хорошо. Для отчетности. Но и обезопасить себя на будущее тоже было бы неплохо. Жаль, сил не было устроить два набега. Машин хватало только на один полноценный налет. Понятное дело, выбор пал на тот аэродром, где села кампфгруппа. Пока Миронов получал разрешение в штабе фронта, пока согласовывал еще с двумя полками, которые выделил для этой операции штаб, остальные начали подготовку. В дальнейших дискуссиях при разработке плана я не участвовал, меня отправили отсыпаться перед вылетом. Пусть сами рассчитывают скорости разных типов машин, чтобы они приходили на аэродром «А» волна за волной. Я оставил склонившихся над картой командиров и отправился к себе в землянку.

А к Марине так и не попал. Служба.

Разбудили нас в три часа утра. Быстро умывшись и позавтракав, мы в рассеивающейся темноте направились к стоянкам самолетов, где уже вовсю кипела жизнь. Пошли на взлет первые ласточки. Мое звено по плану шло с третьей очередью. По подсчетам специалистов, именно на третьей волне к аэродрому «А» подлетит помощь с аэродрома «Б». Так что к этому времени мы уже должны были прикрывать наши машины. В первой страже поставили «ишачков» соседнего полка.

Фактически так и получилось. Первая волна уже шла обратно, а вторая работала, когда мы повисли на самом верхнем эшелоне, внимательно следя за воздухом. Аэродрома не было видно – все затянуло дымом от горящей техники и построек. Вторая волна состояла из «чаек», и сейчас они эрэсами работали по стоянкам самолетов, потому как восемнадцать СБ нашего полка и около тридцати машин других полков, которые привел лично Никитин, уже хорошо отбомбились по жилым домам, сравнивая их с землей.

Мы находились на семи тысячах, когда пришел сигнал от наблюдателя на разведчике о «мессерах». «Чайки» уже выстроились и уходили к себе, когда появились «худые». Если бы штурмовики не находились в прямой видимости, мы бы тоже ушли, но оставлять их на растерзание «худым» было нельзя.

– Малой, я Кубик. «Слоеный пирог», как понял?

– Вас понял. «Слоеный пирог».

Сомин выбрал неплохой стиль боя. «Пирог» – мы сверху, они на горизонталях с немцами – мог принести неплохие результаты, но нас было десять против двадцати двух. А это не есть гут.

Немцы летели двумя группами – по десять и двенадцать самолетов – на четырех тысячах. Мы атаковали тех, что были чуть выше, разбившись на пары, а Сомин – другую группу.

В отличие от нас, он сразу использовал все эрэсы. Это принесло некоторый успех – три огненных комка понеслись к земле, и теперь немцев было семь против шести наших «таиров», уже закрутивших боевую карусель. А мы эрэсы пока берегли – смысла не было тратить ракеты: вторая группа шла четверками.

В наушниках был отчетливо слышен мат наших и немцев, ведущих яростный бой, когда мы врзались в первую четверку.

«Есть один!» – подумал я, когда атакованный мною «худой», лишившись крыла, завертелся и начал падать. Выйдя из пике, я снизу атаковал вторую четверку и с ходу подбил ведущего. Лапоть висел на хвосте, не отстал. Карпов крутился с тройкой немцев, к которым на помощь шла первая четверка, то есть уже тройка «мессеров».

– Карп, держись, мы идем на помощь. С запада три «худых» подходят, будь осторожен.

Я не успел. Когда мы с ведомым подскочили к дерущимся, из клубка вывалились сразу две машины – «худой» и МиГ, судя по номеру – ведомый Карпова, сержант Валиков.

– Прикрой, атакую! – крикнул я Лаптю и кинулся в эту свалку. Карпову приходилось плохо, и мы подоспели почти вовремя. Сбив атакуемый «мессер», я отвалил в сторону и осмотрелся – ведомого не было.

– Черт! Лапа, прыгай! Это приказ!!! – только и крикнул я, заметив три дымных следа.

Развернувшись, бросился обратно – на Карпова накнулись сразу пятеро, от которых он с трудом отбивался.

– Карп, левый разворот!

Хитростью в этом маневре было в том, что там находился я, и мы разошлись на встречных курсах, как и с немцем, что висел у него на хвосте. Пропустив Карпова под собой, я открыл огонь из пулеметов, на очереди которых и напоролся немец.

– Бросай этих! Идем к Сомину! Ему нужна помощь! – крикнул я по радиации, и мы стали пикировать вниз, где на трехкилометровой высоте дрались «таиры».

Вторая четверка «худых» из «нашей» группы не стала связываться с нами, предоставив это дело первой и третьей, а кинулась на помощь своим, с которыми бились «троечки».

Форсируя моторы, мы спешили к соминцам. Я быстро осмотрелся, пока была возможность. «Мессеры» висели у нас на хвосте примерно в километре. Быстро пересчитав их, я понял, что от двадцати двух «худых» осталось всего девять. Шесть сбили мы – четырех я, одного Карпов и одного сержант Валиков, а семерых – «троечки».

– В сторону!!! – крикнул я на подлете. Пара «таиров» дернулась в сторону, дав мне возможность для стрельбы. Пара же немцев не ожидала, что на них сверху упадут «МиГи», в эфире стоял такой гам, что даже не знаю, как меня слышали. С направляющих сорвались ракеты и понеслись к «худым». Попасть в такой ситуации было практически невозможно, но случилось чудо – один из эрэсов все же врезался в кабину «мессера», отчего тот развалился в воздухе. Карпову тоже повезло, и ведомый «худой» последовал за своим ведущим. Отбившийся немец, на которого я нацелился после выхода из пике, внезапно столкнулся с одним из «таиров», и они вместе кучей обломков понеслись к земле.

«Блин, а без эрэсов, заметно лучше. Нужно было раньше отстреляться. Эх, опыт нужен, реальный опыт, а не теория!!!» – подумал я, выходя из виража.

– Уходим! Уходим! – раздался в эфире крик Со-мина.

Продублировав его и отбивая постоянные атаки, я стал отходить в сторону фронта.

Вдруг самолет затрясся, и рядом пронеслась стремительная худая тень. Мотор заглох и начал потихоньку дымить. Мы не уследили – подошла вторая волна истребителей с аэродрома «Б».

– Карп, меня подбили, иду на вынужденную! Уходи, это приказ!

Но он не послушал. Прикрывая от атак, сцепился с парой немцев. Отдав ручку управления от себя, я ввел МиГ в пике. Прыгать не хотелось – шансы долететь до земли живым при таком количестве немецких истребителей на квадратный метр были очень малы. Тем более с такими потерями, что они понесли. По-любому мстить будут.

Земля быстро приближалась, когда осталось около километра, я попытался сбросить фонарь, но не смог – заклинило.

– Кубик, я Малой, как слышишь меня? Прием!

– Я Кубик, слышу тебя хорошо. Находимся у линии фронта.

– Я подбит. Иду на вынужденную. Карп ведет бой с четверкой «мессеров».

– Принято. Помочь ничем не могу, боезапаса нет.

– Понял. Рано меня не ждите, долго топать.

Ответа я уже не услышал, приближалась земля. Место для падения было выбрано мною не случайно. Лесной массив, до ближайших деревень далеко, немцев рядом нет. Поляна была длинная, должно было хватить. Выпустив закрылки, я стал планировать, пока не коснулся земли.

– Уф-ф-ф!!! Вот это посадка!

Отстегнув ремни, попытался снова открыть фонарь, но опять не смог. Тогда стал бить по нему плечом, пока он с хрустом не стронулся с места.

– Валишь-валишь-валишь, – только и приговаривал я, выкарабкиваясь на измочаленное крыло – хорошо им посшибал молодняк на поляне, что дало потрясающий зубодробительный эффект. Скинув парашют, рванул к лесу, придерживая бьющую по бедру кобур с маузером.

Только успел добежать до деревьев, как над головой пронеслись несколько теней, послышалось тархтение пулеметов, и на меня посыпались ветки, кора и другой мусор.

Отбежав от опушки метров на триста, рухнул под одно из деревьев и попытался отдышаться.

Давая организму отдохнуть, я мысленно прошелся по всему, что только что случилось. Задание полностью выполнено, аэродром фактически уничтожен, однако с прикрытием мы перемудрили. Это или командование решило, что мы такие крутые, что сможем продержаться против немецких асов, или мы – в том, что уже все умеем. Скорее всего, присутствовали оба варианта плюс недооценка возможностей противника. Потери были ужасающими. Три МиГа – это еще не зная, что с Карповым. Две «троечки» – четко видел, что уходили только четыре «таира». Удар по самолюбию сокрушающий. Не спасало даже то, что я сбил пятерых.

– За одного битого трех небитых дают, – простонал я, вспоминая парней.

Я не знал, что мой ведомый умудрился долететь на горящем истребителе до наших позиций. Его, полубогоревшего, севшего на вынужденную, вытащили из кабины ездвые артиллерийского дивизиона. Помощь была оказана вовремя, и Саша Лапоть отправился в далекий путь по множеству госпиталей.

Горевать не было времени, нужно было выбираться к своим. То, что я находился за линией фронта, то есть на немецкой территории, я знал прекрасно. Но где? Как-то не было времени осмотреться. До наших оставалось минут десять лету. Значит, километров тридцать пять от фронта. Аэродром «А» находился в пятидесяти, то есть отлетел я от него километров на пятнадцать, но это примерно.

Открыв планшет, достал карту и стал с интересом крутить ее.

– Так! Бой мы вели восточнее с уходом в глубь территорий противника. Потом наше бегство, и вот тут меня подбили... Ну вроде тут! Потом я планировал... Блин, и в каком из этих двух лесов я нахожусь? Так, нужно припомнить, с какой стороны была дорога? Вроде с левого плеча... Получается, я вот тут, а фронт тут. Во, и поляна есть... Черт, почти сорок километров, и это только по прямой. Блин, далеко нас немцы в глубь своих территорий оттянули, далеко! Ладно, не хрен сидеть, почапали.

Убрав карту обратно, я достал пистолет, проверив его, сунул за пояс – оттуда как-то доставать быстрее – и, осмотревшись, направился на восток, домой.

Пока шел по лесу, вспомнил свои блуждания с Васечкиным: нынешняя эпопея напомнила наши хождения в месте прорыва моторизованных частей Вермахта, только не было со мной парня и болот. Перепрыгнув через ствол упавшего дерева, пошел было дальше, но почувствовал запах разложения. Принюхиваясь, я вышел на поляну, где, прикрывая нос рукавом комбинезона, быстро осмотрелся. На поляне лежали трупы советских бойцов. Десятка два, по моим прикидкам. Судя по остаткам костра и валявшегося в золе котелка, группа встала на ночевку, но на нее наткнулись немцы и, подобравшись ближе, в упор расстреляли. За подобное развитие событий говорило то, что у погибших забрали все – и документы, и оружие. Против – немцы ночью не воюют, а нападение точно было ночью.

Отойдя немного в сторону против ветра, я набрал в легкие свежего воздуха и быстро зашагал обратно, высматривая, что может пригодиться. Первым делом подхватил котелок с остатками какого-то варева, он был цел, ну почти, попавшая в ободок пуля не в счет. Потом снял с ветки явно сушившуюся плащ-палатку... Неведомые убийцы хорошо прошли по

поляне, но искали все ночью и кое-что просмотрели. Например, полный сидор, висевший на сучке березы немного в стороне. Больше всего меня в нем обрадовали сухари. К сожалению, кроме этих самых сухарей, ничего съестного больше не было, но и это хлеб. Свежие портянки и другой скарб рядового красноармейца меня не привлекли, и лишние вещи я выложил. Еще раз осмотревшись, накинуд на себя сидор, плащ-палатку и, подхватив котелок, направился дальше.

К обеду я вышел на очередную лесную дорогу, но в этот раз не заросшую, неезженую, а вполне себе действующую.

Хрустя очередным сухариком, быстро осмотрелся. Дорога была пуста, но в отдалении слышалось гудение мотора. Перебежав на другую сторону, залег в кустах на опушке, накрывшись плащ-палаткой.

Мне было интересно, что же это ехало. Если какая-нибудь машина с одним водителем, появлялся шанс отобрать ее и двигаться дальше уже на колесах – честно говоря, путь пешком меня уже изрядно утомил. Да и лес через пару километров, судя по карте, должен был закончиться, а идти по открытой местности тоже не очень хорошая идея.

Наконец звук мотора стал слышен более отчетливо, и из-за поворота показалась туповатая морда грузовика, набитого немецкими солдатами. Как я это узнал? Да очень просто! Тента не было, и я отчетливо рассмотрел два десятка немцев и... одного советского летчика, сидевшего на лавке спиной к кабине.

«Твою мать! Карпов! Все-таки сбили его, ушлепки!» – узнал я своего подчиненного.

Я тоскливо провожал его взглядом, пока машина не скрылась за очередным поворотом – помочь сержанту возможности не было, хотя... Вскочив, я углубился в лес метров на пятьдесят и, вспомнив свои тренировки по бегу, рванул параллельно дороге. Сейчас я помочь ничем не мог, но они же должны куда-то отвезти его? А там посмотрим. Для себя я решил, что без Карпова не вернусь.

Дорога, шедшая в сторону фронта, на опушке поворачивала вправо и уходила вдаль. Выглянув, я увидел не успевшую осесть пыль и грузовик вдали. Похоже, немцы направлялись в большое село на холме.

– Стопроцентно вы, уроды, там остановитесь, – простонал я, пытаюсь восстановить дыхание, затем, снова углубившись в лес, побежал к селу.

Лес не доходил до села метров четырехста, отгородившись от него огородами. Найдя подходящее дерево, я сложил вещи и стал карабкаться наверх. Нужно было узнать, что происходит в селе. Как я и думал, грузовик стоял рядом со своим близнецом у бывшего сельсовета. Обе машины были пусты, кроме пары часовых я больше никого не увидел.

«А, ну да. Обед же», – сообразил я, глянув на часы.

На моих глазах к сельсовету подъехала легковушка, и из нее вылез худощавый офицер. Сельсовет находился метрах в шестистах от меня, но рассмотрел я офицера неплохо, хотя звание не определил – далековато. На дереве я просидел часа три, наблюдая за жизнью села и работоспособностью немцев. Однако Карпова так и не увидел. Даже простых пленных не было. Сельчане только и немцы.

– А вот это интересно, – пробормотал я, заметив трех пацанов с удочками, которые шли в мою сторону. Судя по времени, шли они на речку, текущую правее метрах в трехстах, на вечерний клев. – И кто нам поможет? Конечно же, свои глаза и уши в стане врагов. Нужно поговорить с пацанами, – решил я и стал быстро спускаться.

Перехватил я их почти у самой воды. Свистнул, привлекая к себе внимание, и махнул рукой, когда они обернулись, настороженно посмотрев на меня.

– Вы кто?

– Советский летчик... Мы так и будем кричать? Может, подойдете, а то мы внимание так привлечем?

Мальчишкам было лет по десять, обычные белобрысы пацаны. Переглянувшись, они смело направились к кустам, где я прятался.

Пацанов звали Андрей, это у которого родинка под губой, Ваня – с пересекающим бровь шрамом, и Валерка. Они оказались одноклассниками.

– Мне нужна информация, и я думаю, вы в этом мне поможете, – сказал я, застегивая комбинезон – пришлось показать им знаки различия и похвастаться орденом, больно уж недоверчивые мне пионеры попались.

– Это вы про летчика, которого привезли на машине? – хитро улыбнувшись, спросил Валерка.

– Точно. Сержант Карпов из моего звена. Вы знаете, где он?

– Знаем, мы все знаем! – со значением кивнул Андрей.

– Так это хорошо. Вот тебе блокнот и карандаш, рисуй план села, а особенно – как из него незаметно выйти и войти. А вы рассказывайте все!

– Хорошо, – кивнули оба мальчишки, пока Андрей, высунув от усердия кончик языка, рисовал схему.

– Товарищ лейтенант, а это не вы пять немцев сбили над Минском? – спросил Иван.

– Было дело.

– Вот! Я же говорил!.. У нас ваша фотография в клубе висела, из газеты вырезали, но немцы ее сорвали.

– Давно они тут?

– Семь дней уже. Коменданта, вон, назначили.

– Ага, это как Минск взяли двенадцать дней назад, они до вас за пять дошли, понятно.

С Минском, кстати, интересная история вышла. Насколько я помню, взяли они его в конце июня, а в этой истории, которую я невольно изменил, дата падения города была девятое июля. На десять дней больше – десять!!! – продержались защитники. И это – из-за правильных разведанных о силах и месте наступления немцев. Насколько я знал, генерал Павлов успел стянуть на отражение главного удара немцев все доступные части, особенно артиллерийские и авиационные, и «гансы» там кровью умылись, хотя все же прорвались. Вот такие дела. Да и с захватом Могилева у них тоже что-то дело шло не ах. Тормозили они, тормозили.

– А сколько у вас сейчас сбито? – продолжал наседать Иван с жадным любопытством.

– Двадцать шесть. В этом вылете, когда мы немецкий аэродром раздолбили, я пять истребителей сбил.

– Ого! – восхищенно выдохнули все трое.

– А Карпов, которого немцы в плен взяли, двух, – приписал я сержанту для авторитетности еще одного.

– А почему вас сбили?

– Их больше было. Кучей навалились, – вздохнул я.

– Понятно... – тоже завздохали мальчишки.

– Но это все не то. Вы мне лучше расскажите, что у вас в селе творится и где Карпов?

Переглянувшись, мальчишки начали рассказ. Андрей продолжал чиркать в блокноте, но в то же время вставлял свои три копейки.

Когда немцы, выбившие наших, ушли дальше, по-явились другие. Они согнали все население на главную площадь и что-то прогундосили. Тут мальчишки стали спорить, что говорил немец. Помните поговорку про мужика, к которому его слова вернулись через несколько человек настолько другими, что даже смысл потерялся? Так и здесь, уже несколько дней идет спор, о чем была речь. В общем, среди населения главенствовали две версии, кроме мелких, конечно. Первая – при немцах будет хорошо, это меньшинство. И вторая – живите спокойно, но только выдайте коммунистов. Эту версию подтверждали листовки, которые педантичные немцы расклеили по столбам. Там же сообщалось, что за сдачу будут платить премиальные.

– Но никто к немцам не пошел. Вон, у тети Марины раненый красноармеец лежит, все знают, но молчат, – говорил Иван, хмуря брови.

«Расскажут, еще не время. Очень скоро повывезают всякие шкуры, в меньшинстве, конечно, но повывезают, и всем все припомнят!» – мысленно вздохнул я и спросил, чтобы сменить тему:

– У вас тут окопы по огородам идут, бои шли?

Про Карпова уже не спрашивал, парни рассказали. Он находился в запертом строении бывшей мастерской, причем не один. Утром привели шестерых и тоже посадили туда. По словам Валеры, видевшего, как их вели, это были красноармейцы с двумя командирами. Когда пацаны шли на речку, пленные продолжали находиться в мастерской, поэтому я решил устроить слежку.

– Наши дрались как львы, – пафосно начал Валера, – но их танками подавили.

Иван оживился:

– Да они танк немецкий подбили! Он там, на лугу. Немцы туда все разбитое и подбитое утащили, но нам туда нельзя, они охрану поставили.

– Много техники битой?

– Много. И машины, и танки, и пушки, некоторые раздавленные.

– Чего радуешься, дурак? Там и наши танки есть, – дал ему затрещину Валера.

– Понятно. Металлолом собирают, – ответил я.

Чтобы что-то спланировать, нужно все знать. Как говорил один... э-э-э... короче, я говорил. Войны не выигрываются без разведки, а у меня тут сидят три ярких представителя этого семейства. Хорошенько измордовав инструкциями Валеру и Ивана, отправил их в село. Ивана – наблюдать издалека за мастерской, где содержат пленных, а Валеру – за машинами и обстановкой в селе.

– Ну а ты, художник, давай объясняй, что нарисовал.

В течение получаса я разбирался в тех каракулях, что накорябал Андрей.

– Ну это я понял. Вот на этом выезде пост с пулеметом и пушкой, я прав?

– Да, я даже не знаю, как вы сможете выехать. Может, нам отвлечь их?

– Хазер. Молчи, потомок камикадзе.

– А?

– Я говорю, не нужно таких крайних мер. Вот ты мне скажи, тут через огороды проехать можно?

– Так ведь ограды же!

– Машине похе... ..безразличны ограды, она их ломает.

– Да? Тогда вот тут можно проехать, ни с одного поста не достанут, и вот тут, а еще тут и вот через огород бабы Вали. Товарищ лейтенант, проедьте по ее огороду, вредная старуха, ругает нас!

– За яблоками к ней лазите? – понимающе улыбнулся я.

Андрей молча кивнул.

Часам к семи, когда Андрей наловил десяток густерок, пользуясь сразу двумя удочками, прибежал Валера.

– Где товарищ командир? – спросил он.

– Тут я.

– Товарищ лейтенант, там еще наших летчиков привели.

– Сколько? – нахмурился я.

– Трех.

– Что с техникой?

– Одна машина уехала, но другая стоит, та, что кухню возит.

– Кухню? Какую кухню? – заинтересовался я.

- На колесах которая...
- Да я понял. Куда она ездит?
- Не знаю. Далеко, утром уезжает, в обед приезжает.
- Ин-те-ресная новость... Так, стемнеет через полтора часа, а пока давайте проработаем план, как мне незаметно пробраться мимо ваших собак в центр села, чтобы ни одна не гавкнула.
- Не знаю, – растерялся Валера.
- Беда, – покачал я головой в задумчивости.
- Немцы Трезора бабы Вали убили, гавкал он, спать коменданту мешал, там можно пройти, – вытащив из воды еще одну рыбину, откликнулся Андрей.
- Много собак постреляли? – спросил я у Валеры.
- Много. Шесть. У дяди...
- Ты мне лучше скажи, как пройти? – прервал я его.
- Не получится, товарищ командир, все равно на чужого гавкать будут. Их, конечно, по сараям попрятали, боятся, что немцы убьют, но все равно...
- Ну раз нельзя идти ночью, пойдем сейчас, на лай днем, я думаю, они внимания не обратят. Огородами пойдем...

В селе стояла рота охранного батальона с командиром роты в качестве коменданта. Я это определил по рассказам мальцов. Из всего состава в поселке находилось едва ли два десятка немцев. Те, что привезли Карпова, уже уехали, а вот сама рота, вернее, почти весь ее личный состав, куда-то подорвались рано утром, надо ли говорить, куда? Думаю, меня ищут или еще кого.

Сообщение о моей вынужденной посадке я передал открытым текстом, так что... Думаю, местные охранные части начальство накрутило нужным способом. Ой-ой-ой, что будет! Не удивительно, что вследствие такого активного поиска местные катажки у комендатур стали забиваться нашими окруженцами. И опять я виноват.

- ...где это? – не понял я.
- Вот тут амбар старый, там никого нет, он дяди Игоря, а он на фронте. Дядя Игорь его давно хотел снести, дырявый он и трухлявый весь, вот-вот рухнет, но не успел. Там вас никто искать не будет, и до мастерской, где наших держат, всего сто метров. Там можно до ночи спрятаться, – пояснял на карте Валерка, с поддакиваниями Андрейки, который тоже комментировал рассказ, не выпуская из рук удочку. Он продолжал создавать атмосферу спокойствия и лени. Если кто посмотрит сюда, то не заметит ничего странного – ну мальчишка, ну рыбу ловит, обычный пейзаж.
- Ага. Подобраться к нему реально?
- Конечно. Сначала через огород бабы Юли, это вон тот, – показал он пальцем на плетень, огораживающий территорию приусадебного участка довольно большого дома. – У нее тыква растет, высокая, там ползком незаметно будет. Потом через плетень нужно перебраться, через улицу, вот там могут заметить, но мы на страже будем и скажем, когда никого не будет. Потом огородами дяди Кирилла, бабушки и потом участок дяди Игоря, а там уже амбар. Из него все видно – и площадь, и мастерскую.
- А вещи? – кивнул я на сложенные аккуратно вещи.
- Так мы и отнесем, кто что поймет? – подумав, сказал Валерка.
- Это вроде как с рыбалки идете?
- Ну да. В котелок рыбу, сидор на плечо, а плащ-палатку свернем. На нас никто и внимания не обратит, тут многие так ходят!
- Ну если только не поймают. Вот что. Вы сперва вещи отнесите, обстановку разведайте, а я подожду. Потом и двинем.

Все получилось так, как мы и планировали. Просчитались только с одним. Был вечер, дневной зной спал, и жители вышли в огороды.

В общем, меня два раза полили и чуть не пропололи мотыгой – бабка подслеповатая попалась. Когда я добрался до амбара, мокрый и злой, меня там уже ждали мальчишки, причем все трое тихонько ухохатывающиеся в кулачки или ладони. Мои перекаты и прыжки по огородам они видели хорошо, думаю, впечатлений набрались на всю жизнь.

– Да-а, на полосе препятствий хуже было, – рухнул я на прошлогоднюю солому.

– Комендант, – сразу тихо сказал Андрей.

Амбар действительно был весь дырявый и просматриваемый насквозь, так что приходилось перемещаться по нему по-пластунски.

Подобравшись к Андрейке, я сдвинул шлемофон на затылок и с интересом посмотрел наружу.

– Который из трех?

У входа в сельсовет стоял легковой «Опель» и три офицера рядом с ним.

– Тот, который худой самый и высокий, – ответил лежавший справа Валера.

– Ага, а остальные?

– Тот, второй который, с животом, это из роты, мы не знаем, кто это. А третий у нас часто появляется, он с кухней ездит.

С третьим было интересно, до офицеров было метров двести, но то, что он скорее всего принадлежит к Люфтваффе, я разобрал. Очень интересно.

– С кухней, говоришь?

– Да, он на мотоцикле приезжал, и пару раз они вместе приезжали, он на мотоцикле и кухня за ним.

Очень интересно. Догадаться, что часть, куда ездит кухня, принадлежит к ВВС, было не трудно, но что это? Аэродром подскока? Судя по привозной кухне, вполне может быть. Но кухня? Судя по виду, она была обычной, на деревянных колесах, человек на восемьдесят – сто.

План уже стал проявляться у меня в мыслях, как из мастерской, которую охранял одинокий часовой, вытолкнули одного из наших и отвели внутрь здания комендатуры.

– На допрос повели. Кстати, заметили, где конвойные ключ брали?

– Нет.

– А я видел. Висит у двери он. Какая беспечность. Видимо, часовой охраняет не только пленных, но и ключ.

– Товарищ лейтенант, а как вы их освобождать будете?

– Завтра узнаете. А сейчас руки в ноги и домой, родители обыскались уже, наверное.

– Ну товарищ лейтенант...

– Никаких ну. Вы своих родителей любите?

– Любим, – кивнули пацаны.

– А теперь представьте, что с ними и с вами сделают немцы, если узнают, что вы мне помогали.

– Что сделают? – спросил Иван.

– Лучше вам не знать. Давайте идите домой, только выбирайтесь осторожно, чтобы вас никто не видел.

Мальчишки выбрались через пролом с другой стороны амбара и скрылись среди лопухов, под которыми я приполз сюда. Понимающие ребята. А я остался ждать темноты, наблюдая за жизнью гарнизона и комендатуры.

Часовых я видел только двух. Один у мастерской с пленными, куда уже привели обратно красноармейца, и второй у входа в комендатуру. Судя по всему, он же охранял еще и машины – грузовичок, чем-то похожий на полуторку, и легковой «Опель», на котором приехали офи-

перы. Еще стояли два мотоцикла, но они меня не интересовали. Рота в расположение так и не вернулась. Кухня куда-то ездила, видимо, кормила солдат. Только вот где они?

«Блин, а ведь придется еще и “языка” брать!» – подумал я и вздохнул.

Действовать я начал ночью, часа в два, когда произошла пересменка. Жутко хотелось спать, но я бодрился, хрустом сухаря на зубах изображая мышь в амбаре.

Наконец смена удалилась, и я, выждав с полчаса, выскользнул наружу.

Первой моей целью был часовой у машин, который медленно прогуливался под луной. Дождавшись, когда на нее набежит облако, я метнулся вперед под наступившей темнотой.

Нож с легким хрустом вошел немцу в грудь. Мне пришлось чуть наклониться назад. Ноги немца подогнулись, но я не давал ему упасть, продолжая держать на весу. Наконец он перестал дергаться, и только легкие конвульсии пробегали по телу. Осторожно опустив часового на землю, я еще несколько раз ударил его ножом в грудь, после чего снял карабин, ремень которого сполз ему на сгиб локтя, и амуницию. Подчистив карманы, убрал все, кроме оружия, в машину. После чего, касаясь рукой стены сельсовета, осторожно крался к углу, за которым находилась мастерская и охранявший ее второй часовой.

С ним было похуже. Если к первому подкрасться, прикрываясь корпусами машин, проблем не было, то этот стоял на открытой площадке, освещаемой масляным светильником, прикрепленным к стене мастерской. И чтобы до него добраться, нужно было пробежать пять метров открытого пространства.

Несколько секунд я анализировал ситуацию и придумал.

Метать ножи я не умел, как-то пропустил этот момент, когда занимался с отцом, но вот бегать... Бегаю я быстро.

Подобранный камешек полетел в темноту и зашуршал в кустах. Часовой насторожился и обернулся в ту сторону, снимая с плеча карабин, и тут же я пятью гигантскими прыжками достиг немца и ударил его сцепленными руками под основание шеи.

Гитлеровец с шумом рухнул. Упавший на землю карабин не выстрелил.

Быстро подхватив немца под мышки, я утащил его в сторону от освещаемого участка у двери, после чего, подскочив к стене, зашарил по ней в поисках ключа. Тут я что-то задел, и это что-то полетело в траву у двери.

– Ах ты! Блин! Гоблин безрукий!

– Командир? Товарищ лейтенант, это вы? – послышался за дверью шепот Карпова.

– Да я, я! Блин, ключ уронил! Сейчас найду, – ответил я таким же шепотом и, прислонив карабин к стене, зашарил по траве в поисках ключа.

В мастерской отчетливо зашептали, переговариваясь между собой.

– А ну тихо! Раскудахтались, – зашипел я им в ответ.

Наконец ключ нашелся. Легкий скрип, с которым открылась дверь, в тишине ночи показался громом.

– Сколько вас тут?

– Десять, товарищ лейтенант, – ответил Карпов, первым выходя наружу.

– Хорошо. Держи, – сунул я ему в руки карабин.

Остальные последовали за сержантом.

– Севка, привет, – поздоровался кто-то со мной. Присмотревшись, я узнал одного из пилотов бомбардировочного полка Никитина. Так вот кто эти трое летчиков!

– Привет, Кир, вот уж не думал, что встречу тебя тут.

– Получилось так, нас тут неподалеку подшибли.

– Ясно, потом расскажешь, – сказал я и стал быстро командовать: – Вы, двое, метнулись к машинам, это вон туда, за угол, там немец убитый лежит. Приносите его и закрываете в мастерской. Вы, двое, берете вот этого, связываете, вставляете кляп и грузите в грузовик. Ты

идешь за угол, я там у стены карабин оставил, берешь и встаешь в охранение у машин. Все, работаем! Быстро-быстро!

Сработали мы действительно быстро. Труп немца закрыли в мастерской, пленного – в кузов, сами сели в машину.

– У въезда пост, – тихо сказал, прежде чем залезть в кузов, неизвестный командир; в его одной уцелевшей зеленой петлице сверкнул прямоугольник.

– Знаю. Все уже продумано, – ответил я и сел на место водителя.

«Так, это стартер, это педали...» – разглядывал я управление, подсвечивая фонариком, взятым у первого часового. То ли ему был положен, то ли просто трофей.

Наконец, глубоко вздохнув, я повернул ключ и нажал на кнопку стартера, внутренне радуясь, что он тут электрический, а не как у полуторки, кривой. Два раза крутнувшись, стартер вдохнул жизнь в двигатель грузовика. Не давая машине прогреться, воткнул заднюю скорость и стал сдавать назад. Отъехав от стены комендатуры, развернул машину и включил вторую передачу.

Повалив несколько плетней, разворотив несколько огородов и чуть не застряв на тыквенной грядке, грузовик наконец-то вырвался в чистое поле.

Поле было не очень ровным, так что ехали мы довольно медленно, пока не выехали на проселочную дорогу. Вот тут-то я уж оторвался.

В зеркала было видно взлетающие над селом ракеты, но стрельбы слышно не было, то ли ее заглушал рев мотора, то ли немцы не знали, куда стрелять.

«Что мы имеем? Машина, пленный, два карабина, мой маузер и четыре немецкие гранаты – это плюс. Уж не знаю, почему у обоих часовых были гранаты, но это может нам пригодиться. А вот незнание обстановки – это минус!» – подумав так, километров через десять я загнал машину в первые попавшиеся кусты и заглушил двигатель.

– Что случилось? – спросил сидевший рядом Карпов.

– Куда ехать? Я не знаю, а ты?

– Не знаю, – растерянно ответил сержант.

– Вот. А пленный знает. Нужно допросить его, – ответил я вылезая из кабины. – Бойцы, что там с пленным?

– Очнулся он, когда по полу катался, мычит что-то, – ответил мне кто-то.

– Давай его вытаскивай, допрашивать будем. Кстати, кто-нибудь немецкий знает?

– Ну я немного, товарищ лейтенант, – отозвался другой.

– Все вылезайте, знакомиться будем, – велел я.

Нахлебники попрыгали с кузова, один из них застонал, придерживая раненую руку.

Пока экипаж лейтенанта Ламова вытаскивал немца, я быстро перезнакомился с остальными. Двое оказались танкистами из одного экипажа. Сержант Иванов, командир танка, и мехвод Крапивин. Военврач Фельдман – тот, который про пост говорил. И три красноармейца, один из них был ранен в руку, Комов. Другой говорил по-немецки, Лазарев. Третий представился Быковым, больше я ничего от него не слышал. Кстати, второй карабин прихватизировал Иванов.

Допрос немца не продолжался долго. Лазарев хоть и понимал с третьего на пятое, но что нам надо, перевести смог.

Как я и думал, кухня ездила на аэродром подскока. На нем базировались четыре «сто девярых» и имелся небольшой обслуживающий персонал. А вот охраняли его всего пятнадцать солдат во главе с унтер-офицером. Рация и палатки для пилотов, это все, что там находилось. Друг у немца пару раз сопровождал туда кухню, так что более-менее что там и как, он знал.

– Жаль, сил маловато что-то сделать. Можно было бы захватить технику, – с сожалением сказал я.

– Кхм, – прочистил горло Иванов.

– Сержант, если у тебя есть что сказать, то говори, не смущайся, – подбодрил я.

– А если будет танк?

– А?

– У нас танк есть. Тут не далеко, – пояснил он.

Почесав затылок для стимуляции мозга, я быстро расспросил Иванова. Оказалось, когда его рота попала в окружение, они потыкались туда-сюда, теряя машины и людей, и рванули на восток, прорываясь к своим. За пятидневный марш по немецким тылам потеряли еще две машины и командира роты. В общем, вырваться из устроенной немцами засады смог только их танк с пятью бойцами, ехавшими десантом. Среди них были Комов, Лазарев и Быков. В шести километрах от села закончилось горючее. На последних каплях загнав танк в кусты, они замаскировали машину ветками и двинули дальше пешком, где наткнулись на цепь немцев, прочесывающих лес. Завязалась перестрелка. Два красноармейца и заряжающий погибли, Комов был ранен. Патронов не осталось, отходить некуда, их уже окружили, вот Иванов, как старший по званию, и приказал сдаться. По-моему, правильное решение. Так я и сказал.

Доставая из планшета карту, спросил:

– Где, ты говоришь, он у тебя стоит?

– Вот тут, – ткнул сержант пальцем в нужное место.

Покрутив карту так и эдак, я с недоумением спросил:

– В упор леса не вижу. Ты точно показал?

– Точно. Там леса и не было, я про него ничего не говорил. Там что-то вроде впадины, заросшей высоким кустарником, загнали машину и замаскировали.

– Ну ладно, пусть так будет. Но горючее? Ты же говорил, что оно у вас кончилось? С грузовика слить – так на много ли его хватит? И потом, может, там октан другой?

– Подходит их бензин, мы только на их горючем и ездили. Приметим какую-нибудь автоколонну, стукнем по ней, потом с баков сливаем. Нормально, товарищ лейтенант, подходит. А горючее есть, у нас в кузове двухсотлитровая бочка с бензином, мы проверили, точно он.

– Ага, уже интересно. А боезапас?

– К пулеметам по диску было, но мы их с собой забрали, когда уходили, стало быть, нет. А снарядов всего семь, и пять из них бронебойные.

– Н-да? М-м-м. Лазарев, ну-ка спроси у немца, на аэродроме зенитки есть?

– Нет, товарищ лейтенант. Только два пулемета, – ответил он, поговорив с пленным.

– Тоже не обрадовал. Но делать нечего. Гусеницами поработаете. Если что, мы сзади из карабинов прикроем. Так, все в машину! Иванов, давай в кабину, дорогу показывать будешь.

Задним ходом выбравшись из кустов, я стал крутить баранку по указаниям сержанта.

Нам повезло, танк еще не нашли.

Следуя указаниям вылезших из кузова бойцов, я задом подогнал грузовичок к корме танка. Иванов, выпросив у меня фонарик, уже суеился у машины. Пару раз луч света освещал ее, но я никак не мог определить тип.

– Стой-й-й!!! – заорали снаружи, и не успел я нажать на педаль тормоза, как грузовичок с хрустом врезался в танк.

– Нормально. Борт только поломали, – сказал Иванов, когда я выпрыгнул из кабины на поломанные ветки, хрустящие под ногами.

– Ни дня без аварии, – хмыкнул я под шум из кузова – бойцы с летчиками кантовали бочку к корме, где Крапивин уже открыл баки и разматывал шланг.

– Слушай, сержант, что-то не разгляжу, что за танк? – спросил я у Иванова.

– БТ-5. Обычный, не командирский, – пожал он плечами в ответ.

– А, понятно. Я не разглядел в темноте.

Пока горячее по шлангу заливалось в бак, Иванов куда-то делся с одним из бойцов, но скоро они вернулись с несколькими предметами в руках. Оказалось, они сняли замок и прицел с пушки, когда уходили, и сейчас возвращали все на место.

Заправив танк, мы согласовали маршрут движения и поехали по дороге.

План был такой. После захвата аэродрома мы с Карповым улетаем к своим на «мессерах», пленный говорил, что там именно они, а остальные крушат все, что осталось, и прорываются к своим. Благо опыта у Иванова в этом было немало. Экипаж Ламова уходил вместе с ними. Конечно, не хотелось бросать парней, но и оставаться с ними, когда была возможность быстро перебраться к своим, тоже не дело. Мы – летчики и больше пользы принесем в небе, мы не пехота, не тому обучены.

Первым ехал я, за мной, отстав на сто метров, танк Иванова, светя чудом уцелевшей фарой.

Бойцы в кузове были наготове, держа в руках гранаты и карабины. Маузер свой я отдал Карпову. Фельдман не подавал признаков жизни, странный он был какой-то. Рану у Лазарчука посмотрел невнимательно, да и откуда он взялся, непонятно. Бойцы его не знали, познакомились с ним, только когда их избитых и безоружных вели в село. Там, на окраине, и повстречали Фельдмана, которого конвоировал всего один солдат. Очень странный военврач. Я на всякий случай посоветовал Ламову присмотреть за непонятным доктором.

– Фонарик светит впереди, – вдруг сказал Карпов.

– Да, вижу. Похоже, дорожный пост фельджандармерии.

– Что делать будем?

– По обстоятельствам, узнать надо, сколько их. Стукни нашим.

Карпов пару раз с силой ударил по потолку. Мы уже проверяли, звук отчетливо был слышен в кузове, так что бойцы предупреждены.

И судя по тому, что машина начала заметно раскачиваться, они приготовились к бою. В брезенте над кабиной была прорезана щель, так что парни могли наблюдать за дорогой впереди.

– Пятеро вроде... Нет, точно пятеро. Все с бляхами. Мотоциклы, пулеметы, многовато их.

– Эффект неожиданности. Бей пулеметчиков, – скомандовал я, останавливаясь по требованию старшего поста.

Не успел я сползти на пол, как загрохотали выстрелы и стали рваться гранаты.

– Что, все, что ли? – спросил я, старясь переорать рев двигателя подъехавшего вплотную танка.

– Все! – ответно крикнул мне Карпов, заглядывая в кабину через открытую дверь и протягивая мне мой маузер рукояткой впереди.

Взяв его, быстро проверил, сколько осталось патронов, и вылез наружу.

– Не везет тебе, Камов, – сказал я бойцу, увидев, что Фельдман перевязывает ему вторую руку.

– Бывает, товарищ лейтенант, – морщась, ответил он.

– Ну-ну. Что там у нас с трофеями?

Нашими трофеями стали три карабина, два автомата, два пистолета и пулемет, снятый с коляски. Мотоциклы мы не тронули, только горячее слили – все равно на них никто не умел ездить.

До аэродрома осталось километра четыре, тогда вперед вышел танк Иванова.

Уже рассветало, когда мы ворвались на взлетное поле, описанное нам пленным.

Бухнула пушка, и мешки с песком раскидало в стороны. Пулеметное гнездо заволокло пылью, загрохотал пулемет, установленный на кабину, из-за чего мне пришлось остановиться, чтобы пулеметчик, стрелок-радист из экипажа Ламова, смог спокойно работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.